

Александр Кошкин



ШТУРМОВИК



**20 лет на лучшем в мире
штурмовике «Су-25»,
820 БОЕВЫХ вылетов**

Annotation

Перед вами история простого русского летчика, который воевал даже в те времена, когда все прочие бойцы сдавались. А этот штурмовик воевал и тогда, когда рушился весь мир вокруг него, включая Родину — Советский Союз. Имя этого летчика ничего вам не скажет. О нем не писали газеты, его не снимали телеканалы, тем более никому не приходило в голову писать об этом человеке книги. Этого летчика зовут Александр Кошкин. Он двадцать лет воевал на лучшем в мире штурмовом реактивном самолете Су-25, совершив 820 боевых вылетов. Никто в мире не сделал больше боевых вылетов, чем наш герой. Но Александр Кошкин остался неизвестным миру и даже Звезду Героя ему «зажали», несмотря на вмешательство Владимира Путина. Почему? Потому что настоящие штурмовики воюют не за награды. Они воюют за Родину.

Евгений Зубарев

-
- [А. М. Кошкин](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [1. НЕ БОЙСЯ!](#)
 - [От советского информбюро](#)
 - [2. «ПОТЕРЯШКА»](#)
 - [От советского информбюро](#)
 - [3. НА ГРАНИЦЕ С ТУРЦИЕЙ ИЛИ С ПАКИСТАНОМ...](#)
 - [От советского информбюро](#)
 - [4. ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ](#)
 - [От советского информбюро](#)
 - [5. ОПЕРАЦИЯ «ЯМАХА»](#)
 - [От советского информбюро](#)

- 6. ВЫЖИВАНИЕ
 -
 - От советского информбюро
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ
 - 1. РОЖДЕННЫЕ ПОЛЗАТЬ
 -
 - От советского информбюро
 - 2. ПРО ИСТЕРИЧЕК И ВИНОВАТЫХ
 -
 - От советского информбюро
 - 3. УЧЕНИЯ
 -
 - От советского информбюро
 - 4. ПЕРЕСТРОЙКА
 -
 - От советского информбюро
 - 5. ПРОФЕССИОНАЛ ИЩЕТ РАБОТУ
 -
 - От советского информбюро
 - 6. КРАСНОДАР
 -
 - От советского информбюро
- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
 - 1. ЗДРАВСТВУЙ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА
 -
 - От советского информбюро
 - 2. ПРИВЕТ, АРМЕНИЯ
 -
 - От советского информбюро
 - 3. ИМИТАТОРЫ
 -
 - От советского информбюро
 - 4. ВЫ БЕЗ ПРАВИЛ? И МЫ БЕЗ ПРАВИЛ!
 -
 - От советского информбюро
 - 5. ГЕРОИ АБХАЗИИ
 -

- [От советского информбюро](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [1. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВОЙНЫ](#)
 - [От советского информбюро](#)
 - [2. БЕЗДАРНАЯ ВОЙНА](#)
 - [От советского информбюро](#)
 - [3. СМЕРТЬ В ОБЛАКАХ](#)
 - [АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА](#)
 - [Семья](#)
 - [Выбор профессии](#)
 - [Первый боевой опыт](#)
 - [Работа в Афганистане](#)
 - [На войне надо обманывать](#)
 - [Первые боевые ночные полеты](#)
 - [Сколько у меня боевых вылетов](#)
 - [Первый штопор на войне](#)
 - [Про награды и боевые вылеты](#)
 - [Просто работа](#)
 - [Чужой опыт](#)
 - [Учеба](#)
 - [Чечня](#)
 - [ФОТОАЛЬБОМ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

А. М. Кошкин
ШТУРМОВИК

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Афганистан

1. НЕ БОЙСЯ!

Я сидел за штурвалом Су-25 — ладного, живучего, надежного, но не очень комфортабельного штурмовика. В кабинах советских боевых машин установлены очень жесткие кресла. И не потому, что конструкторы звери, — напротив, так выражается забота инженеров о летчиках. Если ты расслабленно сидишь на мягком, как какой-нибудь гражданский валенок, то выстрел системы катапультирования прямо в твой расслабленный копчик приводит к перелому позвоночника. А с переломанным позвоночником возвращаться на землю даже под куполом парашютной системы не очень комфортно. Поэтому конструкторы предусмотрели для пилотов Су-25 крайне жесткие кресла — чтоб сохранить в целостности наш копчик и заодно жизнь.

Поэтому я сидел в кресле своего штурмовика очень прямо и настороженно — последние несколько лет я иначе в креслах и не сиживал.

А летел я над озером Суруби, что расположено к востоку от Кабула, к ущелью в районе Кадаши. На «удар возмездия».

Час назад мое звено работало в этом ущелье вместе с группой капитана Фабра из 378-го отдельного штурмового авиаполка. И на выходе из атаки капитана сняли «Стингером».

Я сам той атаки не видел, мы следом за ними шли с пятиминутным интервалом. Но по радиации все слышал хорошо — как он сообщил, что подбит, как ему кричат «прыгай!», а он отвечал, что попробует дотянуть до Кабула. Я, в общем, его хорошо понимал — внизу под нами только «духи» хозяйничают, до линии фронта километров 70 как минимум, пешком тихонько не пройдешь да и с боем не прорвешься.

В итоге повезло капитану — дотянул он до трассы на Кабул, там катапультировался и его на земле приняли наши бойцы.

А мое звено развернулось на авиабазу в Баграм. Мы там сели, заправились и опять пошли на место атаки — наказывать «духов» за сбитый самолет. Наказывать обязательно надо, иначе они наглеют до чрезвычайности.

Ущелье, где подбили Фабра, я запомнил хорошо и, когда уходили оттуда, точек ПВО насчитал не меньше десятка. Если эти точки не подавить, хорошей атаки не получится — низко не пройдешь, а значит, цели толком не разглядишь. Поэтому еще в Баграме, пока нас заправляли, договорились, что по ПВО отработают соседи из того же 378-го ОШАП, откуда и капитан Фабр. Звено вызвался вести подполковник Гриша Стрепетов.

И вот они впереди идут, мое звено в пятиминутном интервале за ними следует, и, пока мы летим, я еще раз прикидываю, как буду атаковать, чтобы не повторить судьбу капитана Фабра.

Даже если Гриша со своими орлами подавит все точки с крупнокалиберными пулеметами — «духов» со «Стингерами» — ракетами с тепловыми самонаводящимися головками, которые так и норовят вашей машине в сопло, — так просто не заметишь. Они выбрали позиции, замаскировались и наверняка ждут нас — тоже ведь про «удар возмездия» наслышаны.

А хуже нет ситуации, когда враг к атаке готов. А уж с этими новомодными «Стингерами», что вдруг начали поступать душманам в огромных количествах, шансов у штурмовика немного. Спасает только продуманность атаки — когда точно знаешь, как будешь заходить на цель, чтобы, к примеру, оператору «Стингера» солнце в глаза светило, куда будешь уходить после первой атаки, куда после второй и как двигаться, чтобы все твои уходы стали непредсказуемыми для ПВО.

И вот я поглядываю на карту, придумываю очередной маневр, заодно вперед посматриваю. А там, впереди, звено Стрепетова небо коптит. И вдруг я понимаю, что они не туда летят. Наше ущелье левее расположено, а Григорий повел звено направо. И бодро так повел, смотрю — они уже в боевой порядок выстраиваются, чтоб, значит, громить ненавистного врага.

У меня первое звено Коля Шулимов возглавлял, я ему на резервной частоте тут же рассказываю о задаче. Коля человек деликатный, почти не ругается, а только вздыхает:

— Может, Гриша хитрый маневр придумал, отвлекает типа?

— Может, и отвлекает. Давай смотреть дальше.

Дальше Стрепетов построил своих над правым ущельем в коробочку, и пошли они в атаку на пустое ущелье.

А мы с Колей летим позади и молча слушаем их бодрые крики:

— Цель наблюдаю! Цель поражена! Цель наблюдаю! Цель поражена! Цель наблюдаю!

Что они там наблюдают, интересно, — там ведь даже горных козлов нет, от войны давно уж разбежались.

Минут пять орлы Стрепетова так голосили, сбросили все бомбы и ракеты, из пушек напоследок постреляли и ушли на север, на разворот. Потом связались с нами:

— «Три двойки», я «три пятерки», цели отработаны, уходим на базу.

Что тут скажешь в ответ? Если я сейчас вслух, по радиосвязи, для всех участников представления расскажу, что они по пустому ущелью отработали, Гришин авторитет в полку, и без того не сильно высокий, просто обнулится. Нельзя сейчас об этом говорить. Потом — да, поговорим. Наедине. Ну, может, еще Колю Шулимова позову — ему ведь сейчас тоже обидно и грустно, что придется в атаку идти на готовые к бою душманские системы ПВО.

В общем, отвечаю Грише вежливо:

— Спасибо вам, «три пятерки», за хорошую работу. Удачи.

Пошли они довольные на базу, а мне Коля Шулимов начал выговаривать:

— Командир, как же мы сейчас работать будем? Нас же встретят сейчас со всех стволов.

Что совсем некстати, у Коли ведомый — замполит местной эскадрильи, все того же 378-го полка. Прямо скажем, не самый подготовленный летчик. У меня ведомый тоже не ас, но хотя бы страха не показывает. А вот замполит, послушав последние новости в эфире, вдруг осознал, что нам сейчас предстоит.

Тут же задергался, круги какие-то чудные начал выписывать, типа противоракетные маневры сочинять — душманские-то ПВО не дремлют.

Смотрю, Коля никак его унять не может, в неподдельную истерику впал наш боевой товарищ — пару раз в своих противоракетных виражах у меня перед носом пролетел, боевой порядок вообще не соблюдает.

Я голос строгий сделал, ему команду:

— «Три четверки», набирай 5500, встань севернее в большую коробочку, наблюдай за обстановкой и, если что, докладывай. Мы тебя

потом найдем и заберем.

Замполит все услышал, тут же бодренько наверх понесся, только его и видели.

Тем временем Коля получил от меня боевую задачу — у нас пара целей ПВО была на картах отмечена, он и пошел их гасить. Хотя что-то отработает, у моего звена больше шансов будет остальные цели поразить.

Коля сделал пару заходов, грамотно отработал по точкам ДШК,^[1] потом ушел выше, чтобы мне с моим ведомым не мешать. У меня ведомый, хоть и тоже молодой из 378-го полка, но толковый парень, Петр Шмонов. Мы с ним четыре захода по душманским позициям сделали, очень в тему и ракеты и бомбы там пришлись. Ущелье внизу горит, ухает и взрывается, все намеченные цели уничтожены — в общем, просто праздник какой-то.

И вот уже даже замполит сверху спустился, свой боезапас расстрелять — ему уже не страшно, потому что мы вроде бы зачистили ущелье наглухо, всюду только огонь и дым, никто уже в ответ не стреляет, уцелевшие «духи» попрятались в пещеры от ужаса.

Я с ведомым поднимаюсь на пять километров, команду замполиту, чтобы после атаки к нам пристраивался, а тем временем Коля решил что-то внизу дочистить. Сверху вижу, как он заходит в атаку, подчищает там напоследок какой-то объект и выходит на запад. А там у него на пути очень высокий хребет, тысяч пять, не меньше.

Я снизился, прохожу совсем рядом и в шутку Коле кричу по рации:

— Поддай газку, Коля, а то хребет не перевалишь.

А он ко мне лицо поворачивает, я его вижу через фонарь кабины, и так серьезно мне отвечает:

— Нечем поддавать, Саня, я и так на максималке.

То есть скорость у него минимальная, он идет над узким ущельем и является отличной мишенью для уцелевших операторов ракет. И тут я вижу, как к нему со склона будто дымок от сигареты прилетает.

Ракета четко в хвост вошла, прямо на моих глазах от Колиного самолета обшивка начала отваливаться, потом взрыв раздается.

Я кричу:

— Коля, в тебя ракета попала! Катапультируйся!

Он и сам успел это понять — смотрю, фонарь открылся, кресло полетело. А самолет на последних усилиях тяги попытался перевалить через хребет, но не вышло — начал крениться, потом врезался в самую вершину и рванул остатками топлива.

У меня аж колени затряслись от переживаний. Так и не удалось Шулимову перелететь через хребет на ничейную землю. Коля, товарищ боевой, на моих глазах летит под парашютом в то самое ущелье, которое только что бомбил. Там его не то что живым не оставят — сутки напролет мучить будут, кожу с живота снимут. Душманы ведь летчиков ненавидят самой лютой ненавистью, потому что мы против них очень эффективно работали, защищая наземные войска. Штурмовик Су-25 так и называли в наших войсках — «главная надежда советских мам». Потому что с поддержкой штурмовиков и вертолетов любая сухопутная операция выполнялась с минимальными потерями, а вот, если такой поддержки не было, потери потом считали сотнями.

Откуда в Шулимова ракета пошла, я заметил, развернул машину и с ходу атаковал. Тут даже не в том дело, что отомстить надо. Надо сделать так, чтобы «духи» не вздумали головы поднять и искать шурави^[2] для расправы.

Пока я из пушки расстреливал точку запуска «Стингера», как раз звено Гриши Стрепетова объявилось. Они рядом шли, на траверз Баграма строились.

Я у Григория спросил, видит ли он, куда я работаю. Он говорит, что видит. Что случилось, он спрашивать не стал — все и так по рации слышали.

Попросил я их всех хотя бы по разу отработать мою цель. Надо было, конечно, не по одному разу, да ведь боезапас-то закончился почти у всех.

Сделали они по одному заходу на тот поганый кишлак, а я передал на командный пункт координаты точки, куда Николай приземлился. По высоте там было примерно 3600, склон довольно крутой, но метров двести выше видна была вполне нормальная площадка для вертолета, сесть можно.

Передал координаты на КП, а там уже командующий армией за микрофон сел, лично указания дает. Еще бы, второй самолет за сутки теряем.

Спрашиваю Стрепетова, видит ли он место приземления Шумилова.

— Нет, — говорит. — Не вижу.

Ладно, думаю, ты полчаса назад целое ущелье не заметил, можешь и один парашют просмотреть. Спрашиваю всех его летчиков из звена по очереди, кто парашют видит?

Выясняется, что никто, кроме меня, парашюта не видит.

Командующий дает указание:

— Раз они не видят ничего, пусть уходят, что толку их там держать. Ну а ты, как, наблюдаешь?

— Наблюдаю.

— Хорошо, наблюдай.

Делаю коробочку над Колей, заодно интересуюсь у замполита, который опять наверх ушел:

— Шумилова видишь?

А там такое яркое пятно от парашюта, красно-белое, я его на склоне явственно вижу. Как можно его не видеть, не понимаю.

Но замполит отвечает, что не видит ничего.

— Гору с круглой вершиной видишь?

— Вижу.

— На ее южном склоне парашют видишь?

— Не вижу.

И Петр Шмонов, ведомый мой, тоже гору видит, а парашют — нет.

Ну что тут скажешь? Говорю им всем: отработайте вот по той дороге и тому кишлаку, чтобы «духи» не лезли к Коле, а потом уходите на базу, топливо ведь кончается.

Они вдвоем постреляли слегка, но снарядов и у них тоже почти не осталось. Улетели в Баграм.

Остался я в этом ущелье один. Конечно, страшно было очень. «Духи» ведь не идиоты, видят, что над ними происходит. Сейчас они наверняка лихорадочно приводят в порядок свои пулеметы, вытаскивают «Стингеры» из «нычек», выцеливают меня.

А мне даже маневр хороший противоракетный не сделать — я боюсь парашют из вида потерять, а кроме меня, «вертушки» поисково-спасательной службы наводить на Шулимова некому.

Так и летаю на последних каплях горючего, обмирая от каждого подозрительного дымка на склонах и прислушиваясь к системе оповещения о пуске ракеты. И что совсем плохо, «золотая стрелка», радиомаяк на кресле у Николая, отчего-то не работает — то ли поврежден маячок, то ли не укомплектовано у него кресло было.

Тут, наконец, «вертушки» показались. Начал я их на склон наводить, но все без толку. На вертолетчиков, как и на моих летчиков, тоже какое-то затмение нашло — не видят они парашют, хоть ты тресни. Я и так объясняю, и эдак — не видят, и все тут.

А у меня индикатор топлива уже красным сияет, минут на десять полета керосина осталось. Это значит, через минуту мне на Баграм разворачиваться надо, ближе здесь аэродром есть только в Пакистане.

Наконец, бортмеханик первого вертолета заметил парашют, рапортует на КП, что садится на площадку выше, которую я раньше для них присмотрел. Я по рации его рапорт выслушиваю, молча радуюсь, что нашли и сейчас заберут нашего героя.

Вот на плато сел один из вертолетов, из него выбралась группа спасения, побежали они вприпрыжку вниз за Шулимовым.

Я по-прежнему круги вокруг этого хребта наматываю, прикрываю группу от возможного нападения. На индикатор топлива стараюсь не смотреть, чтобы лишний раз не расстраиваться.

Но через минуту-другую понимаю, что-то возятся они слишком долго. Спрашиваю, что случилось, почему не взлетают.

— Саня, пилота забрали, но мы сейчас еще раз сходим, парашют заберем. Жалко его «духам» оставлять, полезная вещь.

Тут я, конечно, не выдержал:

— Вы охренели, что ли?! У меня топливо на нуле, я вас тут вечно прикрывать не могу! Пошли на взлет!

Командующий на КП крякнул, в нашу светскую радиобеседу вмешался:

— Ну ты, «три двойки», не матерись так в эфире. Спокойнее.

— Да какое не матерись, товарищ командующий! Сейчас еще одну машину можем потерять, а они парашют спасают!

— Тебе навстречу уже пара «грачей»^[3] вышла, на прикрытие, сейчас тебя заменят.

— Понял вас. Наблюдаю взлет «вертушки».

— Взлетели? Тогда давай уходи, набирай высоту.

Проводил я взглядом «вертушку» с Колей, начал тянуть машину вверх по-максимуму. Дотянул до шести километров, а дальше «грачи» не годятся — кабины у нас негерметичные, тяжело работать выше шести километров.

Сделал аккуратный вираж, пошел на Баграм тихонечко и через несколько минут увидел свой аэродром. Успел предупредить КП, что пойду на посадку с ходу. Там народ догадливый, все сразу поняли и оперативно мне место расчистили.

И очень вовремя — только я вышел на глиссаду, первый двигатель делает так: «пу-у-у». И встал. Потом то же самое сказал мне левый. И наступила тишина — никогда я такой тишины еще не слышал в полете.

Но Су-25 — это классная машина, настоящий фронтовой штурмовик. Размах крыльев позволяет обходиться без двигателей, просто планировать, как большая птица, без единого взмаха крылом. Вот я и спланировал на посадочную полосу, а крыльями, что интересно, тоже особо не махал.

Сел в итоге без ошибок и приключений.

Народ, конечно, выбежал на поле поздравлять с успешной посадкой — механики, летчики. Обнялся со всеми, как в последний раз, потом поехал на КП, докладывать командующему по итогам операции.

А через два часа на КП и Колю Шулимова привезли — живого, без единой царапины.

Коля тоже сразу обниматься со мной полез:

— Видел тебя над собой, — говорит. — Знаешь, Саня, очень придает уверенности, когда товарищ рядом.

А сам так нервно хихикает, будто щекочут его.

— Ты чего веселишься так, Коля? — спрашиваю его.

— Я серьезен, как инфаркт! — отвечает он и опять хихикает. Нервов Николай, конечно, в этом бою потерял достаточно.

Потом он рассказал, почему у него в катапульти «золотая стрелка» не сработала и не смогла сразу навести на него группу спасения. Если честно, Коля у нас немного разгильдяем был. Поэтому он не пристегнул НАЗ,^[4] как положено пристегивать перед полетом. Тот и отвалился во время катапультирования вместе с радиомаяком.

И остался Коля на снежном склоне с пистолетом в кобуре и отвагой в глазах. А больше ничего у него не было, хотя в НАЗе для

таких ситуаций много чего полезного имеется.

Залег Коля среди камней и приготовился дорого отдавать свою жизнь. Говорит, хорошо сверху видел, как лезут к нему душманы, но после каждой атаки наших самолетов возвращаются на позиции, оттаскивая раненых и убитых.

— Оказывается, от бомбовых ударов, да и даже от работы пушек ущелье таким эхо отзывается, что уши закладывает. После твоей последней очереди меня там, похоже, контузило, — жаловался Коля.

А ближе к вечеру, после ужина, пошли мы с Колей к Грише Стрепетову на душевную беседу. Карты принесли, показали все, как было. Гриша очень расстроился, ведь его ошибка стала одной из причин, по которой Колю сбили. И хорошо еще, что так все бодро для Коли закончилось, что не забили его там тяпками аборигены.

Непростая в итоге беседа получилась, но мы договорились, что будем Гришу подтягивать в точности ориентирования на местности и в других дисциплинах.

Хотя, конечно, ошибся Гриша не только потому, что подготовка у него хромала. Главная причина — волновались все тогда здорово. Психологически тяжело лететь туда, где только что, у тебя на глазах, твоего же товарища сбили. Ведь и тебя могут сбить точно так. Страшно это понимать.

Но работать надо.

От советского информбюро ЗАЯВЛЕНИЕ ТАСС

Внимание международной общественности привлекают события, которые происходят в настоящее время в Афганистане и вокруг него. И это не случайно. В стране осуществляется курс на национальное примирение, который находит все более широкую поддержку среди всех слоев населения, вызывает позитивный международный резонанс. Постепенно налаживается общенациональный диалог, в котором участвуют представители различных политических сил. Известно, что от вооруженной борьбы уже отказались многие тысячи ее участников, десятки оппозиционных групп, с другими ведутся переговоры о прекращении боевых

действий. В Афганистан возвратились около 40 тыс. афганцев, оказавшихся за пределами своей родины. Обнадёживает и то, что существенные сдвиги, благодаря конструктивной позиции ДРА, достигнуты и в политическом урегулировании положения вокруг Афганистана.

Таким образом, появилась, наконец, реальная возможность того, чтобы долгожданный мир и спокойствие установились на афганской земле, чтобы был ликвидирован опасный очаг напряжения почти в самом центре Азии. Это, несомненно, отвечало бы интересам не только афганского народа, но и всех тех, кто искренне заинтересован в том, чтобы идти по пути разрядки, добиваться устранения существующих конфликтных ситуаций.

Однако эти процессы наталкиваются на ожесточенное сопротивление тех сил, прежде всего внешних, которые не хотят оставить Афганистан в покое. Они озлоблены тем, что события в Афганистане развиваются не по тому сценарию, как бы им хотелось, что им приходится отступать перед волей афганского народа, решительно избравшего для себя дорогу мира. Стремясь сохранить напряженность в регионе, они пытаются затормозить политическое урегулирование положения вокруг Афганистана, заблокировать те позитивные тенденции, которые появляются в нем в настоящее время. Продолжается и подчас приобретает еще более опасный характер вмешательство извне. В то время как правительство ДРА объявило и соблюдает условия прекращения огня, бандитам поставляются все новые партии вооружения, в том числе самого современного, например американские зенитные ракеты «Стингер». Как стало известно, американской администрацией в марте с. г. принято решение предоставить афганским душманам 600 таких ракет, значительная часть которых к настоящему времени уже передана контрреволюционным группировкам. С помощью иностранных инструкторов активизирована подготовка душманов в специальных лагерях, расположенных на территории Пакистана. Бандиты обстреливают города и деревни, устраивают взрывы и

поджоги, сбивают гражданские самолеты, жестокими расправами стремятся запугать тех, кто выступает за примирение всех афганцев. ТАСС уполномочен заявить, что попытки сорвать курс на национальное примирение в Афганистане и достижение надежного политического урегулирования обречены на провал. Порукой тому — решимость афганского народа, последовательная линия правительства ДРА. Дружественная соседняя страна может и впредь рассчитывать на твердую поддержку Советского Союза.

«Известия», декабрь 1986 г.

2. «ПОТЕРЯШКА»

Утром вызвал комполка, объяснил:

— У соседей ЧП. Самолет потеряли. Слетай, поищи.

— А где потеряли?

— А они сами не знают. Комэска у них вел четверку, возвращаются на аэродром, а ему диспетчер с командного пункта кричит: «Товарищ капитан, а где четвертый?» А товарищ капитан и знать не знает, что у него один из ведомых пропал. В общем, ищи под Салангом, там, где он с Аншером сходится.

Вот как так можно — не заметить, что у тебя ведомый пропал?! Я, когда звено веду, каждую минуту головой кручу, всех своих отслеживаю — это если в режиме радиомолчания. А если общаться можно, так еще и по радиации постоянно доклады запрашиваешь, чтобы в курсе любой ситуации быть. А тут командир эскадрильи возвращается не с прогулки, с боевого задания, уже на посадку заходит и только тогда от диспетчера узнает, что у него от звена три самолета осталось.

Вообще, соседи наши, из 378-го отдельного штурмового авиаполка, давно чудят. Мы из Кандагара специально в Баграм прилетели, оказывать шефскую помощь 378-му. У них потерь неприлично много стало, за месяц четыре самолета потеряли. Начали выяснять причины, а они очевидные — плохая летная подготовка. Опыта у ребят нет, в летных книжках приписки, а без опыта даже на хорошей технике много не навоюешь.

Что ж, летим на Саланг, искать старшего лейтенанта Игоря Алешина и его самолет. Летим парой Су-25, я и мой ведомый.

Погода стоит отличная, в Афганистане в горной местности она почти всегда такая — солнце лупит по горам, снег в ответ сверкает, видимость, как порой синоптики говорят, «миллион на миллион». Только вот самолет в горах найти даже при такой видимости очень трудно. Камней вперемежку со снегом повсюду навалено, если в эту кучу еще самолет добавится, сверху его не увидишь. А радиомаяк у Алешина молчит.

Дошли до Саланга, ныряем в первое ущелье. А высота большая, горы здесь по три — пять километров. Кислорода в воздухе мало,

движки тянут тяжело, маневры приходится делать на максимальной тяге.

Поискали в первом ущелье, ничего интересного не видим. Пошли во второе — тоже ничего, кроме снега и камней. А из третьего ущелья я думал, что уже не выйду. Нырнул в него сгоряча, а оно с таким сложным рельефом оказалось, да еще короткое. Начал вверх уходить, а тяги не хватает — вижу отвесную стену ущелья впереди и понимаю, что это конец.

Кричу ведомому: «Включай максималку, ты еще успеешь!» Думаю, у него по ходу запас больше, хотя бы один из нас из этого поганого ущелья выберется, потом всем про него расскажет.

Но сам первым хоть и с трудом, но перевалил за вершину. Буквально в десяти метрах над последними валунами прошел.

А там дальше, смотрю, озеро замерзшее блестит, а за ним полностью заснеженный хребет. То есть все верхние полкилометра хребта аккуратно снегом засыпаны, как кулич пудрой, а на одной стороне в этом белесом мареве понатыканы черные точки. Это наши артиллеристы так снежные лавины вызывают, чтоб, значит, душманы по своим горным тропам не слишком нагло бегали.

А самолета старшего лейтенанта Алешина по-прежнему не видать.

Тут команда пришла от командира полка, что нам пора на Баграм уходить, топливо заканчивается. А я смотрю на хребет и понимаю, что с ним что-то не так. Прошел над хребтом еще раз и понял, в чем дело, — у него снарядами только одна сторона была истыкана. Понятно, почему, — куда стволы орудий смотрят, туда и попадают. А я ясно вижу дырку на другой стороне хребта, куда снаряд никак попасть не может.

Прошли с ведомым над этим местом — и точно, капсула от самолета лежит. Капсулы бронированные, они, как правило, всегда целыми остаются, в отличие от всего фюзеляжа.

Докладываю командиру полка координаты, прохожу еще ниже, так что вижу кресло с мертвым Алешиным.

Потом мы на базу пошли, у нас топливо уже заканчивалось, а на указанное место из штаба полка прислали разведчика, Ту-117. Он сделал фотографии, огромные такие, нам их потом всем на разборе

показали. Оказалось, лейтенант сорвался в штопор, а когда понял, что не выведет самолет, катапультировался, но высоты уже не было.

И началась у нас после этой потери совсем другая работа — всех оставшихся в живых летчиков в 378-м ОШАП отстранили от боевых полетов, а мы их с утра до вечера возили на Л-39,^[5] учили заново всему, что в их летных книжках было отмечено как «сдано».

Тоже, кстати, загадка — мне вот в летные книжки приходилось недописывать боевые полеты, а не приписывать их. Потому что по инструкции больше четырех боевых вылетов в сутки делать нельзя. Если проверяющие увидят в книжке пятый, накажут моего командира, а кому охота подставлять командира?

А работы реально много, такого, чтоб сидели без полетов долго или хотя бы пару суток подряд, не было. Войска давали цели постоянно, отрабатываешь их с утра, прилетаешь на базу, а там для тебя уже новые цели готовы.

Поэтому Афганистан для штурмовой авиации и вертолетчиков особая тема — нигде, кроме как в эту войну, не набирались ценнейшего опыта сотни советских летчиков. Набрать здесь 300–400 боевых вылетов вообще не проблема была, проблемой стало, что нельзя их все в летную книжку записывать.

Тогда я стал писать себе инструкторские вылеты. То есть делал боевой вылет, а записывал его себе как инструкторский. Сначала пришлось, конечно, экзамен сдать. Сдавал командиру эскадрильи, как положено, получил квалификацию летчика-инструктора.

Пока катали соседей из 378-го, много историй от них наслушались.

Первым у них комэску сбили, Сашу Смирнова. Это было над Мазари-Шарифом. Он потом рассказал, что, когда в него ракета попала, приборы вообще не отреагировали, на приборной панели по-прежнему все красиво было. Не было даже сигнала «пожар», который должен в таких случаях срабатывать. Но Саша все равно почувствовал, что с самолетом что-то не то, не так он управляется, как обычно.

Потом выключился правый двигатель. Саша говорил, что поначалу уверен был, что дотянет до базы, но, когда взглянул на левое крыло, понял, что дела плохи, — там все в таком плотном мареве было, в облаке топлива, которое в любой момент вспыхнуть могло. И соседи, что рядом летели, начали ему по рации рассказывать, что от

самолета шлейф какой-то странный тянется, будто в паутину «грач» попался.

Тогда Саша левый двигатель сам отключил, чтобы не взорваться. И стал тянуть до линии фронта, над нашей землей изготовился «кости за борт бросить», то есть катапультироваться.

А тут разом начали рубиться все системы, штурвал заходил свободно, без сопротивления — то есть все, самолет неуправляем абсолютно. Летит еще по инерции, но уже крениться потихонечку начинает, и крен этот ничем не исправишь. Ужасное ощущение — твой самолет, он как родной воспринимается, ты его чувствуешь как близкого человека. И вдруг он тебя перестает понимать, чужим становится, на твоих глазах превращается в бесчувственную железку.

Это очень тяжелое испытание для профессионального летчика — не дай Бог никому такое испытать.

Саша успел катапультироваться, а самолет начало вращать, и он в штопор сорвался. Как непослушный заигравшийся подросток, который решил подразнить родителей самоубийством понарошку, а вышло по-настоящему.

От советского информбюро В МИД СССР ПОСЛУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В СССР БЫЛО СДЕЛАНО СЛЕДУЮЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Внимание британской стороны неоднократно обращалось на возможные самые серьезные последствия поставок новейших вооружений, включая зенитные системы «Блоупайп», афганским бандформированиям, ведущим борьбу против законного правительства Демократической Республики Афганистан. Однако, судя по сообщениям британской печати, власти Великобритании не только не предприняли шагов к тому, чтобы прекратить поток оружия упомянутым группировкам, но и встали на путь направления английских инструкторов для обучения душманов использованию этого оружия. Более того, в своих выступлениях в парламенте 26 июня с. г. министр иностранных дел Дж. Хау и государственный министр

Л. Чокер фактически признали причастность правительства к таким поставкам и пытались их даже оправдать.

Великобритания тем самым осуществляет пособничество необъявленной войне против народа Афганистана, предпринимает действия, направленные на подрыв процесса национального примирения в этой стране.

Очевидны крайне опасные последствия передачи современных зенитных ракетных комплексов группировкам, применяющим их против гражданских самолетов. Это создает весьма серьезную угрозу безопасности международной гражданской авиации, как в воздушном пространстве Афганистана, так и в других районах мира. Жертвами такой политики британских властей могут стать мирные люди, как это уже имело место при использовании душманами этого типа вооружений.

Складывающаяся ситуация не может не вызывать серьезной озабоченности в Советском Союзе, и ответственность за ее последствия, за возможные человеческие жертвы ложится также на Лондон.

«Комсомольская правда», декабрь 1986 г.

3. НА ГРАНИЦЕ С ТУРЦИЕЙ ИЛИ С ПАКИСТАНОМ...

К январю 1987 года мы уже реально начали выдавливать моджахедов из Афганистана. У них со снабжением серьезные проблемы начались — вокруг Кандагара, на юге вдоль пакистанской границы, в районе Шахджоя, в центре страны. Некоторые мятежные районы и ключевые опорные базы, например возле иранской границы, удалось полностью отрезать от каналов снабжения — там «духи» не только без боеприпасов сидели, но даже голодать начали.

При этом мы работали как проклятые — по четыре-пять боевых вылетов в день, а потом еще и ночью стали летать. Но это была правильная работа, результативная. Разведка доносила, что у «духов» моральный уровень упал как никогда, молодежь охотнее шла в народную армию, чем к моджахедам, — такого давно не было, чтоб народ поверил в победу над бандитами. В войне это очень важно — видеть, что твоя работа приносит результат, что стоит еще немного поднажать на врага, и он сломается окончательно.

И вот на таком радостном фоне разведка нам приносит донесение, что на границе с Пакистаном, чуть ли не на его территории, душманы развернули огромный лагерь для подготовки боевиков, самый большой в стране. Десятки казарменных блоков отстроили, людей туда тысячами согнали и готовят уже первый выпуск.

Причем это не какая-нибудь космическая разведка отличилась, не со спутника фотографии прислали. Это наши, простые советские парни из десанта от души побегали по горам в районе Пешавара, на пакистанской территории.

К слову сказать, ни разу за всю мою военную практику не получали мы информации от космических войск. Хотя тоже, бывало, удивлялись — ведь летают же наши спутники над всем миром, почему не прислать хорошую фотографию района боевых действий? Но нет, ни разу не выручали нас космические братья по оружию — то ли качество снимков неважное было, то ли эту информацию придерживали для каких-то более важных нужд.

И вот собирают нас в штабе, и командир полка ставит мне задачу: одним звеном дойти до лагеря боевиков и уничтожить. Причем понятно, почему только одним звеном, — чтоб, если что, потери были минимальны, не больше четырех самолетов.

Я смотрю на карту и понимаю, что задача очень сложная. Нам из Баграма к цели лететь минут шесть, а в Пешаваре, рядышком с лагерем, база американская развернута. Там истребители дежурят круглосуточно, им три минуты нужно, чтоб взлететь и по нам отработать. Мы не то что уйти, мы дойти до цели не успеем. Плюс ПВО там развернута серьезная — не «Стингеры», которыми «духи» еще толком пользоваться не научились, а мощные радары, ракетные системы плюс зенитки в несколько эшелонов.

И вот смотрю я на карту и размышляю, как буду задачу выполнять, а рядом стоят все мои назначенные на этот вылет летчики. И один из них, пусть будет Володя, начинает прямо при командире полка истошно так верещать мне в уши:

— Товарищ командир эскадрильи, это же почти на территории Пакистана цель! Мы же не можем по чужой территории работать! Это нарушение международного права!

А по морде его красной видно, что не нарушение международного права его сейчас волнует, а целостность собственной шкуры. Не видит штурмовик Володя шансов вернуться с данного боевого задания, поэтому и орет так, что самому стыдно.

Мне тоже стыдно стало — за него. Говорю ему коротко:

— Заткнись.

И понимаю, что обидел, — у Володи в России два пацаненка растут, конечно, он о них думать обязан. И конечно, страшно ему выходить на такое задание без шансов на возвращение. С его точки зрения, разумеется. И вообще, бесстрашных нет, есть только идиоты.

А командир полка смотрит на всех нас с каким-то странным выражением лица, то ли с изумлением, то ли с сожалением.

— Саша, — говорит комполка мне, — я же понимаю, что задача непростая. Сопровождение из истребителей ты получишь, без вопросов. И вообще, планируй операцию, как считаешь нужным. Но цель эту мы уничтожить обязаны.

— Есть, товарищ командир! — отвечаю, как и должно отвечать в таких ситуациях.

Только вот сопровождение из истребителей мне в этой операции совершенно не нужно — они нас только демаскируют, и тогда у нас точно шансов не останется. А я сам умирать не собираюсь и летчиков своих убивать не позволю.

— Разрешите обойтись без истребителей, товарищ командир полка, — говорю.

Комполка кивает — он человек с опытом, все понимает без лишних объяснений. Хотя, что тут объяснять — наши истребители в Афганистане, в отличие от штурмовиков, боевым опытом похвастаться не могут. У «духов» же нет авиации, поэтому наши истребители все больше исполняют устрашающие танцы вдоль границ, а боестолкновений при этом не бывает. Так что, кто там кого соберет в настоящем воздушном бою, американцы или наши, еще не факт. А ведь это будет бой при поддержке современной, чуждой нам американской ПВО. Без потерь точно не получится, и это тот риск, которого вполне можно избежать.

В общем, пошел я в кубрик планировать атаку.

Очень важное мероприятие, между прочим, — тщательно спланировать предстоящую операцию. Это вообще самое важное действие, которое только может сделать штурмовик перед атакой. Когда ты уже висишь над целью, работать должны только навыки, наработанные инстинкты, а весь план атаки должен быть заложен в голову заранее. И в этом плане надо учесть все существенное — откуда на цель заходить, куда возвращаться, каким маневром защищаться от ПВО, а каким от «Стингеров», с каких боеприпасов начинать атаку, а какими заканчивать. Тут все важно и все существенно.

Сел я в кубрике и начал карту гипнотизировать.

В принципе, ситуация понятная — днем, на предельно малой высоте, чтоб радары не засекали, к границе с Пакистаном лететь нельзя, потому что у душманов в горах всюду наблюдатели расставлены. В момент срисуют, кто летит, потом куда надо доложат, и нас через пару минут американские «Фантомы» встретят.

Ночью тоже лететь не стоит, потому что у Су-25 вообще нет никаких радаров и в темноте нам низко летать очень неудобно. А пойдем выше стандартного эшелона, собьют ракетой ПВО.

Но на цель звено мне предстоит выводить, и я должен как-то решить эту проблему, хоть бы и в темноте и над горами.

Вывод из всех рассуждений был один, очевидный, — лететь можно только на границе ночи и дня, когда наблюдатели, по большей части, спят, а немного света для полета над горами на сверхмалой высоте уже имеется.

Можно считать, что нам повезло, а я вот до сих пор думаю, что просто грамотно спланировал ту самую операцию. Там ведь еще один момент важный был — как мне, как наводчику, надо было найти для всего звена привязку к цели на местности. И я такую привязку нашел — сначала на карте, потом в реальности, за фонарем кабины штурмовика.

Там, в районе Пешавара, нашлась очень красивая треугольная гора — очень высокая, с очень резкими контурами и только на треть снегом засыпанная. Я ее сначала на карте нашел и запомнил, а потом визуально исследовал, когда перед атакой на разведку слетал. Хорошая, годная гора, удобная для рассмотрения во всех ракурсах. Она и стала моим ориентиром, моей путеводной звездой и главной точкой отсчета во всей операции.

К ночи придумал, как будем работать. Позвонил в штаб, заказал рейс на Джелалабад. Он же на границе Афганистана с Пакистаном, и, если мы своим звеном изобразим один транспортный самолет, который просто летит на посадку в Джелалабад, это никого не удивит. Там постоянно грузовики на посадку заходят, это давно уже никого не удивляет.

Я придумал, что мы ночью четырьмя самолетами, всем моим звеном, неспешно, километров под 500, пойдем на Джелалабад. Пройдем над аэродромом тесно-тесно, так что на радаре нас будет видно как одну большую цель, которая идет на посадку. Но мы потом шасси не выпускаем, уходим с аэродрома на взлете, выше разойдемся на пазлы и просто исчезнем для пакистанских радаров.

Володе, который сильно беспокоился насчет международного права, я велел после этого маневра встать в большую коробочку над озером Суруби, напротив пакистанской границы. Большая коробочка — это минуту лететь прямо, а потом поворачивать на 90 градусов и снова лететь минуту, потом поворачивать и лететь прямо, потом поворачивать и так далее, пока топливо не закончится.

— Будешь отвлекать на себя пакистанские ПВО, — объяснил ему я, и он так обрадовался, что потом, перед работой, еще пару раз прибежал лично благодарить за доверие.

Благодарить, кстати, было за что — я ведь дал ему возможность сохранить лицо и внести свою фамилию в списки участников опасной операции. Орден потом получит или медаль, как минимум. Кроме того, теоретически, его коробочка и впрямь могла привлечь внимание пакистанских, точнее, американских специалистов, обслуживающих радары вокруг Пешавара.

В общем, вышли мы вчетвером ночью на аэродром, сели по машинам и пошли на взлет. И из всей нашей компании спокойнее всего чувствовал себя только Володя, которому предстояло после Джелалабада строить большую коробочку над озером Сураби.

А мы втроем после Джелалабада пошли на юг — там у меня был припасен первый ориентир для выхода на цель — извилистый горный хребет Джамруд. Солнце уже показалось над горизонтом, так что мы шли буквально на пятидесяти метрах над пустыней — даже хваленые американские радары такую цель не возьмут.

Прошли пустыню, потом пришлось подняться — начались горные хребты, первый из которых — Джамруд. Это значит, мы уже над Пакистаном.

Проходим над долинами. Там, конечно, вражеские войска стоят, кое-кто просыпается, вслед нам стреляет. Но это все ерунда, потому что у нас скорость двести метров в секунду. Даже если конкретный наблюдатель не спит, все, что он успеет, — это передернуть затвор пулемета. А стрелять уже некуда, мы улетели.

С ракетами такая же проблема, только там еще хуже — ракеты дорогие, их надо наверняка пускать. А если цель ушла или на твоих глазах уходит, никто тратить ценный боеприпас не посмеет. Плюс ракету для запуска еще приготовить нужно, минут пять на это точно требуется, а за пять минут мы уже в сотне километров будем. Так что до свидания, «патриот».

А уже на территории Пакистана я высмотрел родную треугольную вершину, от которой в штабе строил атаку.

Вершина нам и помогла, как родная. Вывел я звено на цель, смотрю вниз — и точно, не подвели разведчики ГРУ — целая долина под нами уставлена коробками казарм, палатками, какой-то боевой

техникой и прочим воинственным антуражем. Тут можно в любое место бомбы метать, не ошибешься.

Начал я с тяжелых бомб, чтоб сразу обозначить наши серьезные намерения. Первый удар — он самый красивый, только алая зорька над горами начала подниматься, все видно четко, тишина на земле звенящая, даже спящих часовых видно. И вдруг — как смазали изображение, ничего нет, кроме клубов огня и дыма. Иногда из этого ада раздаются выстрелы из пулемета в никуда — нас они не видят, мы для них слишком быстрые.

Вышел из первой атаки, сразу пошли в атаку мои ведомые — дополнять мой рукотворный ужас. Потом я повторил заход бомбами, ведомые мои повторили заход тяжелыми бомбами, а после этого всякое сопротивление внизу затихло — там теперь только ад и огонь.

Дальше начинаем работать ракетами — то есть выбираем отдельные цели и уничтожаем, стараясь отработать по две цели за один заход, чтоб лишний раз не рисковать.

Ну а напоследок, в четвертом заходе, добиваем объект пушками — просто работаем по всему, что выглядит подозрительно целым и подвижным. Минут десять в последнем заходе кружили, азарт какой-то поймали, решили всех душманов положить.

И тут мне по рации кричат наши из Джелалабада: дескать, перехватили переговоры, что американские «фантомы» поднялись по тревоге, летят нас убивать. Надо сматываться.

Командую всем идти строго следом за мной, а сам ныряю в заранее выбранное по карте ущелье — оно на сверхмалой высоте выводит нас к самой границе с Афганистаном.

А после границы нам сам черт не страшен — там уже наша ПВО стоит на страже, да и истребители грозно шныряют, хоть бы и не готовые к серьезному бою, если честно, но все равно с виду очень страшные.

Прошли границу, подошли к озеру Сураби, выхожу на связь с нашим адвокатом международного права.

Кричу ему практически искренне:

— Володя, спасибо, ты здорово отвлек всех врагов! А теперь давай, дуй за нами, мы уходим на Баграм.

Володя радостно пикирует из своей коробочки, пристраивается нам вслед, и мы всем звеном возвращаемся на базу, как зайки, без

потерь.

Много я потом выслушивал рассказов об этой атаке. Говорили разное — что положили мы там чуть ли не дивизию душманов, что какие-то важные главари племен и даже американские инструкторы попались под наши бомбы, что одной только техники двести единиц мы уничтожили и привели в негодность. Точно было известно одно — крупнейший вербовочный и боевой лагерь моджахедов приказал долго жить.

Между прочим, за эту операцию никто из участников даже медали не получил. Тогда ведь как считалось — нормально отработали по цели, все целые вернулись, да и ладно. Мы в тот же день еще три раза на работу вылетали, но по территории Афганистана.

А уже потом, через несколько недель, когда стало известно, что мы очень даже хорошо отработали и много душманов тогда положили вместе с техникой, уже другие времена настали.

Но я не жалею, упаси Боже — не за ордена мы там воевали. За Родину. В том числе за то, чтоб эти душманы к вам в какое-нибудь Южное Бутово сегодня не пришли.

От советского информбюро НЕЛЕГКИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Курс на национальное примирение, практические шаги, предпринятые правительством ДРА для его реализации, пробудили в тысячах афганцев, оказавшихся за пределами своей страны, надежды на скорое возвращение на родину, на жизнь в условиях мира и спокойствия. Каждый день множит число семей, возвращающихся из-за рубежа в родные города и кишлаки.

В Кабуле сведущие люди мне рассказали: контрабандисты берутся сейчас переправить в Афганистан семью беженцев через пакистанские воинские кордоны и душманские заслоны за 20 тысяч афгани. Несколько лет назад эта такса действовала при вывозе обманутых контрреволюцией людей в обратном направлении.

Правительство ДРА вступило в контакт с правительствами двух стран-соседей, предложив создать

условия для добровольного возвращения на родину афганцев, находящихся в этих странах, в частности, для доставки беженцев в ДРА самолетами афганской авиакомпании «Бахтар».

Однако такое развитие событий, как видно, не входит в расчеты пакистанских и иранских властей, которые пытаются использовать пребывание на их земле афганских беженцев в своих узкокорыстных политических интересах.

Откровенно враждебные политике национального примирения меры предприняло правительство Пакистана. Оно объявило о решении создать в Северо-Западной пограничной провинции объединенное командование, призванное собрать в единый кулак подразделения армии, полиции и вооруженные группы афганской контрреволюции для пресечения попыток беженцев отправиться на родину. Один из крупнейших лагерей беженцев в Пешаваре был расформирован после налета авиации одной из сторон конфликта. Очевидцы говорят о гибели десятков американских граждан, работавших там в качестве военных специалистов. Утверждается, что десятки трупов были покрыты флагами США перед погрузкой в самолеты, следующие в Америку.

Как сообщила кабульская газета «Хакикате инкилабе саур», правительство Пакистана отдало приказ блокировать 255 лагерей беженцев. Большое число афганских семей, направляющихся в Афганистан, задержали в приграничье иранские власти. Эти акции, пишет газета, вызвали волну возмущения в лагерях.

В Кабул поступают сведения о том, что не менее двух третей афганских эмигрантов в Пакистане и Иране хотели бы немедленно вернуться домой.

Об этом своем настойчивом желании заявили, например, 5 тысяч обитателей лагеря «Сурхаб» в Белуджистане. Пакистанские власти разоружили кланы Исмаилхейль и Мандузай, препятствуя их возвращению в ДРА. В лагерях установлена слежка за теми, кто продает имущество,

готовясь в путь на родину. Беженцев пытаются остановить лживой пропагандой и угрозами.

«Правда» от 18 февраля 1986 г.,

соб. корр. В. Окулов

4. ДОВЕРЯЙ, НО ПРОВЕРЯЙ

На войне людям, с которыми бок о бок работаешь каждый день, доверяешь безо всяких скидок, полностью. Потому что иначе с ума можно сойти — местным не доверяешь, душманам не веришь, даже в погоде сомневаешься, а если еще своим проверки начнешь учинять, точно плохо кончишь.

Но, тем не менее, перед каждым вылетом проводишь особый ритуал — проверяешь работу техника, который готовил твой самолет. Это все по инструкции надо выполнять, тут нет никакой отсебятины: встаешь перед самолетом, смотришь внимательно, что у него и как, нет ли крена или не болтается ли что. Важно, чтоб стекло было целым, чтоб у лазера защитная крышка не битая, чтоб лючок у пушки закрытый был.

Потом идешь вокруг самолета, начиная с левой стороны. Бывает, что забывают какой-нибудь лючок закрыть, ну и воздухозаборники обязательно надо проверить насчет посторонних предметов. Еще важно осмотреть сопла двигателей, убедиться, что тормозной парашют установлен. Проверяешь, как бомбы и ракеты висят, — иногда забывают подсоединить электровзрыватели, тогда, конечно, вместо атаки получится пшик. Пару минут такой осмотр занимает, после чего забираешься в кабину.

И тут важно не переборщить, потому что техник, конечно, тоже за тобой наблюдает, и, если ты начинаешь как-то излишне бдительно все осматривать, он решит, что ты что-то такое ему демонстрируешь, вроде как он в чем-то провинился.

Но если совсем не проверять, могут случаться грустные коллизии. У меня такая случилась, и было очень стыдно, хотя моей вины в той ошибке не было.

В общем, нашла наша наземная разведка укрепленную базу в горах под Кандагаром. Не просто укрепленную, а размещенную в целой сети пещер, а сами пещеры начинались в ущелье, в которое еще не каждый летчик сможет залететь — очень сложный рельеф плюс мощная ПВО вокруг.

Думали у нас в штабе над этой задачей долго, думали и придумали. У нас как раз тогда появились на складе очень мощные бомбы, объемно-детонирующие, ОДАБ-500П. Маркированы они как 500-килограммовые, но на самом деле по мощности они втрое больше, чем полутонные фугасы.

Принцип действия там такой — ОДАБ падает на цель, и сначала из контейнера бомбы выходит особый газ, который тяжелее воздуха. Он заполняет любой бункер — душманы же там не герметично замурованные сидят, воздухом дышат.

А после небольшой паузы происходит подрыв заряда, вмонтированного в контейнер. И все — амба. Газ взрывается по всему заполненному объему, выжигает живую силу плюс создает отрицательное давление, так что, кто не сгорит, умрет от баротравмы. Просто разрывает людей изнутри. Ужас, в общем.

И мне предложили этот ужас на тот самый укрепленный бункер под Кандагаром сбросить. Очень ответственное дело предстояло — с земли давно не могли эту базу взять, пехоты много положили, а толку нет.

Пошли звеном в четыре самолета, я иду ведомым, причем ведут меня в качестве главной ударной силы — под каждым крылом моего Су-25 висит по три ОДАБ-500П. Такой вот летающий апокалипсис надвигается на поганую душманскую базу. А остальные самолеты в звене для прикрытия — им важно меня на цель вывести и ПВО озадачить, пока я по бункеру работаю.

Маршрут прошли без приключений, выходим на цель, я включаю главный тумблер «оружие». И вдруг такой характерный писк раздаётся, будто прошел сигнал на сброс бомб. Я, конечно, удивляюсь, проверяю, что у меня там под крыльями, — и точно! Слева висят, как висели, три штуки, а справа одной не хватает.

Интересное кино, думаю. Хорошо, что над вражеской территорией идем, — бомба хотя ушла на невзрыв, но все равно неприятно это, когда полтонны с пяти километров на тебя сваливаются.

Докладываю командиру звена:

— Товарищ командир, у меня одна бомба сошла.

— АБ-500?! Как сошла?

— Вот так — сошла. Как включил главный на «оружие», так и сошла.

— Проверь прицел, что-то неладное у тебя творится.

Проверяю прицел. Только нажал тумблер «контроль прицела», опять сходит бомба.

Причем снова справа — самолет конкретно крениться начинает, все-таки разница веса в тонну нешуточное дело.

Докладываю командиру, тот в полном изумлении, говорит, чтоб я больше ничего не проверял, а сбрасывал бомбы над целью. Бомбы, между прочим, дорогушие, жалко их просто так сбрасывать.

Зашел на цель, работаю в основном режиме, а у меня ни одна из бомб больше не сходит. А ведь я должен был стать главной ударной силой всей атаки!

Ну остальные штурмовики поработали по цели, но, конечно, никого там не достали. А я начинаю делать фигуры высшего пилотажа в надежде растрясти систему сброса — может, думаю, заклинило там чего. Пикирую, кручусь, бочки делаю — все без толку, не сходят бомбы.

В отчаянии пошел на цель с включенным аварийным сбросом. И тут одна бомба, наконец, сошла — опять правая и опять на невзрыв. Это был кошмар — разница в подвесе уже полторы тонны, самолет идет с таким креном, что сесть нереально, плюс с ОДАБ-500П инструкция запрещает садиться в принципе, они же, если что, весь аэродром разнесут к чертовой матери.

А тут еще ветер поднялся северный — поддувает мне в задранное левое крыло, и я лечу, как инвалид, раскорякой.

Доложили, конечно, на аэродром, там срочно технику всю перегнали подальше от ВВП, лишних людей всех отослали, ждут меня и молятся, чтобы я с тремя бомбами на одном крыле сел без приключений.

Я в результате сел без повреждений, хотя там была пара моментов, когда должно было меня раскрутить и развернуть. Но обошлось.

Выруливаю на стоянку аккуратно, глушу моторы, вытираю пот со лба. На трясущихся ногах вылезаю из кабины, спускаюсь на бетонку. А там Руцкой стоит, на меня смотрит. Нехорошо так смотрит. Потом подходит ближе и цедит сквозь зубы:

— Почему не выполнил задание?

Ну я докладываю, как положено: «Товарищ майор, три ОДАБ-500П не сошли, а те, что сошли, ушли на невзрыв».

Руцкой достает офицерский кортик, бросает на меня очередной сердитый взгляд и кричит всем, кто подбежал вместе с ним:

— Стоять! К машине никто не подходит!

А сам идет к моему самолету.

Подходит он к левому крылу, выковыривает пиропатрон — а он стреляный, и там внутри у него всё сгоревшее. Механик халатно отнесся к своим обязанностям, не заменил отработанные пиропатроны, как положено. Плюс неверно подсоединил электровзрыватели. Это был не мой механик, я с ним раньше дела не имел. Но перед вылетом самолет проверял, как привык. Но, конечно, пиропатроны не вытаскивал — это уже крайняя степень недоверия к механику, просто как пощечина.

А выходит, что следовало бы проверить, — тогда и душманскую базу бы накрыли, и тысячи народных рублей не пропали бы так бездарно.

Руцкой вытащил все остальные пиропатроны, зажал в руке и кричит на весь аэродром:

— Начальника вооружений эскадрильи ко мне!

Через минуту подбегает бравый капитан, помню, очень тщательно одетый, модный такой. Руцкой ему молча пиропатроны показывает, а тот задорно отвечает:

— Товарищ майор, да вы не волнуйтесь, сейчас разберемся!

Ну Руцкой, конечно, за такой ответ ему без раздумий в лоб закатал. Красавец наш и упал красиво, только лакированные ботиночки на солнышке сверкнули.

— На гауптвахту его!

Потом майор ко мне пошел, но уже по-другому смотрит, по-доброму.

— Спасибо, — говорит, — Саня, что посадил самолет. А то была мысль приказать тебе катапультироваться. Но потом мы решили, что ты справишься.

**От советского информбюро
ПРОИСКИ ВРАГОВ ПРИМИРЕНИЯ**

Вашингтон наращивает снабжение банд афганских контрреволюционеров, совершающих набеги из Пакистана, различными видами современного вооружения, в том числе и зенитными ракетами «Стингер». Постоянно растут и размеры финансовой помощи контрреволюции. Если в 1980–1983 годы для ведения необъявленной войны против афганского народа Вашингтон выделял, по свидетельству самой американской прессы, в среднем по 100 млн долларов ежегодно, то затем администрация Рейгана стала ассигновать на эти цели уже по несколько сотен миллионов долларов. Так, в 1987 году эта сумма достигла 670 млн долларов, а в 1988 году, как ожидается, превысит миллиард долларов.

Таким образом, американская администрация по-прежнему делает ставку на вмешательство во внутренние дела Афганистана. А в качестве плацдарма для осуществления своих зловещих планов Соединенные Штаты используют территорию Пакистана. Как реакция на предложение Кабула к мирному диалогу в специальных лагерях на пакистанской территории с помощью иностранных инструкторов активизировалась подготовка наемных убийц и террористов. Выполняя приказы своих заокеанских хозяев и главарей, бандитские формирования обстреливают населенные пункты, совершают диверсионно-террористические акты, устраивают взрывы и поджоги. В течение четырех месяцев со дня объявления перемирия враги примирения уже более тысячи раз нарушали его условия. Об одном из бесчеловечных актов в городе Гардезе недавно сообщалось в средствах массовой информации Афганистана. По городу было выпущено сразу тринадцать ракет класса «земля-земля». «Подарки главаря Белого дома», как называют в Афганистане это смертоносное оружие, унесли жизни четырех ни в чем не виновных жителей Гардеза. Погибли женщина и трое детей.

Словом, есть все основания сказать, что от защитников афганской революции требуется высокая бдительность, постоянная готовность дать отпор проищикам врагов.

Показательно, что в последнее время в преступлениях самое непосредственное участие принимают ВВС Пакистана. Начиная с февраля, когда уже действовало перемирие, пакистанские самолеты сбивали несколько афганских самолетов. Такие действия пакистанских властей можно квалифицировать как нарушение воздушного пространства суверенного государства, как акт вооруженной агрессии. Но и этого мало тем, кто любыми способами стремится помешать примирению.

Большое негативное влияние на ход реализации политики национального примирения оказывает резко отрицательная позиция правящих кругов Пакистана и Ирана в отношении афганских беженцев, оказавшихся по различным причинам на территории этих стран и стремящихся вернуться к себе на родину. Пакистанские и иранские власти не только не сотрудничают с Афганистаном в деле возвращения беженцев, но, наоборот, создают искусственные препятствия на их пути домой. При этом применяются различные методы: переселение афганцев из приграничных районов вглубь Пакистана и Ирана, усиление контроля над лагерями беженцев со стороны полиции и жандармерии, активизация среди них пропагандистской деятельности, извращающей суть политики национального примирения. Когда же, несмотря на вышеперечисленные меры, беженцы направляются к афганской границе, дело доходит до открытого использования силы. В результате чего многие афганцы убиты или ранены, брошены в тюрьмы. Но, несмотря на угрозы и репрессии, значительная часть афганских беженцев добивается своего права возвращения к родному очагу.

«Красная Звезда» от 26 июня 1986 г.,

полковник О. Чернета

5. ОПЕРАЦИЯ «ЯМАХА»

Способность летчика-штурмовика слаженно работать с пехотой — это важнейшее из боевых качеств пилота. Между прочим, в результате такого слаженного взаимодействия мне однажды импортный мотоцикл перепал, в качестве боевого трофея.

Дело было зимой, в районе Кандагара. Наземная разведка получила информацию, что душманы попытаются провести в Пакистан большой караван с опиумом — двенадцать тонн. А советские войска с наркоторговцами боролись очень жестко, не в пример американцам, которые сегодня афганских наркобаронов откровенно «крышуют» и публично это признают. Жалуются, что, если нажимать на наркомафию, афганские крестьяне совсем оголодают и поголовно запишутся в моджахеды. При нас, однако, местные крестьяне отчего-то не голодали, а выращивали кукурузу, чай, табак — и ничего, как-то обходились без опиумного мака, а если попадались на маке, отправлялись в тюрьму. Мы жгли эти посевы беспощадно и не боялись с аборигенами ссориться.

В общем, получаю я координаты цели, вылетаю на прикрытие. Основная задача ложится на наземные войска — десант атакует караван, сверху десант прикрывают «вертушки», а я над всеми ними один летаю в большой коробочке, смотрю, чтобы не случилось внезапного нападения на наши части, пока они по каравану работают. Летал я, летал, потом мне скучно стало — внизу ничего интересного не происходит, большую часть охраны каравана перестреляли, меньшую часть взяли в плен, и сейчас внизу идет разбор груза и сжигание опиума. Горит он плохо, процедура муторная, короче, тоска.

И решил я, пока горючее есть, слетать на разведку — нам разрешали вести вольную охоту, если позволяли боевая обстановка и погода. Полетел на юг, в пустыню Регистан.

Видимость была отличная от горизонта до горизонта, и я сразу свежую цель по курсу увидел. Снизился до пятисот метров, вижу, пылят четыре мотоцикла, удирают из последних сил к пакистанской границе.

Ага, думаю, попались, голубчики.

Передаю по радиации координаты цели командиру спецназа, объясняю ситуацию — если ракетой сейчас по ним жажну, только кучка пепла останется. Командир ситуацию обдумывает, уточняет:

- От нас сколько километров?
- Не больше семи.
- Ты нас прикроешь?
- Минут пятнадцать гарантирую.
- Давай курс, мы вылетаем.

Указал я им курс, и полетели они одной «вертушкой» за мотоциклистами. Нагнали их через пару минут, дают очередь из пулемета, чтобы у моджахедов иллюзий не осталось, что это не за ними такая летучая команда явилась. Мотоциклисты понятливые оказались, остановились, машины свои бросили, побежали дальше пешком.

«Вертушка» садится рядом, я кричу в радиацию:

- Чур, один мой!
- Согласен, заработал, — соглашается командир.

Такие вопросы всегда решаются честно, потому что, если кто мухлевать начнет, с ним больше дела иметь никто не будет. Я ведь мог десантуре ничего не сообщать, просто завалить всех душманов одной ракетой, и привет.

Выяснилось, что машины абсолютно новые были, их даже в караване везли на верблюдах, чтобы не портить покрышки. А когда начался бой, четверо самых догадливых душманов отцепили машины и рванули в сторону пустыни.

В общем, перетащила пехота мотоциклы в «вертушку», я сверху помаячил, чтобы ребят никто не беспокоил, потом полетели по базам — у меня уже горючее кончалось.

Вернулся я на аэродром, сижу в штабе ДШБ, выслушиваю задачи на следующий день. Тут меня на летное поле вызывают — десантура прилетела, с подарочком.

Выходит из вертолета командир батальона спецназа ГРУ, рот до ушей, кричит мне:

- Ты первый выбирай, мы потом.

Я заглядываю в «вертушку», а там четыре новеньких «Ямахи» — в Союзе в те времена таких машин отродясь не водилось, я их даже на картинках ни разу не видел.

Полазал, посмотрел, выбрал красненький. Потом пошли оформлять передачу, бюрократию разводить — мотоцикл я по акту получил и потом до конца службы в Кандагаре каждый день на нем в штаб ДШБ ездил. Очень удобно это оказалось — раньше приходилось попутки ловить или, что чаще, пешком шесть километров топать.

А потом, когда пришло время мне возвращаться в Союз, я этот мотоцикл также по акту передал следующему летчику, что пришел на мое место. С собой трофеи брать запрещалось — мы же не мародеры какие-нибудь, не за мотоциклы воюем. Так что из вещей у меня на память об Афгане остались только наградные часы — вручили за удачную операцию, где тоже внимательность к деталям пригодилась.

Дело было возле пакистанской границы. Там не горы, как вокруг Баграма, а такие небольшие горюшки в полупустыне, т. е. местность просматривается хорошо и работать по ней вроде бы удобно. Но вот какая незадача — разведка дает координаты цели, какого-то огромного склада вооружений, который якобы построен на нашей территории, а наши штурмовики туда в который раз прилетают и ничего не находят. До скандала доходило — пехота грозитя марш-бросок к складу организовать, чтобы доказать, что он там есть, а авиация фотографии предъявляет, где ничего, кроме пыли и оврагов, не видно.

В конце концов в штабе решили еще один разведывательный полет организовать, потому что наземную операцию проводить в том районе было рискованно — слишком близко к границе с Пакистаном, одним складом дело бы не ограничилось, полноценная война бы началась.

Полетели мы парой — я да комэска. Я шел ведущим, поэтому на меня возлагалась задача этот чертов склад отыскать. Вышел в заданный квадрат, снизился до предельно малой, но ничего интересного не вижу — пустыня, она и есть пустыня.

Поднялся повыше, стал высматривать дорожки и тропинки. И точно, увидел сверху несколько тропинок, которые почему-то сходились в одной ничем не примечательной точке — просто холмик какой-то невзрачный, и всё.

Ага, думаю, попались, голубчики. Командую ведомому и иду в атаку. Причем, что интересно, — я себе подвесил самый легкий боеприпас, восемь стокилограммовых бомб. Мы же на разведку летели, а не воевать. И вот эти легкие бомбы я укладываю в цель,

положил первые четыре, выхожу из атаки, а комэска по рации мне кричит удивленно:

— Саша, ты что, тяжелые брал?! Смотри, что внизу творится!

А внизу и впрямь творится что-то ужасное — земля вспучивается огромными пузырями, каждый пузырь заканчивает взрывом с выбросом дыма и пламени, какие-то мрачные дыры в земле обнажаются, а в этих дырах огонь клокочет. В общем, суший ад на земле.

Оказалось, нашел я тот самый склад — моджахеды его под землей целый год строили и думали, что здорово спрятались. А вот хрен вам!

Отбомбился я вторым заходом, хотя это уже лишнее было — ничего целого или живого на том участке не осталось и после первого удара. Ведомый фотоснимки сделал, и вернулись мы довольные на базу, где мне сразу, без долгих предисловий, вручили награду за удачную атаку — командирские часы. И для меня эти часы дороже, чем для некоторых — боевые ордена.

А вот самую первую свою цель в Афганистане я просмотрел, перепутал — первый и последний раз в своей жизни.

Дело было в сентябре 1985 года, нас накануне только-только прогонял Руцкой над горами Азербайджана, по 4–5 вылетов в день делали. В результате из летного училища мы вышли с третьим классом, а после интенсивной учебы «по Руцкому» сразу получили второй класс, воевать уже можно. И вот пришел за нами «Ил-76», и полетели мы на границу с Афганистаном, на аэродром города Коканд. Там и переночевали — кто в самолете, кто прямо на летном поле. Утром построение и таможенный контроль — тоже прямо на поле. То есть вдоль нашего строя идут пограничники и просят открыть парашютную сумку, баул или чемодан — у кого что.

Сильно не придирались, но, когда дошли до чемодана Сережи Ситникова, немного удивились. Он в чемодан упаковал тридцать бутылок водки, а сверху стыдливо прикрыл бутылки носками. Но носков было намного меньше, всего две пары, поэтому водку, конечно, увидели.

Водку все везли, пару-другую бутылок, но, чтоб полтора ящика — это только Сережа додумался.

Командир за него вступился, говорит пограничникам:

— Он не торговать едет, а воевать. Водка у него для собственного употребления. Командировка на год у человека, чего тут непонятного?

Пограницы уточняют:

— А он точно сам все выпьет?

— Точно!

— Ну тогда ладно, везите.

Тут как раз на аэродром сел Ан-12, четырехмоторный транспортник. Мы в грузовой отсек забрались, разместились кто где смог, полетели. А салон негерметичный, плюс кое-кто позволил себе выпить, особенно техники — им завтра не летать, можно было расслабиться.

И вот один такой очень расслабленный техник вдруг встает посреди отсека и говорит, что ему сильно душно стало, поэтому надо срочно открыть грузовой люк и проветрить помещение.

Причем здоровый такой техник попался — пока он к люку шел, его многие остановить пытались, но он справлялся, пока Витя Пидорино (это, между прочим, его настоящая фамилия, хохол он) не вломил ему с обеих рук по башке. Потом техник до самой посадки спал в носовой части, подальше от люка, типа, проветривался, а когда очухался, уверял, что ничего не помнит.

Может, и так — от недостатка кислорода запросто мозги выключаются.

Сели мы в Баграме, поднялась рампа, и такой горячий воздух в отсек пошел, что всем сразу стало ясно — наша северная родина далеко, а южный враг рядом.

Очень меня поразило вид аэродрома: суэта такая, как в кино. В пыльном горячем воздухе самолеты роятся, как мухи, за взлетной полосой всякая военная техника шныряет туда-сюда, причем, кроме привычных БТР и БМП, какие-то необычные машины проезжают, а, главное, все вокруг, даже люди, какого-то странного желто-коричневого цвета.

И вот встретили нас местные штурмовики, в тот же день сделали взлет-посадку, на завтра они улетели, а я уже получил первое боевое задание — уничтожить небольшую крепость в Черных горах. Согласно данным разведки, в этой крепости у душманов склад оружия был и еще нечто вроде гостиницы, т. е. отдыхали они там.

Перед полетом глянул, конечно, карту, но подробно не стал операцию расписывать — решил, что задание легкое.

Больше никогда я такой ошибки себе не позволял — всегда перед полетом тщательно обдумывал не только заход на цель, но и все возможные способы ухода, так, чтобы и мое появление над целью, и уход от цели были бы для душманских расчетов ПВО абсолютной Онеожиданностью.

А тут прилетел я в заданный квадрат, вроде вижу, вот она, цель — крепость. Очень характерная у нее конфигурация, звездочкой. Захожу в атаку, кладу сразу две бомбы по 400 кило, прохожу вторым заходом, отрабатываю пушками, фиксирую уничтожение цели. Ничего от этой крепости не осталось, кроме кучки песка и камней.

Докладываю по радиации о выполнении задания, получаю приказ возвращаться на базу.

И только на базе, спустя несколько часов, вдруг выясняется, что я уничтожил не ту цель. Я сам в штабе рассказал, что отработал чуть восточнее, и мне на карте показали, где. Думал, ошибка разведчиков, ан нет. Моя крепость тоже была похожей конфигурации, звездочкой, но вдвое меньше по размерам и располагалась всего в паре километров от той, что я снес. Я снес большую, а надо было выносить маленькую.

Очень я тогда переживал. Ночь не спал, ворочался, все думал, как же можно было так глупо ошибиться. Не давала покоя мысль, что я по мирным отработал. Дескать, спали себе утром мирные афганские крестьяне, а тут прилетаю я, весь такой красивый, с красными звездочками, и жестоко убиваю их целыми семьями. А они все кричат от ожогов, плачут над трупами, дети зовут маму, а мама лежит мертвая, на куски разорванная...

Утром прихожу в штаб морально убитый, не понимаю, как жить после такой ошибки, а мне говорят:

— Товарищ Кошкин, успокойтесь уже. В большой крепости тоже душманы сидели, просто мы не рискнули вас туда посылать — там ПВО имелась, а вы же у нас еще необстрелянный, пожалели вас. Решили не рисковать, послали на простую цель, рядышком. Вы, конечно, в следующий раз работайте строго по указанным на карте целям, но сейчас не переживайте так — мирных афганцев в этом ущелье отродясь не водилось, это уже несколько лет зона сплошных боевых действий.

И вот с тех пор я зарок себе дал — готовить любой вылет самым тщательным образом, чтобы отвечать за любое свое действие по-взрослому. И никогда больше я этот зарок не нарушал.

От советского информбюро ДЕСАНТ НА КАРАВАННОЙ ТРОПЕ

Уже десять часов мы лежали на горячих камнях и за это время, наверное, прокляли «духов» и жару на всю оставшуюся жизнь. Здесь, на горе, было как в адовой духовке: камни жгли сквозь одежду, пыль забивалась в рот. Два дня назад забросили нас вертолетом в раскаленные голые горы с заданием — проникнуть в тыл душманов и уничтожить караван с оружием. Это все равно, что сунуть голову в пасть крокодилу и попытаться вытащить ее назад. Риск смертельный. Можно напороться на засаду, на минное поле. Наконец, выдать себя. Поэтому-то на дневке забиваемся в щели и лежим там до темноты, обливаясь потом, не разводя огонь: по запаху и дыму могут вычислить всю группу. Нельзя вставать, говорить: вокруг вотчина душманов. Группу ищут. Не успеешь дожевать кашу, как всех порежут очередями...

Мы заняли оборону и стали ждать. Напряжение с каждой минутой возрастало. Ощущение было такое, словно к тебе подключили электричество и забыли выключить рубильник. Под впечатлением рассказов очевидцев, после посещения госпиталей внутри что-то натянулось и уже не отпускало до последнего дня: не наступить бы на мину, не попасть бы снайперу на мушку, не подорваться на фугасе... Возможно, лишь у новичков такие мысли. Но ведь каждый проходит через это. Каждому знакомо ощущение, когда вдруг засосет под ложечкой. Хотя на вид они все бравые ребята, которым вроде неведомо чувство страха. Просто они успели понюхать пороха, побывать под обстрелом, в них стреляли, и они целились в кого-то. И сколько бы тебе ни рассказывали о том, какие чувства переживают во время боя, но, пока сам не подышишь пылью, поднятой от разрывов реактивных

снарядов, не увидишь, как перед тобой взвиваются фонтанчики песка от пуль, — лишней раз головы не поднимешь. Просто не сможешь...

Машины шли без огней, поднимая клубы пыли. Первым по дороге несся мотоциклист — дозор. За ним «Тойота», еще дальше — метрах в двухстах — «Симург». Машины шли, покачиваясь, словно катера на волнах. В них обычно по 10–15 человек охраны. Примерно через две минуты они вышли на участок дороги, который полностью покрывался огнем. И земное время для тех, кто был на дороге, по сути, остановилось. Они были обречены. Шансов у них почти не осталось.

Я же вспомнил, как в Кундузе во время разговора с пленными «духами» среди прочих вопросов задал и такой:

— Что бы сделали со мной, если бы захватили в плен?

Им перевели.

— Вас бы не убили. Пленников продаем и на эти деньги покупаем оружие.

— За сколько бы меня продали?

Они пошептались.

— За три миллиона афгани, — сказал один из них.

— А это много — три миллиона?

— Стоимость трех десятков автоматов.

Впрочем, прейскурант на человеческие души у них всегда в уме. За жизнь летчика — миллион афгани. Полковник стоит восемьсот тысяч, подполковник — на триста тысяч меньше. Капитан — двести, лейтенант — сто тысяч.

Длинная очередь командира — сигнал. И началось. Шквал огня. Осколками от мин направленного действия вышибло лобовое стекло у «Тойоты». Водитель и сидевший рядом с ним погибли, видно, мгновенно. «Тойота» врезалась в придорожные дюны. Пять, шесть «духов» все же выскочили из машины. Песок вокруг беглецов тут же закипел от пуль. Они не сделали и пяти шагов. Все оглохло от бешеной стрельбы.

Из раскалившихся стволов шел дым. Было даже слышно, как в моторах у растерзанных машин что-то щелкало, шипело. Всего несколько минут... Страшное время.

Конечно, тот, кто едет в караванах, никак, увы, не рассчитывает, что с ним расправятся вот так, за пять — десять минут. Охранники обучены прекрасно, могут с ходу положить пулю точно в ухо. Смерти не боятся, в плен не сдаются, если шансов вырваться не остается — подрывают себя. Дать таким опомниться — себя обречь. А было и такое. Поэтому — огня! Огня! Огня!.. Обычно бой длится по два, три часа. В этот раз — повезло. Машины были разбиты, иссечены пулями. Вокруг пробоин краска облупилась. В машине обнаружили еще троих. Никто из охранников, судя по автоматам, не успел разрядить магазин. В кузове «Тойоты» были ящики, в них — автоматы совсем новые, еще в смазке. «Симург» выглядел так, будто в нем специально кто-то насверлил сотни дырок. Вырежи лист металла — готовое сито. Беда, которую нес его смертоносный груз, обернулась против самих бандитов.

«Известия» от 18 сентября 1986 г.

Кабул — Кандагар,

специальный корреспондент «Известий»

Владимир Щербань

6. ВЫЖИВАНИЕ

Весна 1987-го стала в нашей войне переломной — с одной стороны, в Союзе неожиданно, как по команде, началось какое-то громогласное нытье среди записных проамериканских политиков о том, что нам надо из Афганистана уходить, что «это все было напрасно» и что «Советам никогда не победить отважных борцов за независимость». Это притом, что мы к тому времени «духов» прижали так, что они днем лишний раз выдохнуть боялись, только по ночам кое-где безобразничали. И вот эту ситуацию, как я понимаю, начали менять сразу по двум направлениям — в политическом («пора уходить») и военном.

В Афганистан из США плотным потоком пошли переносные ракетные комплексы, «Стингеры», такие новомодные штучки, о которых раньше даже в специальной литературе слышно не было. Обычно душманы использовали поступавшие из арабских стран наши родные, советские ракетные комплексы «Стрела-2М». Еще через соседний Пакистан душманам приходили американские «Ред Ай» и английские «Блоупайп», но они были слишком сложные и тяжелые, больше 20 килограммов. А вот потом появились «Стингеры», обладавшие массой преимуществ, — во-первых, их головка самонаведения умела отличать тепловые ловушки от двигателя самолета, а во-вторых, у них боевая часть имела втрое больший вес взрывчатки, чем у предшественников.

Если год назад, в 1986 году, «духи», как в комиксах, с этими «Стингерами» обращаться настолько не умели, что действительно в обратную сторону ракеты выпускали или просто наугад палили в небо, то к весне ситуация кардинально изменилась. В специальных лагерях на территории Пакистана американцы выдрессировали несколько сотен операторов, которые научились пользоваться этой техникой так, что за три месяца весны 1987 года афганские и советские ВВС в общей сложности потеряли два десятка самолетов сразу.

«Потолок» у «Стингеров» был около четырех километров, так что мы получили категорический приказ не работать ниже 4,5 км. Но с такой высоты отработать цель непросто — это такой опыт нужен,

который не у каждого штурмовика есть. У меня такой опыт был, я к тому времени налетал четыре сотни только боевых вылетов, но я работал в Афганистане больше года, а обычно летчики через этот период сменялись, и на их место приходили молодые, необстрелянные. А боевой летчик без опыта — это ноль, пустое место. Такой и задачу не выполнит, цель не поразит и сам погибнет.

В общем, тяжело стало работать — целые районы Афганистана закрыли для полетов, потому что душманы с переносными ракетными комплексами научились высоко в горы залезать, и таким образом «потолок» зоны поражения «Стингером» поднялся до 6–8 километров. Операторы ПЗРК у душманов отлично экипированы были — специальные термокостюмы надевали, саморазогревающиеся консервы жрали, рации мощные использовали. В такой ситуации даже опытный штурмовик не сможет нормально работать, потому что риск превышает все разумные пределы — как бы ты накануне операции ни придумывал неожиданные пути отхода, при массовом и грамотном применении ПЗРК подбит будешь наверняка.

У нас на основной базе в Кандагаре тоже стали работать иначе — взлет и посадку проводили по таким резким траекториям, что летчики стали получать баротравмы. Буквально плевра в легких у некоторых летчиков отслаивалась, дышать потом на земле больно было. А если садишься плавно, без пикирования, есть реальный шанс схлопотать ракету из «зеленки» ближайших холмов. Конечно, аэродром охраняется, но посты охраны не сплошные, «духи» по ночам проскакивали в разрывы, залегали в засады и ждали своего часа. Лежит такой умник в камуфляже и с уже нацеленной ракетой на плече, не шевелится — как его увидишь? Оставалось только взлет-посадку совершать по самым крутым глиссадам, какие только позволяла конструкция самолета и собственное здоровье.

А еще «духи» принялись минировать подходы к аэродрому и дороги вокруг. Причем наши саперы тоже минировали все вокруг, так что, когда я видел на летном поле афганских мальчишек, прибежавших к нашим солдатикам менять всякое барахло, очень удивлялся — как они просачивались? У нас профессиональные саперы зачастую подрывались, а эти пацаны туда-сюда невредимыми бегали, как заговоренные.

А еще нас стали по ночам обстреливать стомиллиметровыми ракетами. Не часто, но регулярно — раз в неделю обязательно что-то прилетит. Стреляли душманы крайне неточно, наугад, но все равно это было неприятно. Однажды все-таки попали в наш жилой модуль — ночью, часа в три. Я спал, разумеется, — и вдруг грохот, стекла разбиваются, а над моей кроватью осколок ракеты торчит. Я, конечно, проснулся, посмотрел в дырку — этот осколок четыре стены модуля прошел, прежде чем ко мне явился.

Все на пол попадали, лежим с пистолетами в руках, смотрим друг на друга, а что делать дальше, неясно. Лежать скучно стало, пополз на карачках к выходу. Там дежурный обозначился, тоже на карачках. Спрашиваю его, как дела. Он говорит, что ракета попала в угол нашего модуля, но пока неясно, что с потерями среди личного состава. Тут еще пара ракет прилетела, но не к нам в модуль, а просто на территории разорвалась.

Встали на ноги, пошли искать дневального. Нашли его в углу — сидит там себе тихонечко и мычит почти неслышно. Осмотрели — вроде цел. Спрашиваю его, как дела, отвечает как живой, только очень сильно заикается. Успокоили его, чайник поставили, чаю попили.

Тут и обстрел прекратился, и мы пошли спать.

А вот в другой раз хорошо прилетело не к нам, а в женский модуль. Летчиков всегда официантки обслуживают, этой традиции больше ста лет. И вот в модуль к работникам столовой прилетела ракета, причем так неудачно, что осколком зацепило повариху — ей буквально челюсть выворотило, очень тяжелое ранение, пришлось в Союз отправлять.

Еще ракета однажды попала в штаб бригады, но никого не задело.

Конечно, толку от таких обстрелов было немного, но в психологическом плане они на людей воздействовали — не просто ежедневно ложиться спать, понимая, что в любой момент к тебе в кровать может ракета прилететь. Но никто особо не жаловался, все понимали, что на войне иначе и быть не может.

**От советского информбюро
ПРОВОКАЦИЯ НА ГРАНИЦЕ**

Вечером 8 марта афганские душманы обстреляли ракетными снарядами районный центр Пяндж, расположенный близ границы СССР с ДРА на территории Советского Таджикистана. Погиб один человек, двое ранены, в том числе ребенок.

Возмездие последовало неотвратимо. В бой с бандами вступили подразделения афганской армии и подразделения ограниченного контингента советских войск в ДРА. Мы прилетели в пограничную провинцию Кундуз на операцию по разгрому банд.

Склонившись над картой, подполковник В. Боровой очертил район, где развивались события.

— Установлено, что акт терроризма против мирных советских людей совершила специальная группа обстрела, сформированная по прямому указанию Гульбединна Хекматиара, одного из главарей контрреволюции, окопавшегося в Пакистане. Отряд террористов выдвинулся из зоны, контролируемой бандитами, на местность, прилегающую к центру приграничной афганской волости — кишлаку Имамсахиб. Впереди шла группа обеспечения — около сотни душманов. За ними — столько же «специалистов» с ракетными снарядами и безоткатным оружием. Последней следовала группа прикрытия — человек пятьдесят. С расстояния примерно в два-три километра от советской границы бандиты успели сделать два пуска реактивных снарядов и восемь выстрелов из безоткатного орудия. Тут же их накрыли ответным огнем. Душманы ушли, унося убитых. При отходе из приграничья их обстреляло местное афганское население.

Момент для провокации, заметим, был выбран не случайно. Праздничный вечер 8 Марта в советском пограничном поселке отмечали, как и повсюду в стране. Расчет бандитов был поистине злодейским — превратить праздник в трагедию, продемонстрировать уязвимость советской границы. Акт международного терроризма носил откровенно политический характер. Его инициаторы ставили целью сорвать процесс национального примирения в ДРА.

«Правда» от 2 апреля 1986 г.,

соб. корр. В. Окулов.

Кабул — Кундуз

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Учеба

1. РОЖДЕННЫЕ ПОЛЗАТЬ

Желание стать летчиком — оно есть у многих. Покорять небо, управлять сильной машиной, решать ответственные задачи на благо Родины — это ведь так романтично. Но летчиком, особенно боевым, может стать далеко не каждый человек, даже физически крепкий и здоровый.

Не зря летчики проходят профессиональный психологический отбор. Например, сидишь в барокамере, решаешь математические задачи, а тебя тем временем давление плющит, так что голова раскалывается. Или был еще такой тренажер интересный, мы его называли «синусовый». Я на нем еще школьником отбор проходил. Там в прицеле надо провести по синусоиде цель, а машина все ошибки учитывает и записывает. Но не просто так ведешь — при этом то сирена срабатывает, то вдруг ток низковольтный на ручку управления подают. Из тех, кто от испуга или неожиданности ручку бросил, никого в училище не брали. Мне тоже ток включали. Я, помню, дергался, конечно, но ни одной ручки не бросил. А ведь не знаешь, в какой момент тебя током дернет, и это ожидание здорово изматывает. Потом обратно ведешь прицел, тоже по синусоиде, вдруг такую мощную сирену под тобой врубают, будто паровоз прямо на тебя наезжает, — а маркер надо держать на траектории, да еще вести плавно. Это тоже важный момент — каждого потенциального летчика проверяют еще и на то, способен ли он вести цель плавно.

Очень характерная статистика: вместе со мной поступили в училище 120 человек, а выпустили через четыре года только 67. Половину списали. Причем большая часть ушла по «нелетке» — не допущены были к полетам по разным причинам.

Сами люди все были очень хорошие, но, если летать не могут — все, до свидания. Причем речь шла не о зрении или других физических данных — это все проверяли еще при поступлении, по здоровью за четыре года всего пять-шесть человек списали.

Речь шла о психике, о характере: боишься принимать решения, не готов к стрессу или, скажем, тупой как пробка — все, не летаешь.

В истребительную авиацию вообще брали только с первой графой здоровья. Всего было шесть граф, так вот первая — это годен к космическим полетам. При поступлении требовалось, к примеру, чтоб все зубы были целыми — имплантированные нельзя.

Два года ты проходишь по первой графе, потом с третьего курса дается допуск. В чем допуск, сейчас уже не помню, но по второй графе начинали писать. Послабление по графе означало, что космонавтика тебе уже не светит. Например, зуб удалили — все, ставят минус.

Сейчас летчиком можно стать, только окончив военное училище. Раньше в стране, помимо училищ, были учебно-авиационные центры (УАЦ). После УАЦ будущие летчики попадали в строевые части и там доводились до ума, но это все было в далеких теперь 60–70-х годах.

В УАЦ хорошо готовили летчиков, сама система была сделана очень грамотно, она похожа на центры резервистов в США. Из УАЦ после двух лет обучения записывали лейтенантов в запас, а потом каждые три года их вызывали на сборы, и они два-три месяца летали, поддерживали навык. В основном, конечно, на учебных машинах летали, но были и те, что кроме МиГ-17 управляли также МиГ-21.

Потом был хрущевский разгон авиации, когда повыгоняли опытных боевых летчиков, потом стали закрывать учебно-авиационные центры. Сейчас вообще в стране нет резервистов, всю систему подготовки кадров разломали, даже ДОСААФ уничтожили. А ведь и там, в ДОСААФ, готовили не только автомобилистов, матросов или связистов, но и летчиков. Очень жаль, что страна осталась без резерва — случись сейчас серьезная война, с серьезными потерями или социальными катаклизмами, и летать будет фактически некому. Ведь летчика нельзя создать по команде, его нужно сначала заманить, потом обучить, а дальше холить и лелеять, чтоб он не передумал и продолжал совершенствовать свою квалификацию. И вот тогда, случись конфликт, этот летчик выручит свою страну и заодно и себя, грамотно распорядившись вверенным ему боевым имуществом.

Но это должен быть летчик, а не вздорная барышня. А были у нас и такие.

Когда я в мае 1987 года вернулся из Афганистана в Арциз, меня определили в инструкторы. Это было разумно, ведь боевого опыта у меня было много, причем самого разного, на выбор — ночные полеты, полеты на минимальной высоте, полеты при минимальной видимости

и т. п. И хоть я был по званию всего лишь старшим лейтенантом, заместителем командира эскадрильи, «возить» молодых лейтенантов, выпускников Качинского училища, определили именно меня.

Меня всегда удивляло, что в дипломах молодых людей, выпускников училища, сразу пишут — летчик. Очень это самонадеянно, на мой взгляд.

Начал их «возить» и был поражен, насколько неважно оказались эти ребята подготовлены. За лето списал четверых, а некоторых просто не допустил к полетам на Су-25. Не знаю, как они там, в училище, летали на своих МиГ-21, но штурмовик Су-25 они посадить не могли даже в идеальных погодных условиях.

Да что посадка — у некоторых вообще отсутствовал даже намек на какую-либо технику пилотирования, вообще ничего не умели.

При этом я помню себя в училище — у нас на первом курсе на Л-39 давали 15–20 вылетов с инструктором, а дальше мы сами летали, сколько нужно было, чтобы отработать технику. Сами понимали, что без полетов летчика из тебя не выйдет, и инструкторы нас в этом поддерживали. А тут вдруг такой странный выпуск, очень слабый.

Помню, принял одного лейтенанта на обучение, Саша Выборнов его звали. Начали мы с ним летать, и вижу я, что он ничего не умеет. А ведь четыре года учился, должен был элементарные вещи знать давно. А он ничего не умеет.

Мне командир полка однажды говорит:

— Кошкин, ты чего Выборнова не выпускаешь?

— Он ничего не умеет, товарищ командир. Он не сможет посадить самолет.

— Так, Кошкин, все, прекращай это. Выпускай его.

Но я уперся — в летной книжке любого летчика фамилия инструктора указывается, я потом за этого летчика всю жизнь отвечать буду. Зачем же мне неготового человека на смерть выпускать?

— Товарищ командир, я не буду подписывать его летную книжку. Он не готов.

— Хорошо, дай ему еще три полета.

Прошло несколько дней, пролетали мы с этим лейтенантом еще три полета. Командир меня опять вызывает, и все повторяется — я не могу подписывать летную книжку, он летать не умеет.

Командир кривится, но дает еще три дополнительных полета. Отлетали их, но я вижу — все это без толку, не может этот лейтенант вести машину сам.

Командир уже в голос на меня кричит, но выписывает новые полеты. И так повторяется 11 раз — этому лейтенанту выписали 34 дополнительных полета, а все было без толку.

Он принципиально не способен летать. Он, может, человек хороший, а летать не может. Бывает такое и не так уж редко.

Закончилась эта история так: командир полка в последний раз меня спросил, буду я выпускать лейтенанта Выборного? Я категорически отказался.

Тогда он сказал, что сам будет летать с этим типом. Говорит мне, запланируй с ним полет для меня. Я запланировал.

Командир отлетал, выходит красный, дышит тяжело. Говорит, давай-ка сюда командира звена, пусть он поработает. Посадили в кабину командира звена, комполка сам расписался в полетной книжке, и полетели они с этим лейтенантом снова. И снова все без толку.

К концу дня командир полка нашел решение — сам не стал грех на душу брать, приказал командиру звена закончить обучение. Помучился комзвена недельку и подписал все, что полагается.

Потом я отбыл учиться в летную академию, а как приехал на Новый год, с 1992 на 1993-й, у меня было несколько выходных, и я заехал в Монино, в авиаотряд. Иду по Монино, смотрю, Саша Выборнов как живой ходит.

К командиру его подошел, спросил, конечно, — а чего мы так тащим этого лейтенанта, он что, особенный? Мне командир отвечает: есть такой начальник управления кадров Одесского военного округа генерал-лейтенант Выборнов. А Саша Выборнов — это его родной племянник. Получается, это его дядя так тащил по всем ступенькам.

Интересно, что потом Саша Выборнов даже в Афганистан попал, но там не летал, а при штабе работал. Хотя орден получил. Там, в конце афганской кампании, ордена всем давали. А Саша потом закончил академию, повысил свою квалификацию и попал в Германию, а после вывода советских войск перевели его в Кобрин, под Брестом.

И попал он к моему другу, замкомэска Рустему, с которым мы вместе в Афганистане воевали.

Рустем смотрит летную книжку Выборнова и мысленно восхищается. Ничего себе, летчик первого класса (как он получил первый класс, если мы ему второй не давали, а третий он еле-еле получил?), боевой опыт богатый, то да се.

— Я все умею, летать давайте сразу, — говорит Выборнов.

А Рустем человек осторожный. Нет, говорит, мил-человек, давай-ка мы тебя сначала проверим.

Садится он с ним лететь, и Выборнов чуть не убивает обоих на посадке — Рустем еле успел штурвал схватить и самостоятельно посадить самолет.

— Слушай, — говорит, — друг! Что-то у тебя не получилось с посадкой! Давай-ка еще пару вылетов запланируем.

— Да, — отвечает тот, — что-то не вышло. Но это случайно.

И еще два раза тоже случайно не вышло.

Рустем пошел к командиру полка, говорит:

— Или у парня перерыв был большой, или он вообще летать не умеет.

Потом Рустем начал внимательно изучать летную книжку Выборнова. Видит надпись — инструктор Кошкин, а подписи нет. А дальше стоит подпись командира полка.

До Рустема доходит, что с летчиком серьезная проблема. Он докладывает командиру, что летчик неважный, и тот принимает решение от полетов новичка отстранить. Но и выгнать тоже не могут — все-таки блатной товарищ. В итоге отправили его в академию, где я его и встретил. И потом все закончилось для него хорошо — ребята рассказывали, что Выборнов успешно закончил академию, попал в какой-то военный институт в Чкалове и там сосредоточился на научной работе, где проявил себя очень положительно.

Вот тут и начнешь понимать, что высокопоставленный дядя ему только жизнь ломал, тащил туда, куда не следовало. Саше сразу надо было на научной работе сосредоточиться, чтобы себя не мучить и людей вокруг. А так мог бы и сам погибнуть, и людей вокруг угробить — боевой самолет это вам не шутка. Но, по счастью, все закончилось благополучно.

Кстати, двое из четырех мною отчисленных выпускников Качинского училища меня потом совершенно искренне благодарили.

Оба потом ушли на вертолеты, в многоместные экипажи, где решение принимают несколько человек, что для психологически слабого типажа намного легче. Один, по фамилии Сычев, помню, потом даже специально приезжал ко мне с подарками — именно за отстранение от полетов на Су-25 благодарил. Дело в том, что он в результате на вертолете начал летать за границу, не вылезал из командировок, и ему там очень понравилось. Я, в свою очередь, тоже за него порадовался, конечно.

Всего я «возил» двенадцать человек, четырех списал. Из оставшихся восьми погиб только один, Игорь. Он попал под вывод в Афганистан, три месяца там отлетал, потом первую чеченскую отлетал, в буденновском полку, и уже потом в 2000 году, когда меня уже не было в армии, погиб в Чечне. Погиб странно — возвращаясь с задания вдруг спикировал, причем не в атаке и не в бою. Просто воткнулся в землю. К сожалению, результаты расследования этого происшествия так и не были обнародованы, так что о причинах можно только гадать.

От советского информбюро КАЧА — ДОСТОЯНИЕ РОССИИ

21 ноября 2007 г. исполняется 97 лет со дня создания первой военной летной школы — Качинского высшего военного авиационного ордена Ленина Краснознаменного училища летчиков. Оно было создано 21 ноября 1910 г. как Севастопольская офицерская школа авиации и стало колыбелью отечественного воздушного флота, как военного, так и гражданского. Но 1 ноября 1998 г. в соответствии с постановлением Правительства РФ от 29.08.1998 г. № 1009 и приказом министра обороны РФ № 397 от 6.11.1997 г. Качинское училище летчиков было расформировано... Создание колыбели отечественной авиации осуществлялось великим князем Александром Михайловичем на добровольные пожертвования граждан России по повелению Николая II. 26 октября 1911 года Николай II благословил на ратную службу первый выпуск 24 летчиков авиашколы, а впоследствии участвовал в освящении авиагородка на реке

Кача, куда школа переехала из Севастополя в 1912 году и от которой в последующем получила название Качинской.

Авторитет школы был настолько высок, что руководители страны, начиная со Сталина, посылали своих сыновей для летного обучения в Качинскую авиашколу. Именно здесь учились летать сын Сталина — Василий, три сына Микояна, сыновья Фрунзе, Ярославского и других известных государственных деятелей и военачальников.

Расформирование училища было воспринято личным составом, авиаторами России как глубоко ошибочное, даже трагичное для наших Вооруженных сил событие. Оно нанесло серьезный ущерб всей системе подготовки летных кадров для ВВС.

Что и говорить, Качинское училище являлось историческим достоянием России. Это первое летное училище России, от которого пошла вся отечественная авиация. Кроме того, это была уникальная российская школа подготовки летных кадров, имеющая авторитет в войсках за высокий уровень профессиональной подготовки ее выпускников. Да и географическое расположение имело не последнее значение — район Волгограда является наиболее благоприятным по погодным условиям для летной подготовки (почти 300 летных дней в году).

А еще Качинское училище имело уникальный аэроузел, который включал необходимое количество пилотажных зон, маршрутов и эшелонов для выполнения полетов. Да всего и не перечислить...

История Качинского училища, дела и подвиги его воспитанников золотыми буквами вписаны в историю Российского государства. Все прошлое училища, его авторитет в стране и армии, здравый смысл говорят о том, что училище должно быть восстановлено и сохранено для будущих поколений России.

Сегодня в Москве действует фонд поддержки авиаторов «Качинец». Работа здесь ведется по многим направлениям: проводятся Качинские чтения, встречи с ветеранами, печатаются книги, выходят статьи в периодической печати,

снимаются документальные фильмы о выпускниках Качинского летного училища военной поры.

И хотя не значится среди нынешних военных вузов гордое имя Качи, исторически она состоялась. Она в сердцах ее выпускников, в сердцах тысяч людей, для которых старейшая авиашкола страны — не просто альма-матер, а достояние России и ее героического народа.

«Военное образование»,

Владимир Новокшанов, 27 ноября 2007 г.

2. ПРО ИСТЕРИЧЕК И ВИНОВАТЫХ

Летчики делятся на три категории. Первая — это очень сильные летчики, то есть такие прирожденные чкаловы. Они летают от Бога, чувствуют машину, как свое тело, и при этом, кстати, необязательно все они являются героями, начальниками или испытателями.

Сильные летчики могут быть без особых наград, без особых претензий — просто все в части знают, что вот этот парень летает как бог и никогда по своей вине машину не угробит и никому никогда не навредит. У нас в полку таких было три-четыре человека — это на коллектив в пятьдесят четыре летчика.

Вторая категория: средние летчики. Умеют делать все, что положено, но границ положенного не раздвигают — работают в заданных рамках, зато надежно.

Третья категория: слабые летчики. На сложные задания их нельзя посылать, да и простые операции могут провалить из-за самых неожиданных ошибок. К примеру, такому летчику не хватает объема внимания, в результате он может потеряться в строю.

Скажем, залетели мы в облака, встали, совершили маневр, а слабый летчик не успел. Когда ты летишь в строю, ты видишь сопла командирского самолета, ты летишь за ними, повторяешь все его маневры, доверяешь ему и успеваешь за ним. Если сложные условия, то вообще по сторонам не смотришь — командир прицелится и выведет тебя на цель нормально. Но если летчик слабый, он не выйдет на цель, потеряется.

Сейчас еще служит в армии мой воспитанник, Саша. Он, помню, уже капитаном был, со мной в Абхазии воевал, в Таджикистане, потом в Чечне.

И вот летали с ним в Краснодаре «под шторкой» — то есть его кабина закрыта специальной шторкой, он видит только приборы. Отрабатывали технику пилотирования в условиях плохой видимости.

Прилетели в зону пилотирования, начали работу. Зона не очень большая, квадрат двадцать на двадцать километров, рельефом не обозначена, только географическими координатами на карте. За пределы зоны выходить нельзя, там гражданские трассы проходят.

Под шторкой несколько минут поработали, потом я Саше приборы отключил — указатель авиагоризонта рубанул, еще что-то, оставил только дублирующие приборы. И даю приказ — вывести самолет на заданный курс и высоту. Минут двадцать так поработали, все нормально, а потом я Саше шторку открываю и говорю — давай покрутим сложный пилотаж, а то скучно так летать, давай повеселим себя.

Кстати, не только себя повеселим — снизу люди часто смотрят, сам видел с малой высоты, как глазают.

Начинаем кружиться. Делаем одну бочку, вторую, разгоняю самолет, делаю косую полупетлю, оттуда выходим на переворот, дальше крутим бочку — в общем, делаю все, что в голову взбредет. Меня перегрузки никогда не пугали, даже нравились.

Потом я закончил, Краснодар остался на востоке, а мы шли на запад. То есть пилоту надо было развернуть самолет на 180 градусов и идти на базу.

Все, говорю, Саня, лети домой. Приборы, между прочим, работают — я все обратно включил. То есть курс Саше узнать не проблема — просто взглянуть.

Смотрю, мы летим прямо, никаких потугов на разворот Саша не делает. Сейчас выйдем за границы зоны, начнет орать диспетчер, что гражданским мешаем.

Я, наконец, спрашиваю:

— Саня, мы куда летим-то?

— Михалыч, если честно, я уже не знаю, куда мы летим.

— У тебя куда «золотая стрелка» показывает?

— Назад.

— Ну и?

Тут до него дошло, и он, наконец, развернулся. А ведь это летчик-штурмовик, с опытом. И то растерялся после серии бочек. Что же говорить про неопытных и неготовых?

Слабый летчик не сможет зайти на посадку в сложных условиях. Если приборы ошибутся, он тем более не поймет этого, потому что не умеет добывать информацию.

Была такая позорная история для российской авиации — упал на территории Литвы Су-27. Самолет оказался исправен, это вообще

надежный, хороший аппарат, погода отличная, боевых действий не велось.

Что случилось? Дело было так — летчики перегоняли машины из-под Питера в Калининград. Простейшие условия — погода, что называется, звенит, ориентиры отличные — море справа, береговую полосу видно, лети да радуйся. Но прозвучала неправильная команда диспетчера, который перепутал позывные и метки. Самолеты шли друг за другом на трехминутном интервале. И диспетчер чужой метке говорит — вам левым разворотом заходить на посадку.

Летчик тупо выполняет команду диспетчера. Заходит влево, а там Таллин. Потом диспетчер замечает свою ошибку и поправляется. А летчик летит, обещанного аэродрома нет, летчик начинает не верить своим приборам, начинается паника, а тут еще он случайно или намеренно перешел на другой радиоканал.

В эфире тишина, он кружится над Эстонией, потерялся. Хотя все просто — ты же море видишь. Если у тебя море справа, ты летишь на запад, а если слева — на восток. Простейшая ситуация, а летчик перепугался, у него паника началась. И он два часа по квадрату в чужих территориальных водах бродил, а наши туда зайти не могут и по радиоканалу ничего ему не сказать — он переключился.

Психологически летчик был не готов, слабый летчик, его не выявили раньше. Его надо было раньше выявлять и списывать с летной работы. Или ставить в многоместный экипаж, где есть лидер, командир, команды которого можно тупо выполнять.

Если что, там подскажет штурман: слушай, довернем вот сюда, может быть? А то в Эстонию уйдем.

В общем, два часа он там летал, топливо у него закончилось, и он с криком «Ура! За Родину!» прыгает, бросает самолет. Его поймали эстонцы, обвинили в шпионаже и нападении на всю Эстонию.

А исправный самолет стоимостью шестьдесят миллионов долларов пролетел еще много километров и воткнулся в землю, где взорвался. Не знаю о судьбе летчика, а обвинили во всем командующего 6-й армией Свиридова. А он тогда только пришел на эту должность. Но оказался виноват. Такие вот времена пошли мелочные.

Руководство вооруженными силами передано людям, не обладающим глобальным мышлением. Очевидно ведь, что не может

командующий армией отвечать за каждого летчика. За конкретного летчика отвечает командир эскадрильи, а также командир звена — тот вообще непосредственно за него отвечает, напрямую. А обвинять командующего за конкретного летчика странно: у командующего от Анадыря до Калининграда таких летчиков сотни.

Это, конечно, интриги были, воспользовались ситуацией и сожрали командующего. Он ведь тогда еще открыто выступил против линии разоружения, и его тут же сняли.

А по-хорошему надо было выяснить, как такой психологически не готовый летчик, прямо говоря трус, оказался за штурвалом боевого самолета. Кто учил этого истерика, кто подписывал ему полетную книжку. И вот этих людей надо было наказать. Увы, справедливость в армии — такая же фикция, как и в остальных сферах нашей жизни.

От советского информбюро ЭСТОНИЯ ОБВИНИЛА ВВС РОССИИ В НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ПОЛЕТОВ

Главный штаб сил обороны Эстонии обвинил Военно-воздушные силы России в нарушении правил полетов и угрозе для гражданских полетов. Как говорится в распространенном в пятницу сообщении штаба, в четверг семь самолетов ВВС России направлялись из Санкт-Петербурга в Калининград. Персонал центра наблюдения за воздушным пространством Эстонии с 12 до 14 часов отслеживал полет самолета радиоразведки «А-50», а также самолетов типа «Су» и «МиГ» в информационном полетном регионе Эстонии.

Для пролета в этом регионе самолеты России заранее запросили и получили разрешение.

«Однако у самолетов были выключены обязательные транспорттеры, передающие информацию о полете», — отмечается в сообщении. «Тем самым военные самолеты России поставили под угрозу безопасность полетов гражданских самолетов в информационном полетном регионе Эстонии», — подчеркивается в сообщении.

Один из этих самолетов — Су-27 разбился накануне на территории Литвы в ходе планового полета. Пилот катапультировался. Жертв удалось избежать, поскольку самолет упал вдали от населенных пунктов.

Согласно заявлению литовских властей, самолет попал в воздушное пространство Литвы незаконно. Согласно заявлению Минобороны России, истребитель, следовавший на базу в Калининградской области, стал неуправляемым по причине неисправности навигационного оборудования.

«Новый Регион», 2005 год

3. УЧЕНИЯ

Подготовка транспортников и бомбардировщиков несравнима с подготовкой летчиков истребительной или штурмовой авиации. И у вертолетчиков тоже намного слабее подготовка. И пусть не обижаются на меня коллеги из других направлений авиации — самолеты хвостом вперед летают только у истребителей и штурмовиков. Я штурмовик, но самолеты сбивать могу только в ближнем бою — дальше радары нужны, а у нас на Су-25 их нет. А в ближнем бою мы истребители встречали и наказывали за самонадеянность, правда, только на учениях. Был у меня хороший командир эскадрильи, Яковлев. Летчик от Бога, настоящий ас. И вот сразу после нашего возвращения из Афганистана начались в Одесском военном округе большие учения. Нам поставили задачу прорвать оборону ПВО противника, причем мы на своих Су-25 изображали крылатые ракеты.

Из нашего авиаполка шесть экипажей шли на Кишинев, а шесть на Одессу, все по распределенным целям.

Наша с Яковлевым пара изображала крылатую ракету, которая попадает в морской порт Одессы. Потом еще предполагался воздушный бой с истребителями над полигоном, но это уже была другая, независимая от первой часть учений. В обоих случаях эпизоды прорыва ПВО и воздушного боя фиксировали посредники, которых усадили перед радаром на земле.

Мы выходили на остров Змеиный и должны были прорвать там систему ПВО на небольшой высоте. Вообще, крылатая ракета обычно идет на высоте метров 100–150, но нас «противник» убедительно просил ниже 200 метров не снижаться, чтобы им легче было выполнить задачу. А еще мы шли без маневров, потому что крылатая ракета не умеет маневрировать — она тупо летит к цели, повторяя изгибы местности.

И вот летим мы себе послушно, как ракеты, и стало нам с комэской скучно. И, конечно, профессиональная гордость выиграла — почему мы должны поддаваться нашему условному противнику? Реальному противнику поддаваться не будем.

В общем, поняли мы друг друга с комэской с полуслова. Прошли остров Змеиный, и

Яковлев как ведущий снизился до 25 метров. А я следом за ним повторил маневр. Шли так низко, что, когда выходили на грузовой порт, было ощущение, что волна кабину захлестнет.

Естественно, местные ПВО нас не увидели — когда цель очень низко проходит, радар ее не фиксирует, потому что радиоволны отражаются от наземных объектов и создают такую плотную засветку, что увидеть там самолет крайне сложно. Работа по низколетящим целям требует особой квалификации, внимания — а ведь наш «противник» был уверен, что мы пойдём выше 200 метров.

В общем, вынырнули мы прямо над одесским пляжем и сделали там свечку на радость отдыхающим — народ аплодировал. Чего не скажешь о руководителях местной ПВО — они потом нашему начальству звонили, возмущались очень. Ведь фактически, по легенде учений, они проворонили нападение на грузовой порт Одессы — мы его тогда условно уничтожили.

Потом, согласно плану учений, нас ждал воздушный бой с истребителями над полигоном. Вообще говоря, Су-25 как фронтовой штурмовик не очень годится для воздушных боев — радара у него нет, поэтому наводить ракеты издалека мы не можем. Зато в ближнем бою, если есть хорошие навыки пилотирования, штурмовик может уничтожить самый современный истребитель, особенно если в истребителе за штурвалом сидит пижон, уверенный в превосходстве своей техники.

Мой комэска, Яковлев, — он пришел к нам как раз из истребительной авиации. И некоторые элементы воздушного боя он мне раньше показывал, так что теорию этого дела я немного знал. И вот он мне и говорит по рации:

— Давай, Саня, попробуем сделать этих пижонов. Они думают, что отстреляются по нам ракетами издалека, как в тире, а мы их обманем.

Тут надо пояснить — посредники фиксировали попадание ракет в нас условно, потому что в реальности ракеты не пускали. То есть истребители на «МиГ-23» должны по окончании учений представить пленки с фотографиями, где мы находимся в таких ракурсах, что очевидно — пусти ракету и попал.

Комэска придумал такой финт: как только мы увидим, что истребители пошли в атаку, мы снижаем скорость, причем Яковлев делает вираж, а я косую петлю, фигура называется аркан. Идея в том, что враг при таком маневре кого-то из нас точно потеряет, а тот из нас, кто потеряется, окажется у истребителей за спиной и сможет отработать по ним пушками.

Вышли мы с комэска на полигон, держим скорость 800 км/час, я засекаю наших условных противников — оба МиГ-23 шли за нами справа сзади.

Смотрю, выравниваются, изготавливаются к стрельбе и прибавляют скорость.

Я кричу комэска:

— Атака!

И мы дружно притормаживаем, а потом делаем аркан. Оба истребителя нас проскакивают, а я оказываюсь над ними чуть позади. И там, спокойно, как в тире, снимаю на пушку сначала первого, потом второго.

Красивые такие снимки вышли, заглядение. Мог бы, кстати, не только пушками отработать по ним — у меня еще две ракеты «Р-60» под крыльями висели, они с трехсот метров достали бы оба «МиГа» за секунду. Но ракетами уже имитировать атаку не стал — и так было очевидно, что враг уничтожен.

Кричу:

— Снято, командир!

— Отлично, Саня.

Повернули мы на базу, а эти пижоны на «МиГах» нас потеряли, даже не смогли повторно атаковать.

Потом посредники получили наши пленки, а истребители на разбор ничего не привезли. И тоже, как пэвзошники, вместо того чтобы признать — да, мол, просрали, — начали нашему начальству звонить, жаловаться. Что, мол, ваши штурмовики себе позволяют, почему просто не подставились, как все делают на таких учениях.

Но наше начальство послало этих жалобщиков куда следует — никаких принципиальных договоренностей об игре в поддавки на самом деле не было. Просто сложился такой порядок, что на учениях чаще в войну играли, чем отработывали боевые навыки. И лично меня

это всегда огорчало — мне афганского опыта хватило, чтобы понять, что на войне все серьезно и убивают там не понарошку.

От советского информбюро БОЙ НА ВИРАЖАХ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Традиционная тактика боевого применения авиации ПВО предусматривает использование легких маневренных истребителей наряду со специализированными перехватчиками. В 80-х годах эту нишу занял МиГ-23П, пользовавшийся вполне приличной репутацией у летчиков. Подготовку летчиков ПВО на новый тип самолета развернули в 116-м УАЦ^[6] в Астрахани. Первой в ПВО на новую технику перевооружилась отдельная аэ 116-го УАЦ из Приволжского, но последующий разгон Вооруженных сил прекратил этот процесс.

В 1989 году 119-я дивизия ВВС Одесского ВО была переподчинена Черноморскому флоту. Она была переименована в 119-ю миад (морскую), а ее полки — в 86-й Гвардейский миап и 161-й миап.

В конце 60-х годов по опыту локальных конфликтов было решено развернуть программу обучения лучших летчиков ВВС маневренному воздушному бою. К тому времени был накоплен огромный объем информации о тактике авиации противника. Ее привозили те, кого направляли советниками во Вьетнам, на Ближний Восток, в Анголу и т. п., а также офицеры командования ВВС и строевые летчики дружественных стран. Большинство из них были выпускниками наших военных училищ (много иностранцев готовили в Чернигове и в Ростове), и с ними старались поддерживать постоянный контакт.

В годы войны в СССР успешно действовала Высшая школа воздушного боя, но при Хрущеве это направление боевой подготовки летчиков было забыто и возродилось лишь в 1974 г. Непоследним стимулом к принятию такого решения было то, что в конце 60-х годов ВВС и морская авиация США сформировали специальные учебные

подразделения для повышенной подготовки летчиков-истребителей.

Как и у американцев, у нас бытовала практика сажать условного врага на устаревшие самолеты, в данном случае — МиГ-23МЛД. Ими вооружалась 2-я армия, имитировавшая агрессора. Но, как оказалось, техническое преимущество — это еще не все.

В кабинах «двадцать третьих» сидели лучшие летчики ВВС, умелые и опытные. Они хорошо знали местность и свою матчасть, до автоматизма «накатали» программу и имели за плечами приличный налет. Большинство из них побывали в разных заграничных командировках, получив богатейший практический опыт. Да и новый МиГ-29 на первых порах не во всем был лучше МиГ-23МЛД. Одним из крупных недостатков 9-12 первых серий было то, что дальность обнаружения его РЛС была существенно меньше, чем у «Сапфира», установленного на «23-м».

Упор в обучении летчиков на базе № 1521 делался на ближний воздушный бой на малых и средних высотах. Отрабатывались приемы, включавшие в себя действия силами пара — звено — группа, с применением сложного и высшего пилотажа. Маневренные качества как МиГ-29, так и его «противника» МиГ-23МЛД были таковы, что вновь был возрожден давно забытый у нас бой на виражах, когда огонь открывается с дистанции 100–200 м. Особую роль приобрели навыки стрельбы из пушки. Летчики вновь вернулись к временам, когда ближний бой стал важным элементом противостояния.

«Военное обозрение», № 34, 1997 г.

4. ПЕРЕСТРОЙКА

Когда начал разваливаться Советский Союз, я еще в академии учился, в Монино. Помню, обсуждали ситуацию жаростно, причем не только на кухнях — даже какие-то конференции собирали, какие-то декларации сочиняли, взывали к разуму и совести руководства страны. Сейчас понимаю, какие мы были наивные, — ведь тогда все уже было решено за нас.

Не сомневаюсь, что Горбачев развалил нашу великую страну сознательно — не видеть и не понимать, что он делает, мог только полный идиот, а Горбачев таковым не являлся.

Жаль, что не было у нас тогда всей той информации, что мы имеем сейчас, жаль, что не знали мы, куда ведет нас этот мерзавец. Я бы просто казнил его тогда, если бы это могло помочь стране. И не сомневаюсь, что еще миллион человек рядом со мной встали бы — потому что столько горя и страданий, сколько принес этот негодяй, можно сравнить лишь с Великой Отечественной войной. Миллионы людей в ходе развала Союза погибли в региональных конфликтах, от болезней и недоедания, от уличной и организованной преступности, а этот типчик живой-здоровый, по границам летает, премии собирает, а его еще называют великим политиком и экономистом.

Как это можно было просрать такую страну, да еще случайно, как он теперь оправдывается, я не понимаю. Он ведь занял место генсека, подсидев сначала кучу людей, а сам вдруг оказался неспособным к ответственной работе.

Уверен, что Горбачев знал, что делает, его деятельность нужно расследовать и казнить потом этого негодяя за государственную измену. Сколько судеб искалечено, сколько детишек погибло или было искалечено, какой кошмар творился в национальных республиках, во что этот иуда превратил цветущую и счастливую страну?!

Как развал начался, в академии у всех летчиков неважно стало с деньгами. Вообще, в Советском Союзе летчики были материально хорошо обеспечены. Новенький лейтенант после училища получал 260 рублей. В 1989 году, когда я в академию поступал капитаном, у меня

зарплата была 430 рублей. Это притом, что инженеры или врачи получали 140 рублей и не считали себя бедными.

При этом за вылеты летчикам в Союзе не платили. В Чечне платили командировочные, но я не застал этого периода. В Афганистане тоже не платили. Т. е. летных надбавок не было, всем платили одинаково — что пехотному лейтенанту, что летчику.

А вот если классность повысил, платили надбавку — оклад по должности. Лейтенант 120, старший лейтенант 130, за второй класс платили еще 10 % надбавки. За первый класс — 20 %. Плюс выслуга лет. В общем, неплохо мы получали, денег на все хватало, плюс социальное обеспечение было на хорошем уровне — медицина, квартира, разнообразные льготы. И вот, в одночасье, это все рухнуло, и государственные люди стали вдруг нищими. Цены выросли в несколько раз, а зарплаты остались прежними.

Впрочем, у меня особых запросов не было, а график был простой — с утра отучился в академии, потом обед, потом самоподготовка. А потом я шел вагоны разгружать — рядом овощная база была, платили там нормально. Жене и ребенку деньги отсылал, еще родители им помогали, а главное, все же мы думали, что это временные трудности, что жизнь наладится, что государство в стране есть, и оно помнит о своих военных.

Но временные трудности становились постоянными, материальные проблемы стали выходить на первый план. Помню, на третьем курсе вся академия влезла в пирамиду «МММ», и я не стал исключением. Вложил 900 рублей, все, что смог за год накопить, и стал, наивный, ждать прибыли.

Интересно, что один человек из нашей академии все-таки смог разбогатеть на этой пирамиде, но счастья ему это не принесло. Парнишка этот учился на истребительном отделении, а фамилия у него была Бофт. Как он смог разбогатеть, я толком не понял, но было известно, что пирамида приносит ему огромные деньги. Он перестал ходить на занятия, купил себе иномарку и стал таким важным господином, что мы только руками разводили. Разумеется, на Бофта стали заглядываться девушки, и он выбрал себе в любовницы дочку начальника академии, генерал-полковника Королькова. Увы, счастье молодых длилось недолго — однажды пришли мы на лекцию и узнали о грандиозном ЧП. Бофта и дочку генерала нашли задохнувшимися в

гараже, причем в той самой крутой иномарке. За полгода до выпуска такая грустная история потрясла академию, но больше всего эта история потрясла жену Бофта — она ведь не знала ничего ни про финансовые успехи мужа, ни, тем более, про любовницу.

Впрочем, важнее всех этих нелепых историй для нас были итоги распределения академии — в армии начались чудовищные по масштабам чистки, и было совершенно неясно, где будут служить все эти вертолетчики, штурмовики, истребители с десяти отделений нашего курса. Причем все это были люди с боевым опытом, получившие теперь, за годы учебы, и отличную теоретическую подготовку. С точки зрения любой армии мира, это был самый ценный человеческий капитал.

И вдруг выясняется, что этот капитал государству не нужен. То есть распределить могли в любую из бывших советских республик, уже отделившихся от нашей страны, но еще сохранивших на своей территории наши боевые части. И это было очень тревожное ожидание — какой смысл распределяться в такую часть, перевозить туда семью, если через несколько месяцев придется бежать оттуда сломя голову, как убегали из Германии?

Хотя, кстати, в Германию тоже одно место на весь выпуск было, и я знал, что на него претендует отличник боевой подготовки и летчик с большим боевым опытом, Игорь Смирнов. Я, конечно, не хотел занимать его место, хотя у меня как у участника боевых действий тоже была возможность выбора. Но боевым товарищам перебежать дорогу я не собирался.

И вдруг в марте, перед самым выпуском, мне по секрету в академии говорят, что 26-я армия остается в Минске навсегда. Дескать, на самом верху об этом договорились, так что все «железно», будешь служить, как в России, только под Минском, в Кобрино. Вообще, весь мой выбор вариантов руководство академии мне сразу продемонстрировало: Германия, Дальний Восток или Кобрино. В Германию мне было нельзя, чтобы не ломать судьбу Свиридову, на Дальний Восток я перебираться не хотел, потому что за 10 лет службы уже с семьей наездился по временкам и хотел осесть на постоянном месте. А в России мест не было вообще, всюду шли жесточайшие сокращения. Что касается полка в Арцизе, откуда я ушел в академию, то он был расформирован, пока я учился.

— Ладно, — говорю, — согласен на Кобрино, записывайте меня в 26-ю армию.

Мне тут же радостно отвечают:

— Хорошо, Кошкин, мы так и рассчитывали, что именно тебя пошлем в Кобрино.

И вот я довольный такой, что хорошо устроился, готовлюсь потихоньку к экзаменам, обсуждаю с женой по телефону наши планы, чуть ли не заказываю уже контейнер для перевозки вещей семьи из Краснодара.

А у меня был хороший товарищ, Юра Тихонов, он был военным инспектором, мы с ним в Арцизе вместе служили. И вдруг он появился в Монино именно в марте, и мы с ним случайно встретились.

Он меня спрашивает:

— Саша, ты куда распределился?

— В 26-ю армию, в Кобрино.

— Ты что, больной? 26-ю армию расформируют. Директива Генерального штаба подписана. Этой армии уже через два месяца не будет. Ты приедешь в июне туда, документы уйдут, а в июле армии уже не будет. И что ты будешь делать там с семьей?

Вот так людей, боевых офицеров, распределяли тогда штабные крысы. Гнали летчиков в несуществующую армию, с семьями, с планами, с контейнерами. Отправляли профессионалов целыми семьями в Казахстан, на Украину, в Грузию, в Туркменистан, а потом все эти люди оказывались в чистом поле в окружении русофобствующих молодчиков, которые чихать хотели на проблемы русских офицеров. Так, моего сокурсника Дубинского тогда распределили в Туркестанский военный округ, в 73-ю армию, а ее к тому времени уже не существовало ни в каком виде. Только блатные достоверно знали, какая и где именно боевая часть уцелеет, туда и распределялись.

И ведь никто за этот беспредел так и не ответил, хотя имя тогдашнего министра обороны мы все знаем и он до сих пор живой, здоровый и богатый.

И вот сидим мы с моим товарищем друг напротив друга, он мне дословно цитирует директиву Генерального штаба о расформировании 26-й армии, а я не понимаю, как это может быть.

— Что же мне делать, я уже согласие дал на перевод в Кобрино?

— Делай что хочешь, но армии там нет. И ради тебя эту директиву не отменяют.

От советского информбюро ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ АВИАЦИЯ БАЛТФЛОТА ПОКИДАЕТ АЭРОДРОМЫ

Наш собеседник — гвардии полковник Шекуров, командир прославленного 689-го гвардейского ордена Александра Невского истребительного авиационного полка имени А. И. Покрышкина, сильно рискует: военная тайна — понятие весьма растяжимое. И при желании ее разглашением российский генералитет может объявить даже простое упоминание на страницах газеты того, что такой полк существует. Но у Шекурова нет другого выхода. Полк, которым он командовал, фактически уничтожен. И не каким-то внешним врагом, и не в результате стихийного бедствия или техногенной катастрофы. Полк уничтожило руководство — от командующего Балтийским флотом, в чьем ведении находилась данная воинская часть, до начальника Генерального штаба и министра обороны.

— Что произошло?

— Генерал армии Квашнин подписал, а главнокомандующий ВМФ России адмирал Куроедов и командующий Балтийским флотом адмирал Валуев приказали исполнить директиву, по которой наш гвардейский истребительный полк подлежал сокращению и превращению в 143-ю истребительную авиационную эскадрилью без исторических наименований и имени Покрышкина. По этой же директиве нам приказали перебазироваться из Нивенского на аэродром в Чкаловске. Аэродром в Нивенском был отличный, современный, I-го класса. Взлетно-посадочная полоса — трехслойный бетон, специальные аэродромные плиты, цена каждой — более \$300, а их там тысячи и тысячи. При немцах там был аэродром люфтваффе. Аэродром в Чкаловске просто опасен — там запрещено взлетать. Полоса неухоженная, требует капитального ремонта. Восстановить

чрезвычайно трудно — на мой взгляд, дешевле построить новый. После этих событий 19 летчиков 1-го класса приняли решение прекратить свою летную деятельность, они уволились.

— Во сколько обходится для бюджета подготовка одного летчика 1-го класса?

— Более 30 миллионов долларов. И это еще по советским расценкам. По западным — намного дороже. Судите сами: когда я поступал в Армавирское летное училище, из 2500 человек, прошедших медицинскую комиссию и получивших направление на вступительные экзамены, было зачислено около 350. То есть один из семи уже отобранных. А выпустилось — около 200.

Реально же — один из ста юношей призывного возраста. И то еще неизвестно, какой из него летчик получится. Это ведь даже не штучная, а ювелирная работа. И когда двум десяткам опытных летчиков показали на дверь — считайте, что потери составили более полумиллиарда долларов только в денежном выражении. А потери с точки зрения обороноспособности вообще оценить невозможно!

— То есть можно сказать, что директива Генштаба — это удар в спину?

— Когда председатель совета ветеранов 9-й истребительной дивизии полковник Маслов, фронтовик, узнал об этой директиве, о том, сколько летчиков мы потеряли, он сказал: «Такие потери у нас были только в сорок третьем, в небе над Кубанью, когда мы ломали хребет фрицу. Это — настоящее вредительство...»

5. ПРОФЕССИОНАЛ ИЩЕТ РАБОТУ

В академии мне никто помочь не мог, там люди решали свои вопросы. Вообще, атмосфера в мае 1992 года в академии была мрачная, депрессия у каждого второго выпускника — тяжело это, вдруг узнать, что дело, которому ты отдал полжизни, никому не нужно.

Стране нужны были торговцы, менеджеры, охранники, юристы — а боевые летчики оказались лишними. Многим прямо говорили — штатных мест нет, распределять вас некуда, увольняйтесь сами или распределим в такую дыру, что летать все равно не будете.

Пришлось мне обращаться на самый верх, куда я мог дотянуться, — к вице-президенту страны. Александр Васильевич Руцкой сразу взял трубку и ситуацию понял верно. Спросил, куда я хочу. А я последнюю практику после академии проходил в Краснодаре и там познакомился с одним комэска по фамилии Стрижак. Хороший мужик, опытный пилот, но у него проблемы с сердцем были. И он мне сказал, что дотянет до весны, а потом будет уходить.

Я позже звонил туда и узнал, что место действительно освободилось. Но в академии штабисты планировали туда своего блатного протащить, так что мне там ничего не светило, я и не пытался. Краснодарский полк всегда был блатным, боевых офицеров там почти не было.

Однако в ситуации, когда у меня вообще не оставалось перспектив продолжить службу летчиком, выбора уже не было — пришлось идти на конфликт со штабом академии.

Объяснил все это Александру Владимировичу, он меня поддержал:

— Все, — говорит, — правильно ты сделал. Армии нужны профессионалы. Пойдешь комэска в Краснодар.

Спустя месяц в академии второй этап распределения проходит, меня вызвали в штаб академии. Прихожу, а там сидят шишки из Главного управления кадров (ГУК) Минобороны.

Один из полковников недоволен на меня долго щурится, потом гневно спрашивает:

— Майор Кошкин, почему отказываетесь ехать в Кобрино? Это же такое место хорошее, под Брестом, не глухомань какая-нибудь. Служи да радуйся!

Я ему прямо отвечаю:

— Товарищ полковник, располагаю информацией, что 26-я воздушная армия расформируется. Куда вы меня посылаете?

— Много ты знаешь, майор. Куда тебя родина пошлет, туда и поедешь.

— Это, товарищ полковник, смотря на какую родину ехать. Белоруссия вроде как другая страна, я ей на верность не присягал.

— Майор, ты что так много на себя берешь? Ты думаешь, если Руцкой за тебя хлопотал, тебе это поможет?

У меня были свои источники, я знал, что Руцкой не этим полковникам звонил, а начальнику Генерального штаба Колесникову. Но конкретный вопрос все равно решали эти мелкие сошки — лично начальник Генштаба не будет заниматься такой ерундой, как распределение майора ВВС.

Я так понял ситуацию, что эти полковники не знали, что мы с Александром Владимировичем вместе в Афганистане воевали, что я его воспитанник, думали, случайный знакомый, один раз дозвонился до Руцкого, больше не получится.

Слово за слово пошло, я им начал резче отвечать, потом прямо сказал:

— Я не поеду в Кобрино.

— Тогда поедешь на Дальний Восток.

— И на Дальний Восток не поеду. У меня есть право выбора. Я поеду в Краснодар — там есть место комэски. И его не могут занять, пока не распределят слушателей академии.

— Да видели мы твоего Руцкого на...

— Товарищ полковник, вы за свои слова-то отвечаете? Разбрасываетесь сильно.

— Не твое дело, майор. Посмотрим, куда ты поедешь.

Я вышел из штаба в глубоком изумлении и в тот же вечер поехал в Москву.

Руцкого не было на месте. Я очень долго ждал в приемной. Уехал. Утром до него дозвонился.

— Александр Владимирович, вас на хер послали, — говорю.

— Шо?!

— Два полковника вас на хер послали. Говорят, что не будут выполнять ваши распоряжения и что вертели вас на этом самом.

Он орет от возмущения, даже не разобрать, что именно. Потом услышал:

— Как у них фамилии?!

— Один полковник такой-то, а второго не помню.

— Ладно!

А я пошел на финальные занятия в академию, хотя особого смысла в этих занятиях уже не видел. Была у меня уверенность, что после такого скандала придется увольняться, потому что ссора с кадровиками ГУКа — это для военной карьеры любого офицера верная гибель.

Целый день ходил как зомби, на обед не пошел, лег спать, чтобы хоть так унять тяжелые мысли. И вдруг слышу шум в коридоре общежития, вроде как ломятся ко мне в комнату. Смотрю на часы — 23.00. Открываю — там начальник курса Козенко стоит, весь такой растрепанный, дышит тяжело, как после марш-броска с полной выкладкой.

Даже не говорит, а стонет:

— Кошкин, ты что сделал такое? Из Генерального штаба звонили, там такой крик стоит, тебя срочно в ГУК вызывают! Начальник академии сказал, утром на его «Волге» ехать.

— Да ладно, я на электричке доеду нормально.

— Нет-нет, ты что, только на «Волге». Пропуск тебе там заказали, ждут.

Он еще вопросы начал задавать, но я ему ничего рассказывать не стал, и Козенко ушел недовольный.

А я лег спать и до утра проспал как младенец, спокойно. А утром действительно подъехала «Волга» начальника академии, и я поехал в Москву.

Приехали, в бюро пропусков сунул удостоверение:

— Майор Кошкин прибыл.

— Да-да, вас ждут, генерал такой-то.

Поднялся в приемную, там адъютант докладывает:

— Товарищ генерал, майор Кошкин прибыл.

Генерал ручкается со мной как давний приятель, усаживает в кресло и начинает старые вопросы задавать:

— Чего ты не хочешь в Кобринно ехать?

— 26-й воздушной армии там не будет, и вы это знаете.

— Откуда ты это знаешь?

— Вы знаете, и я знаю, а откуда — неважно.

Генерал начал вдруг про себя рассказывать, оказалось, что он тоже был в Афганистане, командиром полка.

— А ты что, майор, так близко Руцкого знаешь, что он за тебя дважды впрягался?

— Близко не близко, но два года в Афгане вместе прослужили в одном полку.

— А с чего ты взял, что в Краснодаре место есть?

— Комэска Стрижак ушел, я знаю.

— Все ты знаешь. Слушай, а ты можешь позвонить Руцкому, что ты неправильно сказал, а то он велел уволить этих двух полковников. А то у них квартиры в Москве служебные, семьи, все такое. Они только сюда приехали, один из Сибири, другой с Дальнего Востока. Пожалей мужиков.

— Так ведь они на хер Руцкого посылали, а не я.

— Нет, подожди, не кипятись. Ты позвони ему, скажи, что преувеличил немного.

— Товарищ генерал, вы можете сейчас позвонить министру обороны?

— Нет, конечно.

— А майор Кошкин может сейчас позвонить вице-президенту страны?

— Ну ты же как-то ему звонишь.

— Сейчас не могу. Вечером позвоню, попробую объяснить.

— Договорились. А ты поедешь в Краснодар, вопрос решен.

— Только не за штат, товарищ генерал.

— Гм.

— Товарищ генерал, я знаю, как оформляются эти бумаги. Пожалуйста, при мне подпишите распределение, а я вечером позвоню Руцкому.

Приносят приказ, генерал у меня на глазах вписывает меня в приказ на подпись министру обороны, показывает мне.

Может показаться, что я тогда пережил ситуацию, но на самом деле я этих штабных крыс знаю хорошо — если веришь им на слово, обязательно кинут.

Если бы не Руцкой, со мной поступили бы как со щенком — вышвырнули бы со службы и не поморщились. Никто не смотрит, что ты боевой офицер, больше того, некоторых штабных это обстоятельство еще больше раздражает.

На свою голову, я сдержал обещание, которое дал генералу ГУКа, и позвонил Руцкому.

Александр Владимирович мне говорит — зря ты за них просишь. Они тебе это еще припомнят. Да ладно, говорю, их уже наказали страхом, хватит, наверное.

— Смотри, Саня, будут у тебя потом по кадрам проблемы. В майорах всю жизнь прослужишь. Ну да ладно, раз так просишь, оставлю их служить. Бывай.

Думаю, зря я их пожалел. Они, подлецы, меня потом не жалели — действительно, с тех пор ни званий, ни наград, все из Москвы заворачивалось, а меня изо всех списков всегда в Генштабе вычеркивали.

Позже стало известно, что в Кобрино попал Коля Шулимов, который со мной в Афгане воевал. Его послали вместо меня, когда я уже отбыл в Краснодар, так что предупредить или отговорить Николая я не мог.

Приезжает Коля в Кобрино, а ему говорят — голубчик, какое распределение, какая академия, вы с ума там в своей Москве походили, что ли? Армия расформируется, а вас к нам направляют — идиоты там, что ли, у вас сидят?

А ведь Коля не один приехал — семью привез, двое детей, жена, контейнер с вещами. И вот он там мыкался три месяца, пока «вопрос решали» и никак не могли решить. В конце концов пришлось Шулимову ехать на Дальний Восток.

Вообще, кадровики тогда чудили такое, что противно вспоминать.

Как я понимаю, делалось это специально, по приказу министра обороны — для того, чтобы решить проблему лишних офицеров. Решили денег экономить, сократить армейские штаты, а просто уволить людей нельзя. Вот их так и мучили, специально, чтоб сами увольнялись. А сам уйдешь — пенсии нет, льгот нет, квартиры нет.

У кого не было блага, не было и распределения. Вот Чекалдин Витя, скромный парень из Самары, вертолетчик, три раза в Афгане воевал, Чернобыль захватил, потом не вылезал из Забайкалья. Мы соседями по комнате в общежитии были, дружил я с ним все четыре года, только хорошее про него помню.

И вот Чекалдина, буквально героя войны и труда, кадровики после академии опять распределяют в Забайкалье! А Витя отличник, орденов полная грудь. Он, конечно, расстроился, когда узнал, что его опять на Дальний Восток пихнули. Бросил ходить на занятия, на госэкзамены буквально на минутку зашел, тройку свою получил, а красный диплом обломался, естественно. Документы в Забайкалье отправили, а Витя написал рапорт и уволился. Классный летчик, хрен такого где найдешь, такого десять лет выучивать надо, а потом холить и лелеять, а его штабные крысы просто взяли и выкинули из армии.

Другой наш вертолетчик из академии в результате этих распределений уехал в Израиль. Его на Украину послали, в какую-то дыру. А он тоже опытный офицер, дважды в Афганистане воевал, Чернобыль тоже прошел, работал в Забайкалье.

Он спрашивает штабных:

— Можно я не поеду на Украину? Ведь там нет никаких перспектив, ведь выводят уже оттуда войска! Дайте мне в России послужить. Я всю жизнь на периферии прослужил, один раз в жизни в центре России по службе поработал, в Монино, в этой вашей сраной академии. И вы опять меня посылаете в какую-то жопу!

— А не хочешь — как хочешь. Пиши рапорт, увольняйся.

И он пошел в израильское посольство, там с ним долго беседовали и взяли в Израиль — там классные летчики всегда в цене. Причем взяли его в Израиль как летчика, а не как еврея — он на еврея никак не тянул, наш, славянский парень. Правда, год он там механиком вертолета отработал, но потом начал снова летать.

Конечно, такой пилот любой стране нужен — опыт есть, боевой налет есть, инструкторские корочки есть, а всего делов-то — с нашего «крокодила» на «Чинук» переучиться.

Сколько таких историй слышал, не перечесать, но каждый раз кровь закипает, когда узнаю, как кадровики Министерства обороны расправлялись в начале 90-х с лучшими пилотами Союза и России. И никто из штабных крыс за это паскудство до сих пор не ответил.

От советского информбюро РОССИЯ ПОКА НЕ МОЖЕТ ПРИНЯТЬ СВОИХ СОЛДАТ

Вчера коллегия Министерства обороны России заявила о приостановке вывода из стран Балтии «соединений и частей Северо-Западной группы войск и Балтийского флота, для которых не созданы соответствующие условия обустройства на местах вывода».

В распространенном во вторник заявлении коллегии, обсудившей накануне вопросы вывода из стран Балтии российских войск, указывается, что из региона предстоит вывести 40 тысяч военнослужащих, имеющих семьи. Только в 1992 году регион должны покинуть 24347 человек, из них 10382 — офицеры и прапорщики. В военных округах России, на территорию которых прибывают войска, число бесквартирных военных колеблется от 2,2 до 18,2 тысячи человек. Согласно заявлению коллегии, позиция Министерства обороны России состоит в том, чтобы «вывод войск из стран Прибалтики осуществлять только на подготовленные фонды и, в первую очередь, при наличии жилья и социальной инфраструктуры».

«Вывод войск, для которых не созданы соответствующие условия, временно приостанавливается до решения всех вопросов, связанных с их обустройством на новых местах дислокации», — говорится в заявлении.

Как уже сообщалось, 9 октября координационный совет офицерских собраний Прибалтийского региона принял решение обратиться в Конституционный суд России с требованием проверить конституционность решения Министерства обороны об ускорении вывода войск из государств Балтии. Несколько дней спустя министр обороны России Павел Грачев издал распоряжение о переносе вывода из Латвии 15-й воздушной армии с декабря 1992 на май 1993 года.

«Коммерсант», № 14 от 21.10.1992 г.

6. КРАСНОДАР

В Краснодар я ехал с тяжелым сердцем. Как там меня встретят, где придется размещать семью, как будет с полетами — на эти вопросы у меня не было точного ответа.

Но в целом все оказалось не так мрачно, как могло быть. Предварительно меня поселили в местной гостинице — старое трехэтажное желтое здание, оно и поныне там стоит, и там живут военные. В этой гостинице мне дали комнату с расчетом на всю семью, но поставили в очередь на квартиру. Так жило большинство офицеров, и никто особо не роптал, все верили, что есть перспектива впереди, что все устроится.

Сразу семью я на новое место не повез, оставил у родителей в Ейске — это 250 километров от Краснодара. Надо было сначала осмотреться, принять дела, разгрузить контейнер с вещами, все подготовить в бытовом плане. Все-таки ребенку еще только пять лет, а бывают такие проблемы бытовые, что лучше в тесноте с родителями, чем с такими проблемами.

Первое впечатление от командования было неоднозначным. Прибыл в штаб, захожу, представляюсь командиру полка. Барков его фамилия, хороший командир.

— Товарищ полковник, разрешите представиться — майор Кошкин, назначен на должность командира эскадрильи.

Он улыбается, руку пожимает:

— Здравствуй, майор Кошкин!

И тут дверь кабинета распахивается, заходит какой-то полковник. Инспектор из штаба армии, из Ростова.

Я ему говорю вежливо:

— Здравия желаю, товарищ полковник.

Барков тоже говорит:

— Вот, знакомься, майор Кошкин, прибыл к нам на должность комэска.

А тот так злобно морду кривит на меня и отвечает:

— А-а, так это ты Кошкин. Ну-ну. Вообще-то, можешь сразу уходить отсюда.

Интересное кино, думаю. А он продолжает:

— Ты пришел на чужое место. Чего ты здесь делаешь вообще? Уходи сам, мы тебя все равно спишем. Не получится у тебя в Краснодаре служить.

Командир полка руками разводит, говорит:

— Все нормально, майор, иди пока, тебе еще начальнику училища, генералу Журавлеву, надо представиться.

Я развернулся, иду к себе в кабинет, который мне показали. Ошарашен от такого приема, конечно. Ничего себе, думаю, представился.

Я понимал, конечно, что, раз кто-то блатной хотел на это место, встреча может быть неоднозначной. Но чтоб так, с ходу, незнакомому человеку сказать, что его будут прессовать за сам факт прибытия на службу, — это, конечно, хамство.

А назавтра идти мне к Журавлеву. Тоже, наверное, встретит неласково. Иду и думаю о том, за какой срок меня тут сожрут — за полгода или за полмесяца? И что делать?

Вошел в свой кабинет, сел за стол. Перебираю на столе брошюры, смотрю:

«Методическое руководство по первоначальному обучению курсантов на самолетах Л-39».

Экая смешная штука, думаю. Помнится, у нас на полк было три тоненьких инструкции и как-то хватало, в общем.

Полистал книжку — та же инструкция, только еще воды на сто страниц налито. Пригляделся — на обложке надпись: «Данное методическое пособие разработано под руководством кандидата педагогических наук генерал-майора Журавлева».

Ого, думаю, это же начальник училища.

Как же с ним начать разговор правильно? Я догадывался, как он меня встретит, — пришел боевой летчик, «афганец», с орденами. Типа, крутой — значит, будут пытаться унижать всячески. Они-то все тут шпаки, войны и близко не нюхали, занимались в основном карьерными дрызгами, а не боевой подготовкой.

Кстати, такое заметно даже по внешнему виду личного состава. К примеру, в строевой части никому в голову не придет на летный комбинезон погоны нашивать. Ни к чему это просто. Летчики строевой части основное время проводят в комбинезонах, и, разумеется, никто

не мучает пилотов строевой подготовкой. Разве что перед проверкой командир может сказать — давайте, мужики, переоденьтесь, покажем проверяющим, что у нас все тип-топ. А на следующий день все снова ходят в комбинезонах, и, кто это перед тобой, капитан или лейтенант, понятно только по знакомой физиономии. Так и генерал может пройти мимо тебя в комбинезоне, ты и не поймешь, что генерал, — погон ведь нет.

А потом, в 90-е годы, пошла мода на генеральские погоны на пятнистой униформе. мода эта пришла из пехоты, и ее подхватили некоторые авиационные начальники. Но строевые летчики так и не начали носить погоны на комбинезонах — это делали только генералы и штабные полковники. Летающий полковник на комбинезон погоны нашивать не будет.

Вот как увидишь: на летном поле идет гражданин в чистом летном комбинезоне с полковничьими погонами, сразу понимаешь — идет шпак. Ему погоны нужны, чтоб его на хер ненароком не послали нечаянно.

Я, как увидел, что в этом полку летчики с погонами на комбинезонах ходят, сразу понял, куда попал.

Но делать нечего, хожу по кабинету с этой брошюрой под мышкой, размышляю. И придумал — зайду к начальнику училища представляться с этой его книжкой в руках. Ну не с летной же книжкой к нему приходиться — он меня по ней и будет возить, типа, ты тут будешь нам показывать, что умеешь делать.

Прихожу к начальнику училища на следующий день. А там, в приемной, адъютант — целый прапорщик. С вышитыми золотом звездами на погонах. Не по уставу, конечно, но ему как бы можно — адъютант самого генерала. Смотреть противно, но я и не такое видел.

— Здравствуйте, — говорю, — майор Кошкин. Мне надо представиться генералу Журавлеву.

Он даже не встал, хотя прапорщик. Так лениво бросил со своего места:

— Сейчас доложу.

Сам сидит, я стою. Не предложил ни сесть, ни кофе. Хотя по уставу он должен был встать, представиться, и все такое. Впрочем, это не мой подчиненный, тут все претензии к генералу — он распустил или даже поощряет это блядство.

Ладно, думаю, подожду. Проходит минут пятнадцать.

Потом говорю ему вежливо:

— Может, доложите уже генералу? Время назначено.

— Сейчас.

Заходит к генералу, потом выходит, ничего не говорит, садится к себе на место. Проходит минут пять.

— Заходите.

Это он так передо мной выкобенивался, типа, на место ставил. Показать хотел, какой он крутой. Мол, я адъютант у генерала, а ты комэска сраный.

Ладно, думаю, главное — спокойствие. Захожу в кабинет. Сидит генерал, в очках — у него дальнозоркость. У летчиков это обычное дело с возрастом — далеко видим, а читать — очки нужны.

Сидит, смотрит бумаги или делает вид, что смотрит на бумаги.

— Разрешите войти?

Головы не поднял, буркнул что-то.

Я представился, кто такой:

— Майор Кошкин прибыл по случаю назначения на должность командира эскадрильи в 802-й учебный авиационный полк Краснодарского летного училища.

Стою минут пять, он там листает что-то. Потом поднял голову:

— Садись. Ну, что мне расскажешь?

— Товарищ генерал. Большая честь мне попасть в это училище. С большим трудом удалось к вам попасть. Я и не мечтал никогда. Знаю, какие здесь кадры готовятся отменные. Я даже думаю, что по сравнению с вашими асами я очень слаб пока, но я нагоню. Куда нам, летчикам со строевой части, до летчиков-инструкторов Краснодарского училища.

Генерал на меня зенки выпучил, а я продолжаю уверенно:

— Вот вчера зашел к себе в кабинет, смотрю, на столе лежит эта книга. Полистал и понял, какое это замечательное руководство, — его бы надо срочно выдать летчикам строевых частей. Тогда все войны будут выиграны, без сомнения.

Смотрю, генерал так приободрился, смотрит уже ласково, даже очки снял, чтоб меня лучше видеть.

Я продолжаю нести свою пургу:

— Представляете, начал читать — не могу оторваться. Такая полезная книга!

Понимаю, что делаю, но деваться мне некуда уже было — один на один я там был со всей этой сранью штабной. Пришлось вот так прогнуться, да. Сейчас вспоминаю, скулы сводит от отвращения, но что делать-то было?

Продолжаю свои речи:

— В этом руководстве учтены все ошибки за предыдущие годы, много нового материала. Представляю, сколько тут вложено вашего труда — и летного, и научного.

Потом я иссяк — словарный запас закончился. А генерал, смотрю, подобрел, начал даже оправдываться:

— Ты извини, майор, у меня Су-25 на консервации стоят. Последние слушатели были из КНДР, они уже закончили учебу. На Су-24 (бомбардировщики) пойдешь?

— Пойду.

— Только там надо будет чуть подождать: Яцук, комэска, уходит.

Что интересно, та должность, за которую столько нервов было истреplено, прошла мимо — не будут же они ради одного выпускника академии снимать с консервации Су-25. Руководство училища приняло решение переучивать личный состав на Л-39, но пока летчики были отправлены в коллективный отпуск.

Мне, конечно, очень не хотелось возвращаться в кабину учебного самолета Л-39, и генерал тоже это понимал:

— Тебе, такому опытному летчику, на Л-39 летать будет странно. Давай так сделаем: ты несколько месяцев с ними полетаешь и пойдешь на бомбардировщики Су-24, — предлагает он.

Я кое-что вспомнил, озвучиваю генералу свой вариант:

— Разрешите предложить, товарищ генерал? Тут Попов, приморско-ахтарский полк (960-й штурмовой авиаполк, входящий в состав 1-й гвардейской смешанной авиадивизии 4-й армии ВВС и ПВО), у них полоса на ремонте, они летали в Краснодаре. Можно я у него начну летать, у него ведь Су-25. К этому полку меня можно приписать?

— Гм. Ну давай, конечно, — позвонил куда-то, тут же решил вопрос. Потом позвонил в полк: — К тебе завтра придет майор

Кошкин, он у нас комэска. Оформляй его так, чтоб он у тебя пока начал летать на Л-39.

На этом мое представление начальству закончилось, и я ушел. Перед полетами надо было проделать формальности — летчикам положено делать два прыжка с парашютом в год, а я в академии не прыгал. Поэтому меня с вертолета бросили два раза, потом я сдал наземную часть и через два дня начал летать. Правда, поначалу тоже без недоразумений не обошлось.

Одного меня не отпустили в воздух — и это правильно, мало ли кто прибыл казенную технику ломать. Со мной для контроля в учебный самолет сел заместитель командира полка.

Смотрю на план полета, что мне в штабе нарисовали, — а там сплошные «круги». «Круг» — это простейший элемент пилотажа, полет по кругу взлет-посадка. Такие планы курсантам начальных курсов рисуют. И вот я, опытный пилот, с изумлением читаю свои планы: там мне предлагается в первый день три «круга» сделать, на второй день тоже три «круга» нарезали, потом зону мне рисуют, а потом самостоятельно, но тоже по кругу.

В строевой части «кругов» вообще не рисуют никому — это просто нонсенс. Простой пилотаж могут написать, а если на полигоне — то с пикированием, бомбометанием или ракетными пусками, и туда, прицепом, могут еще «круг» добавить. Но чтоб просто одни «круги» наматывать — такое только «шкрабы» могут придумать.

С заместителем командира полка взлетели на Л-39, сделали круг, посадил я самолет. Замкомполка спрашивает:

— Слушай, Кошкин, а чего тебе одних «кругов» нарисовали? Ты же все умеешь.

— А я откуда знаю, кто из вас и зачем мне «круги» рисовал?

Сделал еще «круг», посадил самолет, и он, чертыхаясь, ушел в штаб. Там командиру доложил, что херней занимаемся.

Вернулся, говорит, извини, Кошкин, ошибочка вышла. Можешь сразу лететь в зону, самостоятельно там все, что тебе надо, отрабатывать.

Отлетал я там так ровно месяц, с июля 1992-го по август. Тут приморско-ахтарский полк улетает к себе, в Приморско-Ахтарск. Мне удалось в училище договориться, чтобы разрешили с ними поработать,

уже на Су-25. Командование дало добро, и я улетел в расположение 960-го штурмового авиаполка.

Начал там сложные элементы отрабатывать, на полигоне много работал — для штурмовика это очень важно — не терять навыков поражения цели. Но эта моя настойчивость многих в полке удивляла. К примеру, решил я ночью поработать на полигоне, вспомнить свой афганский боевой опыт, когда по ночам горные перевалы минировали.

Пришел к командиру полка, докладываю, а у него глаза на лоб лезут. Он на меня кричать принялся:

— Ты что, больной, Кошкин?! Какой тебе ночью полигон?! Да я сам не чаще раза в год там летаю, и то если кого надо на квалификацию свозить. А тебе-то это зачем? Как я буду это планировать — мне тогда нужен ночной руководитель полетов, а где я его возьму?

В общем, я догадывался, какой будет реакция, — в этом полку и днем-то на полигон почти не летали, а ночью, наверное, вообще никогда.

Продолжаю уговаривать комполка:

— Да есть у тебя человек, я же знаю. Я сам его уговорю, будет руководить полетами на полигоне, ну пусть не в самую ночь. Сделаем так: прихватим час сумерек (считается за ночь) и час еще — с нуля часов. Много времени не займет, а я фотобомбометание сделаю. Мне важно этот элемент отработать и навыки свои не потерять.

Поломался еще командир, но потом все-таки разрешил мне ночные полеты. Помню, провожали меня в первый ночной вылет на полигон, как героя: типа, куда же он, ночью, на полигон, там же темно.

А мне это просто смешно слышать было — у меня ночных вылетов полно было боевых, я в горах под Кандагаром ночью ущелья минировал, а тут вылет на какой-то сраный полигон, где нет ни гор, ни ПВО, да еще погода «звенит». Но не объяснить все это было — они слишком мало летали и не только потому, что с топливом или ресурсом двигателей проблемы были. Просто не ставилась им такая задача — наращивать свою летную квалификацию. Поэтому и на меня смотрели как на идиота — дескать, что он тут летает, тренируется, как умалишенный, к войне с Америкой, что ли, готовится.

А тут как раз и война началась — правда, не с Америкой.

От советского информбюро ГРУЗИНЫ ОБСТРЕЛЯЛИ РОССИЙСКОЕ СУДНО

Российский флот чуть было не понес потери. В ночь на 28 октября танки грузинской армии обстреляли в сухумском порту судно «Баскунчак», принадлежащее Черноморскому флоту.

Девять выстрелов было произведено грузинскими танками по российскому поисково-спасательному судну «Баскунчак», направлявшемуся в сухумский порт после работ по спасению теплохода «Арго» (об аварии «Арго» «Ъ» писал вчера). Осколки снарядов попали в надстройки судна. Как сообщили «Ъ» в Министерстве обороны России, по счастливой случайности, никто из экипажа не пострадал. После обстрела «Баскунчак» вышел из территориальных вод Грузии и сейчас находится в Севастополе.

А накануне, 27 октября, два грузинских боевых самолета Су-25 обстреляли два российских Су-25, сопровождавших вертолеты с гуманитарной помощью для жителей грузинского города Ткварчели. Но не попали. Как сообщили в пресс-центре Министерства обороны России, российские летчики открыли ответный огонь, но в цель также не попали.

Жертв нет.

Газета «Коммерсант», № 21 от 29.10.1992 г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Кавказ

1. ЗДРАВСТВУЙ, ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Работа по целям на полигоне принесла мне однажды ценную информацию — после очередной серии заходов заметил там огромный яблоневый сад, с большими ветвистыми деревьями, усыпанными яблоками по самую макушку. Сад выглядел заброшенным — во всяком случае, ни разу не видел там людей и, тем более, какой-то сельскохозяйственной техники. А последний раз прошел над садом на минимальной высоте и увидел, что яблоки уже завалили землю под деревьями.

Решил совершить набег. В субботу с утра взял парашютную сумку и впервые прогулялся к полигону не на самолете, а пешочком. Сад действительно оказался заброшенным. Набрал я там мешок отборных яблок, съел пару штук, позагорал на травке и побрел обратно. К вечеру возвращаюсь в гостиницу, а там дежурный администратор кругами вокруг моего номера бегаёт и при этом за голову держится.

— Ой-ой-ой, — кричит. — Александр Михайлович, вас командование разыскивает! Говорят, срочно.

Звоню в Краснодар, Баркову, а он такой серьезный:

— Саня, бегом в штаб, оформляй летную книжку и пулей к нам, тебе надо быть здесь срочно.

— Да ведь мне летную книжку надо заполнить, она у меня незаполненная.

— Давай бегом, тебя в штабе ждут с утра!

А ведь это вечер субботы, в штабе, кроме сонного дежурного, никого и быть не должно. Значит, действительно что-то серьезное случилось.

Прибегаю в штаб, а там полно народу. Командир штаба охрипший, уже не орет, а сипит на меня:

— Где тебя носит целый день?!

— За яблоками на полигон ходил.

— Да тебя везде обыскались! Но вот, что ты на полигон пешком пойдешь, не додумались! Давай быстро, оформляй бумаги и дуй в Краснодар. Серьезная работа начинается.

Ну заполнил я книжку, печати поставил, командировку оформил. Народ в штабе только меня и ждал, очень быстро всю бюрократию провернули.

Потом бегом в гостиницу, схватил походный чемоданчик, кинул в багажник сумку с яблоками и поехал в Краснодар.

Приехал уже в ночи, сразу в штаб направился, и верно — там полно народу, от командира полка Баркова до командующего армией Михайлова. От генеральских погон в глазах рябит, все серьезные донельзя.

Доложил о прибытии, мне сразу задачу ставят:

— Необходимо срочно подготовить восемь экипажей штурмовиков к боевым действиям. Срок — месяц.

Вот же дрянь дело, думаю. Значит, сейчас вам срочно понадобились опытные штурмовики. А как после Афганистана опытнейших штурмовиков без стеснения сотнями увольняли, нигде вам совесть не жала? И мыслей не было, что такие ценные кадры на дороге не валяются, что без штурмовиков воевать невозможно, что воспитать опытного летчика ничуть не проще, чем авианосец построить.

Ладно, думаю, что тут говорить — все равно не эти генералы тогда принимали решения, это же на самом верху делалось, в Кремле.

— Вас понял, товарищ командир полка! Кого могу выбрать из летчиков?

— Выбирай кого хочешь.

Пошел я в кабинет, принесли мне летные книжки кандидатов. Посмотрел я их и пригорюнился — из всего состава только два человека кое-как подходят. Один из строевой части пришел, второй тоже из строевой части и, главное, раньше даже летал на Су-25. А остальные не имеют даже минимального летного опыта, не говоря уже про боевой.

И это еще не весь абсурд — весть о том, что в Краснодаре набирают эскадрилью штурмовиков, разнеслась по всей России и даже за ее пределы. Начались телефонные звонки, даже лично люди приезжали, уговаривали меня взять их. Опытнейшие пилоты, из расформированных частей на территории Украины, Германии, России или бывшие «афганцы».

Я бы их всех, конечно, взял, потому что опытные штурмовики на дороге не валяются, но мне командование это сразу запретило — говорят, бери только тех, кто у нас в штате состоит, и доводи их до нужной кондиции.

И пришлось мне, скрепя сердце, говорить опытнейшим асам: мест нет. Причем некоторых пилотов я лично знал, знал, что воевать умеют и самолет Су-25 знают как родной, но выполнял приказ — разводил руками и повторял одно и то же: мужики, простите, но мест нет.

Зато сразу все мелкие конфликты в полку отошли на второй план — начальство дало мне полный карт-бланш, готовил летчиков я сам, а местным инструкторам была дана команда даже не отсвечивать рядом со своими вздорными претензиями.

У них же инструкции, планы — как в автошколе. Сначала ученик должен посидеть-освоиться в машине, потом тронуться-остановиться, потом круги наматывать до посинения. Но подготовка для войны отличается от обычной учебы в училище. Мне не нужно, чтобы мои летчики круги наматывали. Мне нужен полигон, и только он. Чтобы летчики научились бомбить и стрелять. А они ведь ничего не умели поначалу, для них выход на цель был проблемой, а уж про попадание в цель мы даже не мечтали.

Командование распорядилось снять с консервации десять Су-25, на них мы и работали. Но сначала, конечно, учились на спарке — потому что многие не могли даже нормально поднять, а главное, посадить штурмовик. А самая главная сложность для молодых летчиков была такая: научиться искать цели. Тут и работа на полигоне не поможет, потому что полигон — он всегда на одном месте, ты взлетаешь и на автомате туда летишь, можно с закрытыми глазами по мишеням работать, они же там всегда стоят на своих местах, в буквальном смысле приколочены. А в реальной войне все иначе, там цели от тебя прячутся, а есть и такие цели, что на тебя нападают, — и к таким вещам тоже надо быть готовым.

Конечно, к тому времени многие знали, а остальные догадывались, к чему мы так спешно готовимся, — к войне на Кавказе.

А потому никого особенно не удивило, когда в октябре 1992 года в части вдруг объявили тревогу и нас в срочном порядке перебросили в Моздок. Начался осетино-ингушский конфликт.

Моя эскадрилья к войне была готова, больше того, когда в Моздоке начали ставить задачи войскам, на базе моей эскадрильи еще готовили дополнительные боевые экипажи. Решение принималось примерно так — кто там у нас командир эскадрильи? Вася — 100, Петя — 200, о, штурмовик Кошкин — 515 боевых вылетов.

Ага, пишем приказ — пусть этот Кошкин и готовит пополнение.

Я, разумеется, приказы выполнял — обучение летного состава это вообще мероприятие нелишнее. Но войны как таковой там не было — для авиации, во всяком случае.

Летали мы там, в основном, для устрашения обеих сторон конфликта — где-то грозно погудим, где-то дадим очередь из пулемета, а чаще просто обозначали свое присутствие пролетом над спорной территорией.

Еще летали на разведку — вот это действительно была нужная работа, смотреть, куда и какими силами двигаются «незаконные вооруженные формирования». Видишь колонны машин, толпу людей — докладываешь координаты. Но ни разу не получал приказа уничтожить эти незаконные формирования, хотя мы могли сделать это легко.

Впрочем, речь шла чаще всего просто о больших толпах раззадоренных людей — назвать их войсками было бы неверным. Один лишь раз я обнаружил БТР у ингушей. С танцами и бубнами они гнали отобранный у ментов БТР куда-то в степь. Я передал координаты в штаб, внутренние войска тут же прибыли на место и отобрали опасную игрушку у джигитов.

Впрочем, все эти наблюдения касались светлого времени суток, а вот по ночам, когда «большой брат» подробностей не видит, там начинался ад. В утренних сводках довольно сухо, но обстоятельно перечислялось, где и сколько трупов было обнаружено, и в каком они были состоянии.

Чтобы и ночью держать ситуацию под контролем, мы бросали над конфликтными участками осветительные бомбы. Одна такая бомба горит 7–8 минут, причем горит очень ярко, после нее еще минут десять в себя приходишь. И вот летаешь так всю ночь, раз в полчаса землю подсветишь и грозно погудишь — а внизу все уже в курсе, что федералы за ситуацией следят и самые отчаянные безобразия собираются пресекать.

Но ничего мы так и не пресекли, даже вылазки самых отъявленных негодяев — не было у нас на это приказа. Бывало, летаешь, смотришь — типичная банда к поселку подходит. Можно ударить по ней по-взрослому и навсегда попрощаться с уродами. Но штаб работать не разрешает, просит только координаты уточнить.

А потом, спустя пару суток, в сводках читаешь, что в населенном пункте N одна противоборствующая сторона вырезала другую, причем пострадали женщины и дети. И думаешь: надо было, конечно, тогда вдарить по этим негодяям.

Но ведь нельзя без приказа.

От советского информбюро ВВЕДENO ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Вчера президент России Борис Ельцин издал указ «О введении чрезвычайного положения на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики». Российский парламент на закрытом заседании указ утвердил. Поздно вечером должна была начаться сессия североосетинского парламента, которой предстоит определить свое отношение к указу Ельцина.

Чрезвычайное положение вводится с 14.00 2 ноября 1992 г. до 14.00 2 декабря 1993 г. в связи «с резко обострившимся положением».

31 октября ингушские вооруженные формирования вошли на территорию Пригородного района Северной Осетии, в результате чего завязались бои между ингушами и осетинами. Столкновения произошли и во Владикавказе. По состоянию на вчерашний день обстановка остается сложной.

Ельцин создал временную администрацию для управления в зоне межнационального конфликта во главе с вице-премьером Георгием Хижой. В соответствии с российским законом о чрезвычайном положении органы исполнительной власти Северной Осетии переходят в прямое подчинение временной администрации. Так как конституционные органы власти в Ингушской Республике отсутствуют, там в условиях чрезвычайного положения, в

соответствии с указом, управление осуществляется временной администрацией. На период чрезвычайного положения президент запретил митинги, уличные шествия и демонстрации, забастовки. Президент России поручил временной администрации установить особый режим въезда и выезда, а также особый порядок передвижения транспорта в зоне конфликта, включающий досмотр транспортных средств. Администрации дано право приостанавливать деятельность общественных организаций и движений, препятствующих нормализации обстановки. В зоне конфликта, в соответствии с указом, должен быть установлен особый режим теле- и радиовещания, выпуска печатных изданий. 6 ноября правительству России предстоит отчитаться перед Верховным Советом о ходе осуществления президентского указа, для «подкрепления» которого в Северную Осетию введены два российских десантных полка и 2000 военнослужащих внутренних войск. (С командирами этих подразделений вчера совещались руководители Северной Осетии.)

Председатель Комитета ВС по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью, российский депутат от Чечено-Ингушетии Асланбек Аслаханов сказал корреспонденту «Ъ», что в принципе он за введение чрезвычайного положения, но его волнует вопрос об определении границ Ингушетии. Аслаханов сообщил также, что он задавал разработчикам указа вопрос о том, где, по их мнению, находится граница между Чечней и Ингушетией. (Чеченцы и ингуши до сих пор спорят об этом.) По мнению Аслаханова, нерешенность этого вопроса может привести к конфликту с Чечней.

Один из депутатов Верховного Совета, пожелавший остаться неназванным, заявил корреспонденту «Ъ», что, по его мнению, назначенная президентом временная администрация Северной Осетии и Ингушетии не будет распространять свою власть на спорные территории.

По мнению наблюдателей, введение чрезвычайного положения в Ингушетии может вызвать в Грозном реакцию,

похожую на ту, что была ровно год назад при попытке ввести чрезвычайное положение в Чечне.

Тем временем обстановка в Северной Осетии остается напряженной. До полудня 2 октября продолжались ожесточенные бои в ряде сел.

Газета «Коммерсантъ», № 25 (178), 03.11.1992

2. ПРИВЕТ, АРМЕНИЯ

Пока шла вся эта скучная вялотекущая война, решил я себе повысить летную квалификацию, сделать так называемые командирские полеты. Это когда проверяются командиры эскадрильи, командиры звеньев. При этом рядовые летчики не летают, только командиры. Сами летают, инструкторские часы зарабатывают и прочую квалификацию.

И вот слетал я один раз, собираюсь повторить, и тут вдруг в часть приезжает командующий, а меня срочно к нему вызывают.

Прихожу, сидит генерал, улыбается:

— Ну что, Кошкин, готов в командировку?

— Всегда готов. Только куда?

— Сначала коротко слетаешь. Передашь братскому народу Армении пару Су-25 из твоей боевой эскадрильи. Завтра летишь в Ленинакан.

Интересный получился полет. Я шел ведущим на боевом Су-25, а следом шла спарка с Янковым и Павловым. Имена, кстати, я помню только потому, что потом к этим полетам возникли вопросы у военной прокуратуры и мне подробности следователи напоминали.

В общем, на тот момент перегонять боевые машины на виду у всего мира было нельзя, потому что, когда две страны воюют, публично вмешиваться — это дурной тон.

Так что выбрали день облачный, метров 600 нижний край. Со спутников, в общем, нас не увидишь. А от радаров использовали решение известное: сначала взлетает здоровый грузовик Ан-12. Его на радарх видно как огромное светлое пятно.

Мы должны были как можно ближе пристроиться к Ан-12 и с его скоростью и на его высоте идти рядышком. Два часа пилить пришлось, между прочим, не отрываясь, чтоб на чужих, неведомых нам локаторах стояла одна большая метка.

А Ан-12 летел вполне официально, по заявке, перевозил в Армению какое-то гуманитарное барахло: одеяла, воду, палатки и прочее.

У меня после этого полета долго стояла в глазах картинка — винты Ан-12 крутятся перед самым носом, и надо внимательно следить, чтобы винты по моему носу в самом деле не проехали.

Самым сложным элементом этой операции была посадка — нашим штурмовикам нельзя было далеко отрываться от крыльев транспортника, чтобы разные сторонние наблюдатели не углядели на локаторах три метки вместо одной. А ведь посадочные скорости у разных типов самолетов разные.

Но мы сели, как полагается. Тут же отдали встречающим формуляры на самолеты, одной пачкой, и тем же транспортником вернулись на базу. А через день повторили операцию — еще две «сушки» отдали армянам. После второго рейса остались переночевать, и, помню, очень поразил меня Ленинан своим блокадным видом.

Света не было нигде, холод стоял собачий, все деревья на обочинах и в садах спилены на дрова. Конечно, январь жарким не бывает, но для Кавказа это было бедствие — снега навалило, как у нас в России не всегда навалит.

Встречающие держались очень вежливо, пытались нас как-то развлечь. Отвезли показать дом Юрика Варданяна — величайшего армянского штангиста, в свое время выигравшего «золото» на Олимпийских играх. Потом мы поехали в гости к местным военным.

Там был теплый прием, разумеется, с армянским коньяком и всякими угощениями.

Но видно было, как им тяжело живется. Например, дизель они включили, только когда мы пришли, — а до того солярку сэкономили, в темноте сидели. Ну и вообще, разговоры шли довольно грустные — никто не знал, чем война кончится, а положение у Армении было тогда невеселое. Собственно, потому им Россия штурмовики и передала — чтобы помочь удержать статус-кво.

Интересно, что летчики у них были свои, армянские. Впрочем, и наши тоже там воевали. Помню, была история, когда азербайджанцы сбили армянский штурмовик, а летчик успел катапультироваться и его поймали. Оказался наш, русский, офицер.

Потом, уже после моих полетов, я узнал, что армянам еще четыре «сушки» отдали, то есть всего им целую эскадрилью передали. Спустя шесть лет, в 1999 году, меня нашли в Курске военные прокуроры. Вызвали к себе повесткой и стали вопросы задавать странные:

- Вы перегоняли эти самолеты?
- Да.
- Генерал Михайлов получал за это деньги?
- Я-то откуда знаю?
- При вас деньги передавали?
- Нет.
- А вы знали, по какой программе передавались самолеты?
- Нет. Я выполнял приказ.

Командующий, генерал Михайлов, действительно летал тогда вместе с нами — он путешествовал в транспортнике Ан-12. Но я не думаю, что Михайлов сам решал этот вопрос, передавать Армении боевые самолеты или нет. Не его это уровень компетенции.

Наверняка было какое-то межправительственное соглашение. Впрочем, в письменном виде приказа ему тоже никто не давал, чтобы следов не оставлять. Иначе международный скандал, претензии к России со стороны Азербайджана и ОБСЕ и прочие проблемы.

Всего меня дважды на допросы вызывали, в рамках возбужденного уголовного дела, и каждый раз про деньги спрашивали. А что я мог ответить? Я и сейчас всей правды не знаю. Но кто-то, конечно, на этом денег нагрел, потому что прокуратура была очень взбудоражена этим вопросом. На ровном месте такого интереса не было бы.

И думается мне, что авторы и выгодополучатели той армянской аферы сидели высоко в Кремле — кроме них, никто не имел полномочий и возможностей реализовать такую комбинацию.

От советского информбюро РАЗВИТИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ АРМЕНИИ

15 мая 1992 г. в Ташкенте был подписан Договор о коллективной безопасности, согласно которому Армения и Азербайджан должны были получить часть вооружения дислоцированных на их территории подразделений СА.

Согласно Договору об ограничении обычных вооруженных сил в Европе обе страны имели право на 220 танков, 220 боевых бронированных машин, 285 артсистем, до 100 самолетов и 50 ударных вертолетов.

Армения должна была получить вооружение двух из трех дивизий, дислоцированных на ее территории. В течение 1992-93 гг. ВС РА получили 154 танка, 44 БТР, 225 БМП, 179 артсистем, 82 миномета, 6 самолетов, 19 вертолетов. В распоряжение МО Армении перешли 300 вагонов боеприпасов из 500, имеющихся на ее территории.

Азербайджан уже к июню 1992 г. получил вооружение всех четырех дивизий 4-й армии и вооружение Каспийской флотилии. Всего: танков — 330, БТР — 350, БМП — 420, артсистем — 330, минометов — 250, самолетов — 53, вертолетов — 37. Кроме того, в мае 1993 года Азербайджан дополнительно получил 105 бронемашин, 42 артиллерийские установки — вооружение 104-й ВДД. В распоряжение МО Азербайджана перешли 11000 вагонов боеприпасов, имеющихся на его территории.

Начало формирования подразделений ВВС Армении было положено летом 1993 года. Впоследствии армянские авиационные подразделения принимали участие в ряде учений и были удостоены высокой оценки присутствующих военных экспертов.

В вопросе подготовки кадров на первом этапе военного строительства Армения испытывала определенные проблемы, связанные с тем, что на территории страны, в отличие от других стран Содружества, не было ни одного высшего военного учебного заведения. В то же время в рядах вооруженных сил бывшего СССР служило немало офицеров-армян. По утверждению некоторых источников их число уступало только русским, украинцам и белорусам. Однако лишь небольшая часть из них (5–7 % от общего числа) отозвалась на призыв руководства Армении 1992 года вернуться в республику и принять активное участие в строительстве вооруженных сил. Такая пассивность объясняется в основном тяжелым экономическим положением Армении и неспособностью ее властей быстро решить многие бытовые и социальные вопросы для приглашенных. На первом этапе кадровые проблемы офицерского состава были решены призывом на

действительную военную службу резервистов и даже отставников, отправленных в запас 5-10 (иногда даже 15) лет назад. В дальнейшем, в течение 1993–1994 годов, на территории страны была создана собственная система подготовки кадров, которая включает: военную школу-лицей, летно-техническое училище, годичные офицерские курсы (для лиц с высшим образованием), Высшее многопрофильное военное училище-институт имени Вазгена Саркисяна и учебные подразделения в войсках. Офицерские кадры для национальной армии проходят обучение также в высших военных учебных заведениях России и Греции.

Микаел Мелконян,

«Основные принципы обеспечения военной безопасности Армении»,

еженедельник МО Армении «Ай зинвор»,

октябрь — ноябрь 1998 г.

3. ИМИТАТОРЫ

Как и предполагалось, полеты в Армению оказались разминкой перед большой операцией. Уже на следующие сутки после возвращения из Ленинакана меня вызвал к себе генерал Михайлов:

— Майор Кошкин, готовь людей и технику. Через три дня вылетаешь. Со своей эскадрильей.

— Вас понял, товарищ генерал!

— Куда именно летишь, скажу перед вылетом. А пока готовь карты Грузии.

— Грузии?

— Скажу точнее — Абхазии. Все ясно?

— Так точно!

В принципе, откровением для меня эти слова командующего не стали — в Грузии к тому времени, к январю 1993 года, война шла уже несколько месяцев.

Неизвестно только было, где мы сможем базироваться, где найдется исправный аэродром для наших штурмовиков. Абхазов к тому времени здорово прижали грузинские части, пал не только Сухуми, но и многие другие города, так что нашим командованием рассматривались варианты даже с базированием на приграничной с Россией территории. Но потом выяснилось, что за Гудауту абхазы зацепились и держатся там из последних сил. Вот эту точку в качестве базы нам и дали.

Собственно штурмовиков в Моздоке у нас оставалось еще много, даже после передачи Армении восьми машин еще два десятка Су-25 были готовы к работе. А вот летчиков у меня оказалось много меньше — всего я подготовил десять человек. Однако шесть из них, когда узнали, что летим воевать на реальную войну, а не в игрушки играть, как в Ингушетии, трусили.

Впрочем, мне их было не очень жалко — это были инструкторы училища, «шкрабы», как мы их называли, они воевать не любили, не умели, и толку от них в серьезном деле все равно бы не было. Да и учиться они ленились, приходилось буквально силком гонять их на

полигон, отрабатывать взаимодействие и прочее. В общем, струсил, и молодцы — без них обойдемся.

Зато пришли ко мне молодые лейтенанты — трое из училища, трое из строевой части.

К сожалению, они все были приняты не в штат, а на временную работу. То есть не могли мы их взять в штат, ведь штатные места были заняты теми самыми трусами, что отказались воевать. Поэтому этих лейтенантов на свой страх и риск командование полка своим приказом просто прикомандировало к моей эскадрилье.

Прилетели в Гудауту уже под вечер. Я шел старшим всей летной группы из восьми самолетов, поэтому летел первым.

И вот выхожу я из самолета, а тут как раз подлетает последний, восьмой штурмовик, спарка. На спарке зачем-то мне прислали известного пилота, Героя Советского Союза Владислава Гончаренко. А пассажиром у него летел подполковник Кири.

И вот прилетают они, такие красивые в сумерках, на ВВП стоит заместитель командующего ВДВ генерал Сорока, рядом стоит командующий генерал Михайлов.

Я докладываю генералам о прибытии эскадрильи, они, как водится, спрашивают — как долетели, все ли нормально. Отвечаю, что все нормально.

А тут заруливает наша спарка поближе к боксам и на глазах у всех присутствующих роняет переднюю стойку самолета.

Самолет, естественно, с размаху бьется носом о бетон. Я хватаюсь за голову — стыдно, сил нет. Летчик случайно перепутал тумблеры, решил убрать шасси. При этом передняя стойка более подвижная, она на колесике и легко назад складывается, а вот основные стойки шасси устояли.

Михайлов спрашивает у меня:

— Это кто?

— Это Герой Советского Союза подполковник Гончаренко и его напарник, подполковник Кири, — отвечаю.

Тут они оба выходят из самолета, ничуть не обескураженные, даже веселые.

Михайлов им говорит:

— Значит, так, герои. На хер отсюда пошли оба, чтоб вас тут в двадцать четыре часа не было.

А тот самолет мы потом с техниками домкратами подняли, отбуксировали в техническую зону, и там целую ночь ремонтная бригада работала. Хорошо, у нас были комплекты ЗИПов, поменяли трубки ПВД, еще кое-какие детали на шасси и к утру восстановили самолет. Повезло, что основные стойки не убираются на стоянке даже по приказу из кабины — под тяжестью самолета, все-таки 17 тонн, у гидравлики не хватает сил это сделать.

Мы разместились в бывшем военном санатории, причем условия были намного лучше, чем в Моздоке, — к примеру, летчики разместились не в кубриках, а в двухместных номерах, а у меня вообще был отдельный люкс.

Но чувствовалась близость линии фронта — до нее было 37 километров. Первый раз за столько лет услышал артиллерийскую канонаду — со времен афганской войны ее не слышал.

На следующий день сразу начали летать, потому что боевая обстановка тяжелая была, нужно было с ходу вмешиваться.

А в Гудауте уже два с лишним месяца стояла эскадрилья штурмовиков из Московского округа, командовал которыми полковник Коваленко, «шкраб» из моего родного Борисоглебского летного училища. В этой эскадрилье вообще все летчики были «шкрабы», сплошные инструкторы. Причем, почему их вдруг надумали менять на нас, поначалу неясно было — мне, во всяком случае, специально никто ничего не говорил, я этот секрет Полишинеля только сутки спустя выяснил.

Дело было наутро после нашего прилета. Вваливается ко мне в номер полковник Коваленко, весь такой вальяжный, надменный и говорит так панибратски, буквально по плечу меня похлопывая:

— Саня, ты только не дрейфь! Мы вас научим, как тут надо воевать, чтоб без ненужного риска, но с эффектом.

Я, конечно, немного опешил от такого начала разговора, но он полковник, а я майор. Поэтому я сдержался, выдержал субординацию и вежливо уточнил, что он имеет в виду.

Он отвечает, что сегодня все покажет. Мы двумя парами сходим к линии фронта, осмотримся, а он, значит, раскроет нам секреты мастерства, покажет, как по цели правильно работать. Я зубами поскрипел, но снова сдержался, хотя, конечно, мне было что ему

сказать — я ведь уже тогда имел втрое больше боевых вылетов, чем этот самодовольный «шкраб».

— Хорошо, говорю, полетели.

Посмотрели по картам, что там и где, цели наметили — укрепленные районы, места размещения резервов и прочее, причем, что интересно, все цели оказались строго за линией фронта. А у грузин вдоль всего фронта, на том берегу Гумисты, зенитки стояли, причем очень плотно, так что в лоб лучше не заходить.

Я всегда в таких ситуациях с тыла стараюсь зайти, а Коваленко, смотрю, на картах рисует своим летунам прямые подходы. Очень я тогда удивился, думаю, что за безрассудство, в лоб зениткам заходить?

Еще меня очень удивило, что они на свои штурмовики только ракеты вешали, хотя я всегда комбиную. Цели ведь всегда разные — одну можно ракетой поразить, а другую только бомба возьмет, да не всякая, а не меньше 500 кг. Поэтому я себе и своему ведомому заказал и ракеты, и бомбы, и пушки полностью заправил.

Моя цель была за рекой Гумиста, в большом ущелье, и мы туда прошли, как я привык, с тыла, со стороны Тбилиси. Облетели с фланга линию фронта и пошли от грузинской столицы, так что зенитки даже не успели развернуться на нас, пока мы по цели отработали.

Сделали по четыре захода, все подчистили, как полагается, возвращаемся тем же обходным маневром, а попутно я смотрю, где там героический полковник Коваленко со своими «шкрабами». И понимаю, что он за линию фронта даже не перелетал — маячит где-то перед речкой, дальше не суется. Интересно, думаю, как же он цели-то свои поражать собирается. Но досмотреть не получилось, топливо уже на исходе было, ушли мы на базу. А после полетов мы с ним встречаемся, причем он первый ко мне подходит и начинает мне выговаривать:

— Саня, ты зачем за линию фронта ходишь? Это же очень опасно!

У меня глаза на лоб лезут.

— А как же иначе цели поражать, товарищ полковник?

— Да очень просто, майор!

И начинает мне рассказывать, как они тут третий месяц «работают». Значит, вот какой способ они придумали: вешают себе под крылья комплект неуправляемых ракет, подходят на скорости 800 км/

час к линии фронта, дают залп, потом разворачиваются и удирают со всех ног на базу.

Я смотрю на него ошарашенно и понять не могу, прикалывается он так оригинально или всерьез все это мне говорит. Но потом вижу, что он совершенно точно не шутит, что все всерьез и он совершенно без стыда мне это рассказывает.

— Товарищ полковник, но ведь ракеты у вас неуправляемые. Куда же вы ими целитесь?

— В район попадания мы целимся, майор! Что тут непонятного?!

— Как же вы ими в цель попадаете, да еще за 20 километров?!

— Мы все рассчитали — если нос самолета задрать на 15 градусов, плюс скорость самолета 800 км/час, плюс ресурс ракеты, получается попадание в район цели.

— «В район цели»?! Да вы же мирных там кладете штабелями! А боевые цели остаются нетронутыми!

— Все у нас точно рассчитано! Ракета С-8 сама летит 5 километров, а если с полета пускать да под 15 градусов, получается точно 18 километров дальность. «Грады» же так работают, вот и мы придумали такой способ.

Я тогда только руками развел. Хотел, конечно, многое ему сказать, да и не говорить там надо было, а по морде ему бить за такую работу. Но не стал ни бить, ни говорить. Бесполезно все это было — «шкраб», он и есть «шкраб».

Причем понятно было, что мирного населения они там, с такой точностью «работы», накопили десятки, если не сотни человек. Но ведь еще и боевые цели наверняка не пострадали — а эти бойцы-то потом докладывали, что «цель уничтожена»! Притом что неуправляемыми ракетами можно только с пикирования работать, и только по видимой цели.

Позже мне довелось побеседовать с сухопутными коллегами, и они меня неприятно удивили своими оценками работы «русских штурмовиков». Говорили, что «толку от этой авиации нет никакого». И мне, конечно, было понятно, почему они так рассуждали, — это, конечно, стыд сплошной был перед пехотой, а не работа.

Но потом, когда эти затейники улетели обратно к себе в Московский округ, мы местную пехоту быстро научили авиацию уважать. Абхазы тогда впервые узнали, что, оказывается, русские

штурмовики могут за линией фронта работать — а ведь их все эти месяцы убеждали, что это принципиально невозможно.

Перед самым отлетом в Россию орлы Коваленко меня все-таки напоследок добились своей простотой, которая, как известно, хуже чем воровство.

Случилась у нас такая история — абхазы готовили очередной прорыв линии фронта, соответственно, нам по этой линии фронта надо было отработать по-хорошему, чтоб превосходящие силы грузин не смогли изрешетить и без того измученных абхазов.

Особо выделяло операцию то обстоятельство, что работать нам предстояло ночью, да еще в неблагоприятных погодных условиях.

И вот взяли мы все себе цели, из тех, что назначил штаб, при этом бойцы Коваленко неожиданно выбрали себе цели в самом Сухуми — там что-то вроде штаба грузинских войск располагалось, по данным нашей разведки.

Я себе для работы взял, помимо прочего, светящиеся бомбы, САБы, — просто понимаю, еще с Афгана, что если ночью работаешь по цели, то без подсветки нельзя. Или САБы, или костры разведгрупп, или фары автомашин, но что-то штурмовику должно указывать на цель, иначе ему придется работать по наитию, то есть наугад. По «молоку» нельзя работать, иначе будешь потом всю жизнь каяться, что мирных положил без счету.

В эту ночь было запланировано по одному вылету каждой пары как в моей эскадрилье, так и в эскадрилье Коваленко.

И вот ушли к линии фронта, в моей паре ведомый сбросил над целью САБы, затем работаем по очереди ракетами, бомбами, пушками, все как обычно.

При этом у нас с орлами Коваленко между нашими целями расстояние было километров тридцать, я при планировании операции даже эшелоны по высоте только между своими распределял, потому что незачем было столичных орлов в наши мероприятия впутывать — слишком далеко они от нас были, ну никак не могли мы друг другу помешать.

И вот отработал я с пикирования по цели ракетами, захожу на второй круг, бросаю бомбы, слежу за целью, выхожу из пикирования и вдруг вижу прямо у себя по курсу самолет.

То есть буквально прямо у меня пред носом, в свете моих САБов, пролетает неожиданная воздушная цель.

Я, конечно, кричу по радиации:

— Кто здесь?!

Думаю при этом всякое — например, что мой летчик вдруг нарушил летный порядок, хотя, согласно распорядку, должен только через пять минут прилететь, дорабатывать цель.

Но в ответ тишина.

Снова кричу в радиацию:

— Кто над моей целью находится?!

Молчание.

Ладно, думаю, в бою всякое бывает. Дорабатываю цель из пушек, пока САБы не погасли. По радиации слышу странные переговоры:

— 505-й, ты где?

— Подхожу к цели.

Интересно, думаю. Может, это грузины тут рядом так нагло работают. Хотя, конечно, на грузин совсем не похоже — они очень осторожные были, без прикрытия не работали и чуть что тут же удирали.

Тут САБы начали гаснуть, я набрал эшелон, ухожу. За мной ведомый начинает работать, вижу, как САБы вешает и все такое.

Прилетаю в Гудауту, сажусь, смотрю, я не один на посадку иду, еще летчик из эскадрильи Коваленко тоже садится.

Я вылезая из машины, смотрю на него в упор.

Тот летчик тоже вылезает, дергается на поле, потом сам ко мне подходит.

— Михалыч, извини, это я был. Извини еще раз.

— Ты как в моем районе оказался? Как ты над моей целью оказался? Выведи я раньше машину из пикирования или ты чуть позже пройди в этой точке, разница тридцать метров, мы бы погибли оба!

— Прости. Понимаешь, я увидел, вы подсвечиваете так здорово, все видно хорошо, ну я и решил поискать у вас свою цель.

Я не стал ему ничего говорить — тут все понятно. А для непонятливых я поясню — на тридцать километров САБы точно не светят, это уже за гранью добра и зла. Человек просто летал там, где ему было комфортно летать, а не там, где предписывало полетное задание.

Что делать — пошел к полковнику Коваленко, говорю — запрети этому чудаку летать, он же нас всех погубит. Но полковник никак реагировать не стал, хотя я и другие варианты ему предлагал — например, что мои летчики будут для его летунов САБы вешать, а те в удобных условиях работать.

Я тогда не успокоился, пошел уточнять, как этот герой по Сухуми работал, если он такой тупой и свою цель под моими САБами искал? Он же без ракет вернулся, куда же он их девал?

Прижали мы его к стенке, он и признался — метался над линией фронта, боялся грузинских ПВО, искал свою цель, увидел нашу подсветку, пошел туда, понял, что ошибся, и в отчаянии отработал ракетами куда-то «в направлении цели».

Понятно, да? Он выпустил боевые неуправляемые ракеты туда, где, по его предположению, могли находиться вражеские войска. То есть где-то в Сухуми, где, помимо вражеских войск, находилось еще тысяч сто мирных жителей. Остается молиться, что эти ракеты просто ушли в горы, а не попали по женщинам и детям.

Я был просто счастлив, когда эти вояки ушли из Гудауты. Конечно, не одни они виноваты в этой ситуации — они пришли к нам из первой воздушной армии, которая хоть и базировалась в Германии, но боевого опыта не имела. Полк был учебный, все летчики пришли из Борисоглебского училища, они даже на полигонах не тренировались толком.

Я, когда понял, с кем мы работаем, уже напрямую им предлагал — давайте, говорю, мы будем для вас цели разведывать и обозначать, а вам только бомбить по ним останется, в удобных условиях.

Но Коваленко не согласился — им это было унижительно.

Впрочем, через пару дней они и так улетели, а мы начали работать самостоятельно.

Правда, полетов много не было — всего в Абхазии я чуть больше 40 боевых вылетов сделал, и это за десять месяцев.

Было несколько удачных операций, например, уничтожили танковую колонну. Еще был хороший удар, когда я летал в режиме свободной охоты и случайно обнаружил десяток грузовиков с грузинской пехотой — они шли к Сухуми. Мы тогда одной парой, с

ведомым, в три захода положили двести новобранцев — так потом абхазские разведчики нам доложили.

Был очень эффективный удар в районе Каласури — там сожгли склад ГСМ, склад оружия да еще смогли взорвать штаб корпуса. И все это перед наступлением грузин — очень мы им это наступление тогда испортили, они активность сразу снизили, начали раны зализывать.

И началась унылая позиционная война. Причем армейская разведка стала работать неважно, и цели нам в штабе назначали буквально по наитию. Вообще, разведки в полноценном армейском смысле этого слова у абхазов не было — у меня сложилось впечатление, что цели они находили случайно.

К примеру, мы знали, что грузины подтянули к линии фронта хороший зенитно-ракетный комплекс, а что за комплекс, где он стоит, нам указать не могли. Некоторые говорили, что это ЗРК «Бук» — серьезная вещь, между прочим. Для нас, штурмовиков, представляет реальную опасность — если из такого выпустят ракету в момент нашей атаки, уйти невозможно. Значит, надо точно знать, где он стоит.

Конечно, в такой ситуации все вспоминают космические спутники, но космос штурмовиков в принципе не жалуется. Не знаю, может у «стратегов» иначе, а я вообще не припомню ситуации, когда бы нас космические войска выручили информацией со спутников. Может, конечно, именно мне так не повезло в этой жизни, а другим боевым летчикам информация из космоса перепадала чаще, но я никогда об этом не слышал.

Кстати, истребители теоретически могли бы нам пригодиться — у грузин все-таки была штурмовая авиация, и они пытались ее использовать. Но грузин всегда успевали сбить наши силы ПВО. Однажды видел, как наши ракетчики сожгли грузина ракетами.

Это было ночью, мы все выскочили на шум взрывов и увидели, как в полной темноте две ракеты вошли в цель, из комплекса «Оса» жажнули. Посмотрели, как факел падает.

В тот же день еще одного сбили, но там летчик успел катапультироваться. Впрочем, ему это не помогло — пока на парашюте летел, его абхазы застрелили. Очень у них сильна была ненависть друг к другу.

По нашему аэродрому грузины не могли работать, вокруг наша ПВО стояла. Но однажды прорвались. Я как раз стоял на балконе, на

третьем этаже, с кем-то из летчиков разговаривал, любовался теплым майским солнышком. Хорошая погода была. И вдруг вижу — Су-25 летит.

— Слушай, это кто же у нас взлетел? У нас же все на месте.

— Вроде все.

А Су-25 заходит в атаку, но не на нас, а по центру Гудауты. Бросает четыре небольших стокилограммовых бомбы с горизонта, без пикирования.

Одна бомба в жилой дом попала, развалила его напрочь, одна рядом легла. Третья упала в районе электросетей, последняя улетела за город. Разрушения были небольшие, но сам факт, что проспали грузина, очень взбодрил.

Мы, когда увидели, где был взрыв, сразу туда поехали на штабном «уазике», спасти мирных жителей. Приехали, но спасти было некого — в этом доме никого в тот момент не было, так что никто не погиб. Но сам дом разнесло серьезно, крышу завалило, половину стен снесло, пожар начался.

Примечательно, что грузин аэродром побоялся бомбить — отработал по мирному городу, потому что там горы рядом. Он из города сразу в горы шмыг, дескать, ловкий воин. А по мне, конечно, это неприлично — по мирным целям бомбы класть. Мы никогда, ни при каких обстоятельствах не работали по мирным целям — только по войскам и технике. После этого случая с бомбежкой города наши поставили батареи ПВО вокруг Гудауты и в один день сразу двух наглых грузин на Су-25 сбили. Потом через день еще одного из комплекса «Бук» сняли, причем на самом горизонте сняли, когда он уже уходил к Сухуми. После этого у грузин Су-25 закончились — их у них всего одна эскадрилья и была.

От советского информбюро ЧЕТЫРЕ ШТУРМОВИКА ПОДАВИЛИ ОГНЕВЫЕ ПОЗИЦИИ ГРУЗИНСКОЙ АРМИИ

Позавчера вечером в ответ на целенаправленный обстрел российской военной лаборатории в Эшерах в 19.40 по местному времени командование оперативной группы войск России приняло решение нанести удар по позициям, с

которых велся огонь. По приказу командования 4 штурмовика Су-25 атаковали огневые средства и передний край обороны грузинских войск. В результате ракетно-бомбового удара были подавлены две артиллерийские батареи и командный пункт, уничтожены пусковая установка «Град» и три танка.

Военная сейсмическая лаборатория вблизи села Нижняя Эшера является одним из элементов системы раннего предупреждения о ракетном нападении. Перекрывает южный сектор возможного нападения, например, с ракетных подводных лодок, несущих боевое дежурство в Индийском океане.

Руководитель оперативной группы российской армии в Абхазии генерал-полковник Алексей Алексеев сообщил, что штурмовики, получившие приказ подавить грузинские батареи, обстреливавшие военную лабораторию вблизи села Нижняя Эшера, уничтожили две артиллерийские батареи, пусковую установку «Град», три танка и командно-наблюдательный пункт. Удары по мирным населенным пунктам, сказал генерал в интервью журналистам в Гудауте, не наносились.

Он сообщил, что направил в пятницу грузинскому руководству заявление с требованием «раз и навсегда» прекратить обстрелы российских объектов. В противном случае, говорится в заявлении, в ответ «на каждый факт обстрела будет наноситься сокрушительный удар по всем действующим огневым средствам». Генерал Алексеев призвал Тбилиси не принимать мер, тем более силовых, по блокированию и выдворению из Сухуми 901-го российского десантного батальона, о чем, по его утверждению, заявил на днях в ультимативной форме министр обороны Грузии Тенгиз Китовани. Генерал подчеркнул, что блокада батальона «приведет к действиям по его деблокированию». Российский генерал также предложил грузинским властям немедленно освободить старшего лейтенанта Александра Ситникова, задержанного якобы во время сбора разведывательной информации в Сухуми, и «не обострять

отношений, так как обоснованных и веских причин для его ареста нет и быть не может». Министр обороны Грузии Тенгиз Китовани заявил, что если российские самолеты вновь попытаются нанести удары по Сухуми, то будут сбиты грузинскими средствами ПВО. Он расценил ракетный удар самолетов Су-25 ВВС России «по Сухуми и грузинским позициям близ города» как действия, направленные на обострение отношений между двумя государствами и срыв российско-грузинских переговоров. По словам Китовани, он договорился встретиться с министром обороны России Павлом Грачевым в Сочи 6 апреля. На этой встрече, сказал грузинский министр, предполагается обсудить, в частности, вопросы подготовки встречи руководителей двух государств Бориса Ельцина и Эдуарда Шеварднадзе. Кроме этого, отметил Китовани, речь пойдет и о военных проблемах. По его словам, Павел Грачев согласен с необходимостью вывода российских войск из зоны боевых действий в Абхазии в другие регионы Грузии.

Газета «Коммерсантъ», № 61 (284), 03.04.1993

4. ВЫ БЕЗ ПРАВИЛ? И МЫ БЕЗ ПРАВИЛ!

Абхазы воюют, как умеют. Грузины, в общем-то, тоже не удивляют военным мастерством. Поэтому потери с обеих сторон серьезные. А я вот и сам помирать не собираюсь, и ребят своих не дам пожечь. Хорошо запомнил, как десять лет назад, еще в Арцызе, комэска привозил на летный аэродром училища «двухсотых» из Афгана. И что ему тогда выговаривали жены летчиков. Там самая мягкая фраза была: «Почему ты живой, а они мертвые?!» Я сейчас тоже командир эскадрильи, но на этот вопрос до сих пор не знаю ответа. Точно знаю одно: воевать надо так, чтобы повода задавать тебе такой вопрос не было.

Сегодня в штабе ставили задачу: на Сухуми через Поты движется колонна, несколько десятков грузовиков с солдатами и еще столько же бронетехники, вроде даже танки есть. Абхазы напряглись, боятся, что не удержат линию фронта. Могут и не удержать, кстати, — устали они на второй год войны без резервов и без тыла воевать. У них ведь вся территория, до самой Гагры — территория войны.

Комбат сказал, чтоб я сам принимал решение. А какое там может быть решение — вся линия фронта с грузинской стороны «Шилками» утыкана, их там не меньше дивизиона стоит. Еще «Круги» есть плюс комплексы С-75 — в общем, без потерь нам там не пройти, это точно. Если к цели еще сумеем прорваться, на обратном пути целыми не уйти.

И вот смотрю я на карту, любуюсь сложным рельефом местности, а потом бросаю взгляд на Черное море, где проложены курсы гражданских самолетов и где нам летать вроде не положено.

А почему не положено? Кем не положено?

А когда грузины жилые кварталы Сухуми бомбили, это было положено? А когда наш вертолет с красным крестом, полный детей и гражданских, сбили управляемой ракетой, это было положено? Половина Абхазии тогда выла от боли и ненависти, вспоминая шестьдесят сгоревших заживо деток в вертолете с красным крестом.

И вот смотрю я на Черное море и начинаю себя уговаривать нарушить неписанный военный этикет. Ведь задача штурмовика —

обмануть противника, выйти из боя с минимальными потерями, при этом выполнив задачу. Настоящий штурмовик должен работать «грязно», без сантиментов.

А потом я понимаю, что уговаривать себя мне не надо, а руководство и так мне выдало карт-бланш, так что лучшее, что я могу сделать, — просто не ставить в известность начальство о своих задумках. Так будет честно, а если что, я сам отвечу за свои ошибки.

Пришел к ребятам в кубрик, объясняю задачу. Лица, конечно, у многих резко поскучнели, а Мишка так и вовсе заартачился. Кричит: «Товарищ майор, это не по правилам, вы собираетесь нарушать международные законы, ой-ой-ой».

Но всем понятно, что Мишка просто сдрейфил — так далеко на территорию противника он никогда не заходил, страшно ему стало.

Ладно, думаю, хрен с тобой, боевой товарищ. Говорю ему, что оставляю в нейтральной зоне — будет там ходить по большому периметру, отвлекать ПВО противника и создавать так нужную нам сейчас суматоху в воздухе. Это, спрашиваю, законы не нарушит и мораль твою не поцарапает?

Молчит, потом краснеет и кивает. Спасибо и на этом.

Остальные не тушуются, смотрят прямо, значит, пойдут со мной до конца.

Проводим моделирование: показываю, в каком порядке будем взлетать, где выйдем на набор высоты, как дальше расположимся. Услышав про дистанцию в десять метров, народ чешет в затылках. Но иначе нельзя, мы ведь будем изображать одну большую и мирную цель — гражданский «Боинг».

Взлетаем звеном в четыре самолета. Разворачиваемся на север, на Адлер. Командую, чтоб все встали за мной на минимальной дистанции, резко набираю высоту.

Вышли на международную трассу, набрали 8500, командую глядеть в оба. У нас же радаров нет, увидеть гражданских можем только визуально.

Потом выставил себе 8250, нестандартную такую высоту для этого эшелона — чтобы в лоб не сойтись с пассажирскими. Идем на Трабзон тесно, как договаривались, — на радарх мы выгядим как одна большая цель. Трасса оживленная — только на нее вышли, сразу над нами прошел «боинг». А нам надо минут пять идти по этому курсу

и чтоб никаких подозрений со стороны противника не вызвать. Мы же сейчас на многих радарх внезапно появились, в том числе и на радарх ПВО, надо обозначиться каким-то образом.

Я Василия, полиглот нашего, по радиции прошу: «давай по первому каналу побалакай на английском, набор цифр какой-нибудь погундось поубедительней».

Он начал позывные в эфир выдавать: «намба уан, твенти файв, фоти ту, тра-ля-ля». Потом на своем корявом английском оповестил всех, что он «боинг» и следует курсом на Трабзон.

Тут на первом канале сразу такой гвалт поднялся, на всех языках. Кто-то по-русски кричит, что такого «боинга» в заявке нет, кто-то по-английски просит своих пилотов быть внимательнее. Но грузины молчат — я так понимаю, они нас вообще не увидели.

Вышли на Потю, команду торможение, поворот и снижение. Все делаем дружно, как договаривались: резкое снижение с поворотом, так что Потю остается слева. Выходим на цель со стороны Тбилиси — нас оттуда вообще не ждут.

В тридцати километрах от Потю наблюдаю ту самую колонну, работаем по ней спокойно — никто даже выстрела не успел по нам сделать, просто не ожидали такой наглости. Отработали по два захода, сожгли все, что там двигалось, а потом на предельно малой высоте ушли к морю и потом на север. Танков, правда, в той колонне не было: только пехота на грузовиках, не меньше батальона, и штук десять БМП. Вот это была, я считаю, образцовая операция. Но начальство, конечно, потом здорово нервничало, когда маршруты наши изучило. Но — обошлось.

От советского информбюро КТО ПОДДЕРЖИВАЕТ СЕПАРАТИСТОВ?

В противостояние абхазских сепаратистов с грузинской армией постоянно вмешивается российская авиация, утверждают наши источники в Сухуми. Российские штурмовики Су-25, базирующиеся на авиабазе в Гудауте, на прошлой неделе нанесли ракетно-бомбовый удар по дороге Потю — Сенаки, далеко за линией фронта. Во время авианалета пострадали мирные беженцы и несколько

военнослужащих грузинской армии. В ответ на обвинения грузинской стороны министр обороны России Павел Грачев заявил журналистам, цитируем:

«Российские самолеты не участвуют в конфликте и тем более не бомбят территорию Грузии. Это делают грузинские самолеты, перекрашенные в цвета ВС России, в целях провокации и введения в заблуждение мировой общественности».

Глава Грузии Эдуард Шеварднадзе в ответ обвинил Павла Грачева во лжи.

Еженедельник «Демократическая Абхазия»,

15 марта 1993 года

5. ГЕРОИ АБХАЗИИ

К нам тут для прикрытия прислали звено истребителей Су-27. Даже не звено, а шесть машин. Истребители эти раньше базировались на аэродроме Кущевская, под Краснодаром, а летчики из тамошнего училища, все без боевого опыта, одно слово — «шкрабы». И прибыли они к нам во главе с командиром полка по фамилии Рябинов. Но настоящая его фамилия, как оказалось, была Гадючка, а Рябинов — это он у жены фамилию взял, потому что стеснялся своей настоящей.

Правильно стеснялся, между прочим, — фамилии Гадючка этот гражданин полностью соответствовал. Очень неприятный, высокомерный и циничный тип. Он своих летчиков и техперсонал всерьез гонял по программе наземной подготовки — то есть они у него маршировали по взлетке, плюс он всякие построения и проверки по три раза на дню устраивал — в общем, демонстрировал всем служебное рвение и невиданный энтузиазм.

Первым делом начал ко мне подкатываться.

— Александр, — говорит он мне однажды с такой улыбочкой гаденькой, — а как бы нам, истребителям, тоже боевых вылетов насобирать?

Тут надо понимать такую вещь: у нас, у штурмовиков Су-25, с боевыми вылетами все понятно — сходили за линию фронта, отбомбились-отстрелялись, пришли целыми, записали в полетную книжку очередной боевой.

А у истребителей, у Су-27, все сложнее: грузины к нам на самолетах боялись соваться, наши боевые позиции они только своей артиллерией доставали, как могли. Но где в таком случае истребителю набрать боевых полетов?

Экий ты активный, думаю. Ладно, будут тебе боевые. Говорю ему:

— Давай сегодня с нами пойдешь, прикрывать. Только мы далеко за Гумистой работать будем, не сдрейфите?

У него лицо так вытянулось, будто звезду с погона сняли.

— Нет, — говорит, — так далеко мы работать не можем, там же одних С-75 у грузин штук десять стоит. Давай вы будете с моря

заходить и там уже по территории работать, а мы вас будем ждать над морем.

Ай, молодец какой, думаю. Но вида не подаю, уточняю:

— А как же ты нас прикроешь, если мы будем от тебя в ста километрах работать? Ты же не успеешь, если что.

— Ну грузины увидят на радарх, что над морем Су-27 работают, остерегутся вас трогать.

Я ему ничего не сделал и даже не сказал, все равно бессмысленно — просто рукой махнул, развернулся и ушел. Но история с боевыми для истребителей на том не закончилась. Они стали летать за нами следом, но линию фронта не пересекали — боялись. Но, тем не менее, им за эти полеты стали насчитывать боевые — не всегда, но довольно часто. Слышал даже, что за эти как бы боевые полеты они даже боевые награды получали, но не так много, как хотелось бы Гадючке.

Гадючке очень хотелось записать на свое звено «шкрабов» реальные боевые вылеты, но ему все чаще давали только учебные, потому что в штабе тоже понимали, чем он занимается и что нам от его полетов ни горячо ни холодно. А за учебные полеты к ордену не представят и в звании не повысят.

И вот однажды сидим мы своей штурмовой эскадрильей на базе, а погоды нет. Облачность низкая, дождь льет, ветер поднимается. В общем, вижу я, что работы сегодня не будет.

Говорю генералу, который у нас руководит группировкой, что, раз погоды нет, пойдем-ка мы в казарму, «чай пить». Генерал — нормальный мужик был, командиром парашютно-десантного полка, ухмыляется, говорит, хорошо, ступай, но только много «чая», мол, не пейте, а то вдруг погода исправится.

Послали к абхазам за домашним вином, сели в кубрике, ужинаем, тихонечко попиваем сухое красное. Ничего крепче я ни себе, ни своим ребятам не позволяю.

И вот меня тяжелое какое-то предчувствие накрывает. Выпил я стакан красного и говорю ребятам:

— Вы тут посидите немного, но не злоупотребляйте, а я пошел спать. Мало ли что, вдруг завтра погоду дадут.

И в половине одиннадцатого ушел спать. А в четыре утра посыльный прибежал, кричит: товарищ майор, вас срочно на

командный пункт вызывают.

Оделся я за 45 секунд, запрыгнул в «уазик», прибыл на КП. А там тот самый генерал, заместитель командующего, меня встречает и говорит:

— Саня, у нас самолет пропал.

Я чуть мимо стула не сел. Я ведь там за всю авиацию отвечал на нашем участке фронта.

— Какой еще самолет? — спрашиваю. — Мои самолеты все на аэродроме стоят, а летчики по кубрикам спят. Мы же «чай» пили, вы в курсе. Мои все на земле, это точно.

— Не все, — отвечает генерал и, смотрю, как-то дальше мнется рассказывать.

Но потом все-таки объяснил — соседи мои, истребители, решили самодеятельностью заняться. Подняли истребитель и в половине двенадцатого ночи отправили летчика Вацлава Шипко на разведку в Сухуми. А я помню этого Вацлава — очень мало опыта у него было.

Да и что там разведывать в Сухуми ночью, в дождь?

Я генерала спрашиваю:

— Как же вы разрешили, погоды же нет, никому нельзя летать.

— А Гадючка сказал, что Шипко по локатору сможет долететь, опыт имеется. Но вот уже четыре часа прошло, а самолета нет. И связи нет. И на локаторах его не видно.

Ну, думаю, Гадючка молодец, сделал, наконец, реальный боевой вылет для своей эскадрильи.

Спрашиваю генерала:

— А меня-то зачем сейчас подняли?

— А ты, Саня, слетай туда, осмотришь, может, пилота разыщешь. Мы же не знаем, погиб пилот или катапультировался.

Тут я второй раз за ночь мимо стула чуть не сел. Как там ночью, над воюющим городом, летчика найти? Да у меня даже локатора на борту нет, он у Су-25 не предусмотрен, а хоть бы и был — что я там сейчас увижу, кроме трассеров и управляемых ракет?

Но приказы не обсуждаются. Позвонил я на аэродром, чтоб самолет к вылету готовили, а пока стал подробности выяснять, но никто толком ничего не знает. Даже задачу, какую перед летчиком ставили, и ту не знают.

Плюнул, поехал на аэродром, взлетел. Время к пяти утра, облака низкие, не видно ни черта. Зашел к Сухуми со стороны моря, только приблизился, «Шилки» начинают работать. А там нижний край облаков — 500 метров. Если я спускаюсь на такую высоту, меня «Шилки» достают элементарно — у них же два километра рабочий диапазон.

Полетал полчасика в облаках, так они, сволочи, по локаторам меня видят, снаряды кладут так близко, что потряхивает. Э, нет, думаю, Вацлав тут уже полетал, вторым я не буду.

Попробовал с другой стороны, хожу под самым краем облаков, запрашиваю позывные истребителя, но в ответ молчание. Час десять прошел, у меня топливо на исходе, иду на базу.

Сел и тут же поехал обратно на командный пункт — хотелось все разузнать поподробнее, особенно хотел получить ответ на главный вопрос, какого хрена они истребитель послали в такую погоду на Сухуми.

Но так ничего и не добился — Гадючка нес какую-то ересь про стрельбу в городе, что якобы надо было разведать, кто стрелял. Но это бред — там каждый день и каждую ночь стреляли, там же линия фронта проходит. Я ему прямо сказал, что он летчика угробил ради боевого вылета.

А к полудню грузины нашли самолет и тело Шипко, по всем телеканалам разорались от счастья, что сбили русского. Хотя я думаю, не сбили его, а он сам себя угробил, когда разворачивался, — последние его слова были, что уходит на разворот на малой высоте, а там горы. Опыта у этих летунов не было никакого, Вацлав, к примеру, всю жизнь был инструктором в училище, его воевать никто не учил, тем более не учили его в горах под дождем геройствовать.

Потом по телевизору видел, как Шеварднадзе потрясал удостоверением сбитого, призывал международную общественность в свидетели. Очень в масть им пришелся этот случай — они потом год еще верещали, как российские фашисты бомбят мирных грузинских обывателей. Хотя сбили они истребитель, а не штурмовик, истребитель по земле не работает.

Между прочим, жена моя, Ира, тогда чуть с ума не сошла. Из Гудауты дали в Ростов информацию, что самолет взлетел и пропал.

Потом дали информацию, что мой самолет взлетел, но забыли сказать, что я-то сел, а не вернулся Су-27.

А это было все с пятницы на субботу. В Ростове дежурный звонит дежурному по училищу и говорит ему: «Помнишь Кошкина? Так вот, представляешь, погиб он».

Дежурный по училищу звонит в гостиницу, где жила Ира с ребенком. А там уже информация растеклась, короче, известие о моей гибели доходит до Иры.

Ира в ужасе пошла к командиру училища, уточнить информацию, а тот, совпадение такое, уехал к родителям в деревню, ведь суббота была. Куда еще звонить, она не знает.

А тут начали по телевизору показывать историю про сбитый самолет под Сухуми, и она, конечно, посчитала это подтверждением, что я погиб.

Это был для нее сильнейший психологический удар, у нее на этой почве даже начались гормональные изменения. Двое суток, до самого понедельника, она не знала, что я жив. В понедельник ее вызвали в штаб и связали со мной.

Я ей кричу по телефону: «Ира, дорогая, не переживай, у меня все нормально!»

А там связь особая, секретная, она шифрует все, что может, поэтому звук очень сильно искажается.

Жена мой голос не узнает, конечно, начинает подозревать, что ее обманывают, чтобы успокоить. Она трубку бросила, устроила там, в штабе, скандал, кричала, что голос своего мужа она знает и понимает, что ее обманывают.

Мне пришлось оформлять командировку и лететь в Краснодар, чтобы убедить ее, что все в порядке. Очень тяжело это вспоминать — когда увидел ее, понял, какой силы Ира испытала шок.

А потом я еще год выслушивал истории о своей гибели от всех знакомых летчиков — рассказывали об этом и в Москве, и в Арцизе, и в Краснодаре.

А как вернулся в Гудауту, нам грузины отдали тело Вацлава. На аэродроме устроили торжественные проводы гроба, речи толкали про героизм и все такое. Гадючка, конечно, с речью тоже отметился. Хотел я сказать, что думаю про все это, но потом подумал и не стал портить им церемониал.

Может, и к лучшему. Все равно на следующий день все оставшиеся «шкрабы» во главе с Гадючкой собрали свои манатки и убрались с нашей базы обратно в Краснодар. А вместо них нам придали звено истребителей из нормальных боевых частей, с афганским опытом.

Но толковые истребители нам так и негодились — первого сентября абхазы взяли Сухуми и погнали грузин дальше, до самой границы. Мы уже были им не нужны, и в конце ноября нас вернули в Россию. Это был, между прочим, ноябрь 1993 года — как раз только-только путч подавили. А мы о нем ничего толком и не знали, все подробности я потом уже в России узнавал.

Может, кстати, и к лучшему. Уж очень это была грустная история для моей страны.

От советского информбюро МАЙОР ШИПКО НЕ БОМБИЛ СУХУМИ!

Стали известны подробности трагической гибели под Сухуми российского военного летчика майора Вацлава Шипко. Их продолжает устанавливать совместно с грузинской стороной комиссия Главного штаба ВВС России во главе с заместителем главнокомандующего ВВС генерал-полковником Евгением Зарудневым.

Майор Вацлав Шипко, сообщили обозревателям «Известий» в Генеральном штабе Вооруженных сил России, взлетел на истребителе-перехватчике Су-27СК в 4.30 утра 19 марта с гудаутского аэродрома навстречу двум целям, которые приближались к Сухуми с востока, со стороны Тбилиси. По светящимся отметкам на экране локатора, скорости их перемещения по его координатной сетке оперативный дежурный средств ПВО предположил, что это могут быть тактические бомбардировщики Су-25.

Как сообщил нам главком ВВС России генерал-полковник Петр Дейнекин, на командный пункт российских войск поступил и радиоперехват о подготовке наступления грузинских войск под прикрытием штурмовиков на наш воздушно-десантный батальон, расположенный в Сухуми.

Летчик-инструктор Шипко получил задачу: уточнить характер целей и, если это действительно штурмовики, воспрепятствовать их бомбовому удару по спящему городу. Но в районе Сухуми летчик целей не обнаружил.

Эксперты утверждают: паре штурмовиков, по-видимому, сообщили, что им наперехват вылетел истребитель, и те стремительно ушли на свой аэродром. Последняя запись переговоров с майором, сделанная на КП авиации в Гудауте, гласит:

— Высота 800, под облаками... Целей не наблюдаю... Выполняю разворот с набором высоты...

Но высоту Су-27 набрать не удалось. Он сделал разворот влево, в сторону гор, там его и настигла, как пока предполагают эксперты, ракета типа «Стрела» или С-75. Ее удар был настолько сильным и неожиданным, что летчик не успел даже катапультироваться. Он рванул рычаг катапульти практически одновременно с моментом встречи самолета с землей. Тело выбросило из кабины, но оно осталось лежать буквально в нескольких десятках метров рядом с поверженным перехватчиком на лесистом склоне горы в восьми километрах севернее Сухуми, на юго-западной окраине населенного пункта Шрома.

Российские военные эксперты категорически отвергают версию грузинского телевидения о том, что майор Шипко бомбил Сухуми. «Это откровенная ложь и клевета, — заявил начальник управления авиации Генерального штаба Вооруженных сил России генерал-лейтенант Юрий Затолокин. — Су-27 — истребитель-перехватчик, он предназначен для воздушного боя и не имеет средств для нанесения ударов по наземным целям».

На самолете майора Шипко была 30-мм автоматическая авиационная пушка ГШ-30-1 со 150 снарядами, две ракеты «воздух — воздух» Р-27 Р с дальностью пуска 50 километров и две ракеты «воздух — воздух» Р-73 с дальностью пуска 15 километров.

«Вацлав стал еще одной жертвой необъявленной войны, которую руководство Грузии ведет против абхазского

народа, — сказали мне российские летчики. — Он, по всей видимости, попал в заранее подготовленную ловушку, которую замыслило тбилисское командование после заявления нашего министра о том, что они сами бомбят свои города и селения. Грузинские силы ПВО вели наш истребитель с момента его взлета с аэродрома в Гудауте, иначе в предутреннем небе его сбить было бы нельзя».

«Правда, они ждали Су-25, — говорят летчики. — Это служило бы неопровержимым доказательством нашего участия в бомбардировке Сухуми, а вылетел прибывший в Гудауту из Краснодара истребитель-перехватчик, хотя и его пытались сделать поводом для очередной порции клеветы на Россию».

Грузинская армия, сказали мне российские эксперты, развернула вокруг Сухуми отличную систему ПВО. Основой ее стали пять зенитно-ракетных комплексов С-75, которые Россия передала Грузии, еще два комплекса они просто отбили у Закавказской группы войск. И специалисты у них есть из числа местных жителей, служивших на этих системах. Они и сумели сбить самолет майора Шипко. Вацлав, рассказали нам авиаторы, родился в 1958 году в Мядельском районе Минской области. По национальности — белорус. Его шестидесятилетняя мать, два брата и сестра живут сейчас в Риге. Шипко закончил в 1980 году Качинское авиационное училище, был назначен летчиком-инструктором в учебный авиаполк Краснодарского высшего военного училища летчиков ВВС, имел 1-й класс. Налетал 2213 часов, только на Су-27 131 час, сделал в небе Абхазии 15 вылетов. В Краснодаре, в жилом городке на аэродроме Куцевская у него осталась семья: жена Татьяна, она военнотружущая, механик по авиационному оборудованию, и два сына — Вацлав, ему 10 лет, и Володя, он в нынешнем году должен пойти в школу.

Николай БУРБЫГА, Виктор ЛИТОВКИН.

«Известия», 23.03.1993

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Чечня

1. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ВОЙНЫ

К ноябрю 1994 года ситуация на Кавказе была аховая — чуть ли не ежедневно обстрелы, теракты, захваты заложников. Всем было понятно, что проблему придется решать, причем решать силовым путем — переговоры с бандитами только распаляли их аппетиты.

Центром бандитизма была Чечня, и мы все в полку были морально готовы к тому, что в Чечне придется воевать именно нам, летчикам штурмовой авиации.

Я к тому времени только вернулся в Краснодар из командировки — была работа в Таджикистане, пять месяцев я там отпахал.

После командировки мне дали небольшой отпуск — на неделю. И хотя я свою летную работу люблю, отпуска, конечно, ждешь — дочка уже в первый класс пошла, хочется с ней и женой по-человечески время провести.

Но по-человечески тогда не вышло. 24 ноября мы с женой и дочкой решили съездить к родителям в Ейск, отметить день рождения супруги, которое приходится на 27 ноября. Я сел за руль своей старенькой «девятки» и проехал эти 250 километров между Краснодаром и Ейском не сильно торопясь, часов за пять. Все-таки семья в машине, так что ехал аккуратно.

А спустя сутки я это же расстояние от Ейска до Краснодара проскочил уже за два с половиной часа — командование поставило боевую задачу. На домашний телефон родителей, который я оставил для связи, позвонил командир полка, Виктор Маркелов, и так буднично, спокойно сказал: «Саша, срочно возвращайся, боевая тревога!»

Командир у нас всегда спокойный был, ни разу, даже в стрессовых ситуациях не слышал от него грубого или просто резкого слова. Но причину тревоги я понял совершенно определенно и потому рванул в часть как можно быстрее — мне ведь предстояло вести на боевые позиции эскадрилью.

Жене звонил уже из штаба, сообщить, что нормально доехал. Она, видать, на часы посмотрела, потом вдруг как закричит: «Саша, ты с

какой скоростью ехал?! Ты что, с ума сошел?» Извини, говорю, дорогая, так было надо. Заодно поздравил ее с днем рождения. Потом переоделся в летный комбинезон буквально на бегу, дальше сели с командирами, начали готовить план полета. Куда летим, тайной уже не было — карты Чечни нам сразу выдали, оставалось только цели на этих картах обозначить.

От нашего полка туда летели первая и вторая эскадрильи, то есть самые подготовленные штурмовики. Я шел командиром первой эскадрильи — у меня там было 12 боевых Су-25 и два учебно-боевых Су-25, так называемые спарки, с двумя кабинами.

Взлетали уже в вечерних сумерках. Я шел первым в паре со своим ведомым, потом через трехминутный интервал за нами шли все три звена. Еще через интервал шла вторая эскадрилья.

Надо сказать, что на тот момент эти две эскадрильи штурмовиков — это все, что было в распоряжении командования нашей армии на Кавказе. Реформаторы так увлеклись сокращением в войсках, что подготовленных пилотов почти не осталось — всех поувольняли. Да и по всей России наша дивизия была первой и единственной в стране, способной выполнять задачи такого плана — воевать в локальном конфликте. То есть на всю страну — три боееспособных авиаполка, по 40 самолетов в каждом.

И все.

Сели мы в Буденновске около восьми вечера, и меня тут же вызвали на командный пункт — ставить задачу, причем времени на подготовку дали час.

Первая задача была несложная — на аэродроме Калиновка у «чехов» уничтожить технику, оставшуюся от бывшего ДОСААФ на территории учебного авиационного центра. Там базировалось несколько самолетов Л-39 — они, хоть и учебные, но вполне боееспособные были. Каждый такой самолет может нести две стокилограммовые бомбы, а это вполне серьезное оружие — к примеру, мы, штурмовики, тоже их регулярно бросаем. Вполне годные бомбы для уничтожения личного состава или для разрушения небольших укрытий и домов. У такой бомбы очень большой разлет осколков — два километра убойная сила, террористу вполне сгодится.

Рядом город Нальчик — если чечены решат его бомбить, будет много жертв среди мирного населения. Уже тогда ясно было, что на

военные объекты «чехи» нападать не будут, а вот мирных людей покромсать из боевого оружия — это они запросто. И чтобы этого избежать, мы пошли своей эскадрильей на Калиновку.

Чеченцы нас явно не ждали — мы вышли к аэродрому вообще незамеченными, и, только когда начали работать по самолетам и ангарам, со стороны командного пункта я увидел несколько ярких вспышек — заработал ДШК.

Во втором заходе мы отработали по вышке, где стоял пулемет, и потом остальные заходы делали, не встречая сопротивления.

Вообще, это была несложная работа — по сравнению с тем же Афганистаном или хотя бы Абхазией.

Но надо понимать, что дело было 27 ноября — за две недели до официального ввода войск. То есть было ясно, что война началась, но официально ее еще никто не объявлял — Ельцин тогда лишь уговаривал Дудаева утихомирить своих бандитов.

Одновременно с нами работал буденновский полк — они работали по Ханкале. Там стояли МиГ-17, а эти машины уже серьезные, могут до двух тонн авиабомб поднять.

Вообще, в Чечне в советское время была довольно развитая сеть учебно-авиационных центров, уже не знаю, почему. Кроме Калиновки и Ханкалы, был еще грозненский центр. И летчиков из Чечено-Ингушской АССР тоже было немало.

Помню, у нас еще в Арцизе был такой отморозок, Сергей Иванов, выпускник Армавирского училища — наглый, задиристый и беспринципный тип. Родом из Грозного, он вечно попадал в разные скандальные истории. Когда его, наконец, уволили за постоянные дисциплинарные нарушения, он уехал к себе в Грозный, и я легко представляю, что он мог бы потом сесть за штурвал боевого самолета, чтобы воевать против нас. Но мы и наши соседи из буденновского полка не дали шанса таким отморозкам — в первый вылет сожгли всю дудаевскую авиацию на аэродромах.

В тот же день, в день рождения моей супруги, я в составе эскадрильи совершил еще два боевых вылета — на аэродром в Катаяме и в аэропорт Грозного. Задача была одна: уничтожить все, что может летать, — и военные цели, и гражданские.

В аэропорту пулеметами пополам разрезали дудаевский ТУ-134 — он на нем, помнится, летал куда хотел: в Турцию, на

Украину, в Москву. Ну мы его, таким образом, немного ограничили — рамками независимой Чечни, где он мог еще ездить на автомобилях.

Конечно, бомбить все это было неприятно — ведь миллионы советских людей работали, создавая всю эту сложную технику и инфраструктуру, которую мы теперь были вынуждены уничтожать. Но я также понимал, что, раз уж наши власти допустили весь этот сепаратизм и бандитизм, они же и должны были его прикончить — иначе бандиты прикончат нас всех.

В тот день у меня был еще один, финальный вылет — в район телебашни. Туда летели уже не эскадрильей, а только звеном. Задача была — уничтожить командный пункт, который чеченцы создали на базе бывшей советской военной базы. Там тоже отбомбились без проблем, и командование дало нам отбой.

И вот, посадил я свой самолет, техники начали им вплотную заниматься, а я пошел в свою казарму — одноэтажное старое здание посреди чистого поля. Это был летний аэродром Ейского авиационного училища, очень старый, брошенный. Училища уже не было, его к тому времени расформировали.

В казарме той изначально очень грязно было, солдаты батальона техобеспечения только чуть прибрались, и все. Кровати двухъярусные, воду наспех подключили, причем только холодную, но я привык, мне все это было неважно, а вот те, кто нежиться любит, кипятильники с собой привезли, подогревали себе воду для мытья и матерились сквозь зубы.

С туалетами тоже было непросто — гальюны поставили далеко в поле. Так далеко, что для них даже охрану выделили, ночные патрули, чтобы чеченцы не убили, пока отлить ходишь.

Примечательно, что на этом аэродроме, где мы базировались, тогда же додумались развернуть полк из Германии. Правда, летчиков из ЗГВ все-таки поселили в военном городке, а нам отдали старые казармы. Один раз в неделю вывозили в баню — в Буденновск. Столовую развернули, бывшую курсантскую, столы там расставили, привезли кухни, подвели воду.

Вся моя эскадрилья, шестнадцать летчиков, поселилась в одном кубрике, мне как командиру определили нижнюю кровать в дальнем углу. Постелили там белье, шмотки мои разложили, пока я организацией полетов занимался.

И началась у меня очередная и, как потом выяснилось, последняя война.

От советского информбюро ДЖОХАР ДУДАЕВ ХОЧЕТ ВОЕВАТЬ НА ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ. ЛЮБОЙ КРОВЬЮ

Вооруженное противостояние в Чечне снова приблизилось к критической черте: лидеры оппозиции заявили вчера о начале операции по блокированию и захвату Грозного. И, судя по тщательной подготовке наступления, новый штурм может оказаться гораздо более длительным и кровопролитным, нежели предыдущие атаки оппозиционеров.

Официальный Грозный в этой ситуации решил пойти ва-банк, заявив о возможности нанесения «ответных ударов» по районам Ставропольского края и Северной Осетии, где базируются российские подразделения, участвующие, по утверждению чеченских властей, в боевых действиях.

Чеченский конфликт за последний год не раз менял свои очертания: резкое обострение ситуации сменялось вялотекущей конфронтацией со словесными перепалками и отдельными террористическими актами, а затем происходила новая вспышка противостояния.

Однако новое наступление оппозиции происходит в качественно новых условиях.

Во-первых, за время предыдущего затишья оппозиционные формирования обзавелись несколькими десятками танков и бронемашин, получив, по мнению ряда экспертов, заметное преимущество в бронетехнике над правительственными войсками.

Во-вторых, временный совет теперь располагает собственной авиацией, причем не бесполезными на ограниченных пространствах Чечни истребителями (составляющими основную часть правительственных ВВС), а ударными вертолетами, способными обеспечить танковым прорывам весомую поддержку с воздуха.

Наконец, есть и еще одно обстоятельство, говорящее о серьезных намерениях оппозиции.

В отличие от предыдущих коротких и неподготовленных наскоков на Грозный, нынешнее наступление готовилось обстоятельно и по всем правилам воинской науки. Бронетехника была заблаговременно передислоцирована поближе к столице, в контролируемые оппозиционерами Урус-Мартан и Толстой-Юрт, а вертолеты в течение последней недели методично выводили из строя главные ударные силы правительственных войск, нанося удары по шалинскому танковому полку, грозненскому аэродрому и казармам президентского спецназа.

Столь разительную перемену в отношении оппозиционеров к военной стратегии некоторые наблюдатели объясняют тем, что после неудавшихся попыток штурма Грозного в сентябре и октябре терпение Москвы лопнуло, и теперь разработкой военных операций оппозиции занимаются исключительно российские военные специалисты.

Такова же и точка зрения официальных чеченских властей, которые, впрочем, уверяют, что российское военное присутствие не ограничивается помощью советников и большую часть формирований «так называемой оппозиции» составляют кадровые военнослужащие российской армии, а также спецчастей МВД и ФСК.

Правда, упорное отстаивание Джохаром Дудаевым версии об «агрессии Москвы против независимой Чеченской Республики» так и не помогло ему получить желанную поддержку мирового сообщества. Видимо, поэтому в последние дни представители официального Грозного перешли к откровенному запугиванию «северного соседа», пригрозив нанести «ответные удары» по приграничным с Чечней районам Ставропольского края и городу Моздоку в Северной Осетии.

В Моздоке, как заявляют чеченские власти, дислоцируются вертолеты, регулярно залетающие в Чечню и обстреливающие школы, больницы и жилые дома (по версии

оппозиции, эти вертолеты принадлежат временному совету и бомбят исключительно военные объекты правительственных войск), а в Ставрополье якобы концентрируются танковые и пехотные подразделения российской армии, переправляющиеся затем в Надтеречный район Чечни.

Скорее всего, подобные угрозы — лишь очередной ход в пропагандистской кампании официального Грозного, отчаянно пытающегося хоть как-то воздействовать на вышедшую из-под его контроля ситуацию. И Москва, уже привыкшая не замечать скандальных и, как правило, не имеющих никаких последствий высказываний чеченского руководства, вряд ли испугается и на этот раз. Хотя полностью исключить вероятность «удара возмездия» все же нельзя: если успех оппозиции станет очевиден и Джохару Дудаеву будет просто нечего терять, его желание хлопнуть напоследок дверью вполне может воплотиться в форме, наиболее близкой для бывшего летчика-бомбардировщика.

Впрочем, повышенная боевая готовность в находящихся на границе с Чечней российских войсках пока не отменена. И вряд ли они будут столь же любезны с бойцами Джохара Дудаева, как «кадровые военные» из официальных правительственных сообщений, выпускающие ракеты в чисто поле и бомбящие вместо танковой колонны одинокую автомашину «Жигули».

«Коммерсант», № 225 от 26.11.94

2. БЕЗДАРНАЯ ВОЙНА

Летчики у меня в эскадрилье все были с опытом, боевые офицеры, на работу рвались, как на праздник. Со всех уголков страны: сибиряки были, из Барнаула, из Белгородской области, из Казахстана — все те, кого штабные генералы из Минобороны так и не смогли вышвырнуть на гражданку, как ни старались.

Ничего мои летчики не боялись, наоборот — без войны и боевых полетов им было плохо, они войну ждали и в бой шли буквально с песнями. Каждый день начинался с вопросов ко мне: «Михалыч, рассказывай, кого сегодня будем бомбить-стрелять?!»

Но, к огорчению для моих пилотов, командование не баловало нас боевыми заданиями — вот уже наземные войска пошли в Чечню, а мы почти не летали.

Впрочем, поначалу и особого сопротивления нам никто не оказывал — мотострелковые полки спокойно подходили к Грозному, легко минуя отдельные очаги сопротивления. Пару раз находили нам цели. Так, на третий день войны войска прислали заявку, что на западной стороне Грозного, примерно в 20 километрах от центра, «чехи» прикопали танк за автобусной остановкой и поливают наших десантников свинцом.

Я один туда полетел, быстро нашел этот танк и с первого захода спалил его двумя кумулятивными ракетами С-8К. Эти ракеты, в принципе, очень хорошие, больше чем полметра брони прожигают с гарантией, а сверху у танка брони совсем немного.

Больше танков мне в Чечне уничтожать не доводилось. Это и понятно — под танки хороший тыл нужен, ремонтные заводы, снаряды, сервис, логистика. У чеченцев ничего этого уже не было, они же всю советскую промышленность, что им построили, разломали и разграбили.

Но те же БТР, они проще в обслуживании, и вот эти машины мне в Чечне доводилось уничтожать, хотя тоже достаточно редко.

А тогда, в декабре 1994-го, и вовсе вдруг все замерло — не давали нам цели, хоть ты тресни! Причем погода, что называется, звенела — небольшой морозец, небо чистое, видимость максимальная, ветра нет,

летай хоть днем, хоть ночью. Я буквально умолял командование армией — говорю, давайте нам цели, любые, мы все цели сейчас уничтожим легко. Но не дают. Причем наземные войска уже вошли в Грозный, работают там, несут потери, но помощью штурмовой авиации командование воспользоваться не спешит, даже для разведки. А метеослужбы предупреждают — идет плохая погода, к Новому году будет очень сложно работать, низкая облачность, ветер, дожди, мокрый снег. Но целей нам так и не давали.

Мы, конечно, сидя на земле, обсуждали это, недоумевали, но так и не поняли тонкого замысла командования. Скорее всего, это и не замысел был, а обычное разгильдяйство.

А потом, как и обещали синоптики, в Чечню пришла плохая погода, и мы тут же стали получать цели. Но при низкой облачности в условиях города, да еще окруженного горами, цель ой как найти непросто.

Тут в город заходит 131-я (майкопская) десантно-штурмовая бригада, без боев продвигается к самому центру Грозного и там, на площади Ленина, встает в ожидании неизвестного чего.

Позже мы узнали, что «чехи», обнаружив занятый центр города, сначала запаниковали, решив, что им «каюк», и даже собирались удирать. Но когда поняли, что десантники с приданным им танковым батальоном просто сами себя загнали в ловушку, начали работать по ним со всех сторон, сожгли и технику, и людей.

В этой истории многое поражает. Я штурмовик, не пехотинец, но нам в академии читали азы военного дела, и, как вступать десантно-штурмовой бригадой в город, я знаю. По правилам полагается не по одной улице идти, как на параде, а развернуть боевые части и выступать фронтом, причем с обязательной разведкой. И танки пускать позади пехоты — впереди разве только шустрые БТР, для разведки и прикрытия. И уж конечно, в условиях тотального преимущества в авиации не следовало начинать наступление в такую погоду, когда штурмовики физически не могут поддержать наземные войска.

Но командир бригады получил от какого-то неумного генерала приказ сделать руководству подарок — взять Грозный к Новому году, чтоб, значит, потом доложить на самый верх о символической победе. Поразительно — этот командир повел бездумно своих подчиненных на

смерть, сам погиб и еще двести человек легли рядом с ним, а за это ему дали посмертно Звезду Героя России.

У меня это в голове не укладывается. Я всегда учил своих пилотов главному, на мой взгляд, умению штурмовика — планировать свои атаки так, чтобы враг был ошеломлен, дезориентирован и не готов к серьезному сопротивлению. Поэтому мы всегда тщательно планировали любой, даже самый, казалось бы, несложный полет — выбирали направление атаки с учетом солнца, выбирали время атаки с учетом распорядка дня врага, выбирали маршруты ухода после атаки с учетом рельефа и т. п. И я смог научить своих летчиков этому планированию так, что мои ребята не только не гибли — они почти не получали повреждений, даже в очень серьезных переделках.

Когда мы начали работать в Чечне, это было очень показательно — если моя первая эскадрилья работала без повреждений, то вторая, где комэской был Витька Астафьев, часто попадала под огонь. Они прилетают на базу, а у них половина самолетов в дырках — пули, осколки. Самолет Су-25, конечно, очень живучий, но добром такие вещи не кончаются.

Став заместителем командира полка, я начал водить и группы второй эскадрильи. И перед каждым вылетом я их инструктировал, как своих, до самых вздорных мелочей. И они перестали привозить с собой дырки.

Наши соседи из буденновского полка, бывало, даже бравировали дырками в оперении своих самолетов — вот, дескать, как они воюют, не щадя живота. А на мой взгляд, штурмовик должен и задачу боевую выполнить чисто, и самолет вернуть целым, и себя, ценного боевого пилота, доставить на базу невредимым — на радость государству, семье и сослуживцам. А бравировать дырками просто неумно — ты либо показываешь, что ошибся при планировании боя, либо просто негодный штурмовик, который подставляет ценную машину и срывает боевое задание.

И мне, с таким вот подходом к своим подчиненным, очень грустно было наблюдать за наземной операцией в Чечне. Бездарное командование, бездарные генералы, для которых даже гибель подчиненных не была потрясением, а была лишь банальным эпизодом в долгой и успешной военной карьере.

От советского информбюро И ШТУРМ, И МИР ОСТАЮТСЯ СЛОВАМИ

Обстановка в Чечне и вокруг нее остается неизменной: в Грозном рвутся бомбы и ракеты, в Москве политики обсуждают реальность возвращения к мирному урегулированию, а в район конфликта прибывают все новые воинские формирования для еще более решительного оздоровления ситуации. И хотя число политиков, ратующих за мирное решение «чеченского вопроса», растет с каждым днем, реально повлиять на ситуацию сейчас могут лишь военные. А они по-прежнему готовятся к решающему штурму чеченской столицы.

Хотя в Министерстве обороны о грядущем штурме говорили в течение всей недели, это мероприятие, судя по всему, будет отложено до ближайших выходных. Пока же военные занимаются подготовкой будущего наступления, разрушая «опорные пункты боевиков» и подтягивая к чеченской столице свежие силы. Правда, опорными пунктами, по свидетельству очевидцев, чаще оказываются жилые дома, а боевиками — не успевшие укрыться в бомбоубежище мирные жители, что лишний раз подтверждает версию чеченского руководства о войне против населения.

Представители исполнительных структур, проводившие вчера утром очередное совещание в правительстве, уже нашли подходящее объяснение этим фактам: по их мнению, боевики сами взрывают жилые дома, чтобы имитировать бомбежку жилых кварталов. В то же время на совещании отмечалось, что «бандформирования», понесшие накануне крупные потери, начали сосредотачиваться в жилых кварталах Грозного. Поэтому новые бомбежки города, с точки зрения Москвы, будут опять-таки «точечными ударами» по скоплению боевиков.

Тем временем некоторые российские политики не оставляют попыток вернуться к мирному урегулированию чеченского кризиса. Вице-спикер Совета Федерации Рамазан

Абдулатипов, окончательно разочаровавшись в способности исполнительной власти остановить кровопролитие, призвал российских и чеченских законодателей взять на себя решение этой проблемы и немедленно начать переговоры между парламентскими делегациями России и Чечни в Дагестане. За политическое решение чеченской проблемы высказался и президент Татарии Минтимер Шаймиев: в своем обращении к Борису Ельцину он предложил обсудить вопрос о ситуации в Чечне на заседании Совета глав республик.

Однако после того, как военная машина в Чечне была запущена на полную мощь, любые переговоры, скорее всего, обречены на провал: Москву в нынешней ситуации удовлетворит лишь безоговорочная капитуляция защитников чеченской столицы, а на такой шаг Грозный не пойдет даже под угрозой атомной бомбардировки. Что же касается приказа о генеральном наступлении, то его отсутствие связано, в частности, с подтягиванием в район Грозного свежих формирований.

Пока в Чечне готовятся к последнему и решительному бою, в Москве говорят о послевоенном устройстве республики. В Министерстве внутренних дел, по словам Виктора Ерина, уже началась подготовка мероприятий по восстановлению в Чечне конституционной законности и воссозданию правоохранительных структур. Не исключено, что в осуществлении этих мероприятий примут участие и казаки: во всяком случае, терские и кубанские казаки, по сообщению временного информационного центра при правительстве России, уже начали формирование четырех батальонов для поддержания порядка в Чечне. Впрочем, пока за чеченцев воюет даже природа: из-за сгустившихся туманов активные действия авиации затруднены, а штурм Грозного без серьезной поддержки с воздуха наверняка приведет к большим жертвам среди военных. Но если терпение политического руководства страны иссякнет раньше, чем рассеется туман над городом, штурм может состояться при любой погоде.

«Коммерсант», № 244 от 23.12.94 г.

3. СМЕРТЬ В ОБЛАКАХ

15 января над Грозным погиб Николай Баиров — мой хороший боевой товарищ. Мы с ним вместе в Афганистане воевали, он у меня там частенько ведомым летал. Потом наши дорожки разошлись — Коля отправился служить в ЗГВ, в Германию, а я остался в Союзе, поступил в академию. Позже Колю вместе с полком перебазировали в Буденновск, а когда началась первая чеченская война, буденновский полк по настоятельной просьбе летчиков перебросили в Моздок. Дело в том, что «боевые» тогда платили только в виде командировочных и это были очень существенные деньги. Но если воевать с места основной дислокации, из Буденновска, никаких командировочных не полагается. И вот именно по этой, исключительно шкурной, причине, буденновский полк перевели в Моздок, а нас, краснодарских, посадили не в Моздоке, а на буденновский аэродром.

И вот вызывают меня на командный пункт в Буденновске. Прихожу, а там сидит командующий воздушной армией Владимир Сергеевич Михайлов. Объясняет задачу: войска несколько дней не могут взять здание бывшего ЦК Чечено-Ингушетии в Грозном, ныне Дом правительства на площади Ленина, где засел Дудаев. Необходимо провести разведку, установить возможность работы по «дворцу Дудаева». Говорит, как скажешь, что можно работать, запустим штурмовики с тяжелыми ракетами или бомбами. Дело в том, что очень хорошо укрепили этот дворец, пехота не могла ничего сделать, потери были очень большие.

А погоды все нет — дожди льют третью неделю подряд. Но приказ получен, вылетаю на разведку парой Су-25 — я ведущий, а ведомым шел Игорь Бабаков. Взлетели нормально, у нас в Буденновске облачность 600 метров по нижнему краю. А когда подошли ближе к Грозному, там было очень плохо — сплошная облачность. Верхний край — где-то 2200 метров, а где нижний, я не знаю, не видно нижнего края вообще. А ведь вокруг горы, там вслепую не летаешь, в горах в облаках снижаться нельзя.

Покрутился там, над городом, немного, хотел уже доложить, что ничего нельзя сделать, потом увидел в разрыв в облаках аэропорт

«Северный», я там взлетную полосу увидел. Игорю говорю, чтоб оставался на месте, в большую коробочку встал и меня дожидался.

А сам решил в эту дырку над взлетной полосой проскочить. Начинаю снижаться, вхожу в облака, потому что точно знаю, что впереди должна быть дырка. Идешь в облаках на ощупь, как котенок слепой, ни черта не видишь. Наудачу начал снижаться по радиовысотометру, уже высота метров двести, и вдруг — раз, вынырнул из облака прямо над полосой. Думаю, ничего себе — нижний край всего двести метров!

А ведь командующий говорит, что нужно не просто летать, а бомбить! С двухсот метров, конечно, можно бросать бомбы с горизонта, но, если будет еще хоть немного ниже — уже только штурмовые бомбы годятся. Я не помню, были ли они у нас вообще в Чечне.

Есть, конечно, вариант — бомбометание с рикошетом. С высоты метров 30 оно проводится, над водой — суда так топят, им в борт бомба прилетает. Над землей, теоретически, так тоже можно делать, но не факт, что сработает, — бомба скорее сдетонирует об землю при первом ударе.

Обдумываю все это, разворачиваюсь через север и ухожу в центр города. Вижу окраины, а иду очень низко, под облаками. Тут облачность начинает еще больше снижаться. Лечу к центру города, мне ведь надо найти этот дворец, а его не вижу.

Плюс тянет к северо-востоку дым — это горит грозненский нефтеперерабатывающий завод. Высотки еще стоят, тоже не подарок — на такой высоте я их вполне могу зацепить.

Потом облачность упала уже до 160 метров! Гляжу, а вот он, дворец Дудаева, проскочил у меня по левую руку. Там уже речка Аргун появилась, я над ней развернулся левым разворотом, пошел обратно. Опять ищу дворец, смотрю — нет нигде. Потом раз, опять вижу, уже по правому борту. Проскочил, конечно.

Т. е. прицелиться по дворцу я не могу в принципе. И никто не сможет, потому что я опытный пилот, и, если мне это нельзя, значит, никому нельзя.

Тут начали по мне стрелять — вспышки пошли в воздухе. Очухались чеченцы там, внизу, раздражает их мой самолет, хоть они его в облаках и не видят, но слышат хорошо.

Ладно, думаю, левым разворотом туда не пойду, они меня там ждут слева, захожу справа. И тут вспоминаю, что там рядом должна быть телебашня, которой я вообще не вижу, и вот ее я сейчас со всеми этими маневрами точно найду.

Ухожу с большим креном и скоростью, чтобы не попали.

Делаю третий заход. Нахожу дворец, но снова не вышел на него в лоб, он у меня слева остался. Т. е. с трех заходов я не могу в цель прицелиться — со мной такого никогда не было.

Потом еще один заход на дворец сделал, тоже безрезультатно, и тут меня уже всерьез поливать начали, изо всех видов оружия.

Стало ясно, что, если еще заход сделаю, меня собьют. Они уже пристрелялись и ждут меня. Вытащат ракету типа «Стингер», и все, придется прыгать над городом.

Я развернулся, набрал высоту, ушел к Игорю. Докладываю командующему: «Погоды нет. Работать нельзя».

Он отвечает: «Ладно. Возвращайтесь». Ну я забрал ведомого, мы и полетели на базу.

А там минут 15 лететь всего. И уже на подлете, когда переходил на стартовый радиоканал, услышал в эфире голос Игоря Свиридова, однокашника моего, он был заместитель командира буденновского авиаполка.

А слова он произносил такие: «Да, условия для работы есть. Все нормально, поднимайте 134-го и 135-го».

Интересно, думаю, где это он работать собирается?

Слышу ответ: «134-й и 135-й взлетают!»

Ну и ладно, думаю, взлетают и взлетают. Мало ли где еще по Кавказу коллеги работают.

Захожу в Буденновск на посадку, садимся. Прихожу на командный пункт. Там сидит Михайлов и командир буденновского полка Сергей Борисюк.

А с ним вечно пикировались. Его машины всегда с повреждениями возвращались, а мои — без. Но у них дырки были вроде как знак доблести, а у нас — знак глупости. Плюс он полковник, командир полка, а я, будучи заместителем командира полка, вроде как старший над ним, раз командую нашей общей авиагруппой. В общем, не было контакта с ним.

Докладываю командующему: «Товарищ генерал! Погоды нет. Мои летчики не полетят работать. Невозможно выполнить задачу».

А вместо командующего мне Борисюк отвечает, с такой торжествующей ухмылкой: «Ну посидите на земле. У вас не такая подготовка, ха-ха. А вот мои уже полетели, и они задачу выполняют».

Я не выдержал, дерзко ему ответил: «Ваши, конечно, хороши. Все вечно в дырках, зато подготовка хорошая!»

Борисюк говорит, что его люди выполняют задачу, что они подняли комэску и замкомэску, и что эти пилоты не чета моим. Начал я ему было опять дерзить, но генерал нашу перепалку пресек.

А рации на КП включены постоянно. И вдруг слышим громкий крик по рации:

«Попали!! Я 134-й! В меня попали! Уходим!»

Командующий засуетился, забормотал в рацию: «Что происходит, 134-й, что такое... Где ведомый?» А 134-й ему отвечает, что не знает, а сам уходит, потому что повреждения серьезные.

Я стою, смотрю на Борисюка. Он тоже кричит в рацию: «Что происходит, что такое...»

Я командующему говорю: «Ну что, доигрались?» Он будто не слышит, бубнит свои вопросы в рацию.

Начали запрашивать второго летчика, он не отвечает.

Первый говорит, что имеет большие пробоины, ведомого не видит. А ведомым был Коля Баиров.

Командующий отдает приказ: «Полеты немедленно прекратить, всех вернуть на базы».

А ведь он раньше хотел еще другие группы поднять, из Моздока, Грозный бомбить.

В тот день мы так и не узнали, что случилось с Колей. Вернулся комэска, его ведущий, у него полхвоста нет, явно снарядом попали. Еще крыло у него было пробито.

Потом выяснилось, что, когда я сообщил о плохой погоде, из Моздока подняли пару Су-25 на разведку. У них нижний край облаков 400 метров был, вот они под облаками и пошли до самого Грозного. Думаю, сами они даже не пытались прицеливание производить, хотя их посылали именно для этого. Ведь для чего летит разведчик? Чтобы определить возможность бомбометания. Если я, летчик-снайпер, не

смог прицелиться, значит, у них тем более не получится. Но они об этом никому не сказали — очень им хотелось Героев получить.

Эти разведчики сообщили командованию, что работать можно. И тогда на КП подняли пару для бомбометания из Буденновска, с Колей в качестве ведомого.

Пришла эта пара, а цели не видят. Они начинают ее искать. А враг уже готов давно, ведь это уже третья пара самолетов здесь, над дворцом, крутится.

Я сомневаюсь, что они тогда вообще город нашли. Потому что самый удобный заход

был со стороны севера, где нижний край был 200 метров, а потом к центру до 160 снижался.

Но они заходили с юго-востока, там, где город Шали. А там горы. Они один заход сделали, комэска цель не нашел, пошли на второй заход. И там их впрямую из «шилки» расстреляли. Четырехствольная пушка, калибра 23 мм — серьезная вещь. Они одной очередью их обоих срезали, повезло, что первого тоже не завалили, в рубашке родился. Ему крыло и полкиля срезало, самолет потом сразу списали, ремонту не подлежал.

Второй самолет разрезали пополам, но Коля успел катапультироваться. К сожалению, высота была маленькая, под облаками ведь шли, и там метров сто от силы было. И Коля сразу попал в плен к чеченцам.

На следующий день нашей пехоте подкинули его голову — в каску положили и бросили со словами «заберите».

Несколько дней не было вылетов. Потом, когда погода пришла, от буденновского полка слетала пара, выпустила ракету по дворцу, и все закончилось — чеченцы догадались, что сейчас так будет постоянно, и все разбежались оттуда, только пятки сверкали.

Почему раньше нельзя было это сделать, когда погода была? Не знаю. И никто этого не скажет, кроме Павла Грачева.

Когда узнали, как Коля погиб, мы все собрались на поминки, конечно. Говорили полагающиеся слова: «вечная ему память», «будем мстить за него» и т. п.

Он сам калмык был, приехали родные из Калмыкии, забрали пустой гроб с одной Колиной головой, уехали, в Элисте похоронили.

Посмертно Коле дали Героя, чтобы семью поддержать. Это очень правильно было сделано, потому что никакие другие награды для российских военных смысла не имеют, это все просто цацки железные. А вот Звезда Героя очень сильно семье погибшего помогает — пособие почти тысяча евро в месяц, бензин 100 литров на месяц дают, всякие коммунальные платежи, путевки, билеты и т. п. за счет государства.

В буденновском полку потом и Свиридов погиб, который Колю на цель наводил, и ему тоже Героя дали посмертно. Свиридов и его ведомый в одном вылете воткнулись в гору. Потом в облаках погиб Игорь Безрядин — я его в Арцизе еще учил, хороший был летчик, смелый, талантливый. Но как попал в этот полк, будто заразу подхватил — тоже в облаках погиб. Воткнулся в гору, причем никто даже не стрелял по ним, просто выполняли маневр. Ведомый, старлей, еле выскочил, по верхушкам деревьев прошелся, а потом списался из армии, потому что психологически сломался, молодой еще был.

Вообще, у них в буденновском полку была какая-то маниакальная потребность летать в горах именно в условиях низкой облачности. Вот, если я вижу облако в горах, я его облетаю, потому что я не знаю, что там, за облаком, а они норовили все облака насквозь пролететь. Ну и долетались.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Семья

Кошкин Александр Михайлович родился в 1960 году в селе Дубровка Николаевского района Ульяновской области в семье рабочих.

Отец, Михаил Иванович, после увольнения из действующей армии в 1948 году, работал шахтером в Кузбассе, рабочим в колхозе, нотариусом в райцентре. Мать, Феодосия Яковлевна, работала на пекарне.

С самого раннего детства формировалось сознание, что служение Отечеству и защита Отечества — это самая почётная обязанность. Дед Иван Сергеевич, прошедший три войны, по моим просьбам хоть и неохотно, но рассказывал мне эпизоды из тех военных событий, участником которых он являлся.

У меня остался в памяти рассказ деда о том, как впервые немцы применили хлор, — дед был как раз на том участке фронта. Полк вечером после тяжёлых потерь вывели на пополнение в тыл. Однако утром на следующий день часть вернули на передовую, и они увидели страшную картину: погибшие бойцы лежали на земле и у всех изо рта вытекала розовая пена.

За период с 1914 по 1917 год дед был награждён двумя Георгиевскими крестами. К большому сожалению, я в детстве видел их один раз, случайно обнаружив спрятанными в сарае. Тогда дед предупредил меня, чтобы я никому не рассказывал об увиденных орденах, и куда-то спрятал. После этого о судьбе Георгиевских крестов мне ничего не известно. Дед служил в отдельном сердобском пехотном полку, и я из рассказов деда запомнил фамилию командира полка — полковник Белоцерковский, — который в 1917 году, чтобы не попасть в руки большевиков, застрелился.

Далее дед воевал на фронтах Гражданской войны и пришёл домой только в 1922 году.

Великую Отечественную войну с 10 июля 1941 года прошагал также рядовым пехотным, демобилизовался в 1946 году.

Рассказы отца помню меньше, так как он, наверно, меньше был дома, а может, я меньше крутился возле него. Помню только несколько эпизодов, рассказанных им. Отец окончил ускоренные курсы младших

офицеров и в начале 1943 года начал воевать в составе действующей армии. Он рассказывал о боях на Кавказе, в Крыму. Я запомнил историю о его тяжелом ранении в Румынии в 1944 году — пуля попала отцу в голову, у него не было части кости черепа.

Вот из всех этих рассказов, моих мечтаний и постоянных детских игр в войну сложилось чёткое мнение о том, что я должен стать военным.

Выбор профессии

До 14 лет я мечтал стать и танкистом, и артиллеристом, и ещё каким-нибудь военным. Летом 1974 года увидел, как прыгают парашютисты с самолета, решил поближе посмотреть, как это происходит. Так я первый раз увидел лётчиков, которые выполняли прыжки с парашютом, а потом увидел, как выполняются полёты.

Стал приходить на аэродром чаще, слушать, как пилоты рассказывают о полётах, о жизни лётчиков. С этого момента я стал больше читать об этой героической профессии и решил непременно стать лётчиком.

Так как я пошёл в школу с 5 лет, то 10 классов я заканчивал в 1976 году в 15 лет, и мне в военкомате сказали, что желательно подрасти до 17 лет и потом поступать в военное училище. Я понял, что мне нужно еще и физически себя подготовить для поступления в лётное училище, и поступил в педагогическое училище на отделение физического воспитания.

В 1977 году подавал документы в училище, но мне отказали, так как мне еще не было 17 лет. Впрочем, тут же посоветовали самому написать письма на имя начальников училищ, мол, возможно, кто-то из них разрешит поступать мне раньше, в 16 лет.

Я написал в 7 военно-летних училищ. Как сейчас помню, первые три письма из Оренбурга, Харькова и Ставрополя пришли с отказом. В письмах сухим казенным языком объясняли, что прием воспитанников возможен только при достижении ими установленного законом возраста.

Я решил, что, откуда придёт первый вызов, туда и поеду, хотя надежды уже не было. И вот, вскрываю очередной конверт и читаю, что мне разрешают на общих основаниях поступать в Ейское училище лётчиков.

Так в 1977 году я стал курсантом Ейского высшего военного авиационного училища лётчиков, которое готовит лётчиков для истребительно-бомбардировочной авиации.

У всех в жизни бывают срывы и неприятные истории, я тоже был не подарок иногда в своем поведении. Для меня подрасться было раз

плюнуть, что однажды и случилось в городе Батайске в 1978 году. Меня туда отправили лечить уши в лазарет. Однажды я пошёл в самоволку и подрался с патрулём, который хотел меня задержать. Я сбежал от патруля, но позже меня опознали, арестовали и посадили на гауптвахту.

Потом был совет училища, разбор позорного поведения, было принято решение меня отчислить. Отправили исправлять моё поведение, то есть служить солдатом в инженерный батальон.

Я понял, что мечта стать лётчиком почти рухнула, однако, прослужив месяца четыре, сам подошел к начальнику штаба батальона майору Мурадяну. Спросил у него, можно ли мне поступать в летное училище, на что он мне ответил, что можно, если у меня «будет нормальное поведение».

Таким образом, в 1979 году я на общих основаниях поступил в Борисоглебское ВВАУЛ им. В. П. Чкалова. Начал заново учиться, чтобы стать лётчиком.

В 1980 году мы узнали, что начались боевые действия в Афганистане, где успешно применяется авиация. Каждый курсант, как мне кажется, начал думать, как бы быстрее закончить училище и попробовать себя в бою.

Первый боевой опыт

В 1983 году я окончил училище. Нам повезло, хоть мы и попали в «дыру», в город Арцыз, но все равно очень удачно — там работали на самолетах Су-25, которые вовсю уже летали в Афганистане.

Первая партия лётчиков из нашего полка сразу начала готовиться для работы в Афганистане. Мы были следующими.

В начале 1985 года командиром полка пришел к нам Александр Владимирович Руцкой, который начал готовить полк к боевым действиям в соответствии с требованиями боевых уставов. Мы начали летать очень много, по 5 смен в неделю, что потом дало свои результаты уже в Афганистане. Там наш полк потерял только одного лётчика (пропал без вести), а за один год выполнил 24500 боевых вылетов.

К большому сожалению, из первой партии не вернулись домой четыре человека.

Работа в Афганистане

Каждый из 515 боевых вылетов, выполненных мною в Афганистане, конечно, не вспомнишь и не расскажешь — многие вылеты слились в единый вылет, очень похожий на один. Хотя в памяти остались эпизоды из боевых вылетов, которые сопровождались высоким психологическим напряжением, большим вовлечением сил и средств.

Вспоминаю боевой вылет в район Котай-Ашру, западнее Кабула, где начиналась небольшая операция сухопутных войск, рассчитанная на 2–3 дня.

Однако в первый же день войска столкнулись с ожесточенным сопротивлением бандформирований, что потребовало увеличения применения штурмовой авиации. В первом вылете я находился во второй ударной группе, и мы подходили к цели через 5 минут после нанесения удара первой группой. Однако вся разработанная схема нанесения удара на земле изменилась через 4 минуты после начала работы первой ударной группы. При выполнении вывода из атаки был подбит ракетой самолёт ведущего первой группы подполковника А. Н. Фаброго. Нам пришлось в полете менять координаты нанесения удара, и мы начали работать по району расположения ПЗРК. Затем пришлось сопровождать горящий самолет Фаброго. Он тянул самолет на восток поближе к Кабулу, да и в том районе находилась в воздухе поисково-спасательная группа. Через три минуты после поражения ракетой Фабрый катапультировался, так как перегорело управление самолетом.

В этом боевом вылете в третьем заходе я увидел, что по заходящему на цель впереди меня самолету работает ЗГУ. Я очень хорошо прицелился и короткой очередью из десятка ракет С-8 уничтожил установку, видимо, вместе с боевым расчетом.

Через полтора часа запланировали в тот же район еще один вылет, впереди нас шла группа подавления средств ПВО, однако по необъяснимым причинам первая группа не смогла подавить средства ПВО.

Наше звено начало работать без подавления средств ПВО, и после выхода самолета майора Шулимова из пятой атаки его подбили. Я видел эту атаку очень хорошо, поскольку подошел тогда к нему сверху.

Расстояние до него было метров 15–20, я ему шутя сказал по радиации: «Коля, поддай газу, а то горку впереди не перелетим». Он мне показал пустые руки и сказал: «Нечем поддать». В этот момент слева от меня, в левый двигатель его самолета влетела ракета.

Взрыв произошел на моих глазах — при взрыве от самолета Шулимова, кроме частей от двигателя, отлетела часть стабилизатора. Я крикнул в эфир: «Коля, в тебя ракета попала», — но он и сам это почувствовал. Его самолет сначала накренился вправо, потом начал выполнять резкий крен влево, и в этот момент, как в замедленной съемке, я увидел, как отходит фонарь, затем вышло кресло катапульты.

Боковым зрением увидел, как взрывается самолет Николая, ударившись о скалу, и раскрывается парашют, на котором висел Шулимов. Я внимательно наблюдал за ним, одновременно доложив на КП армии, что сбили Шулимова.

У меня самого тогда начали дрожать колени. Если кто думает, что в бою не страшно, не верьте, страшно, я не один раз на себе проверял.

Потом я построил маневр для атаки по тому месту, откуда пустили ракету по Шулимову, — там слабенький дымный шлейф рассеивался.

Когда Коля приземлился, я отметил где, чтобы передать ПСС координаты. Сам вышел на боевой курс, сделал короткую очередь из пушки, экономя снаряды, чтобы прикрыть Колю.

К большому сожалению, кроме меня, никто из пилотов не видел, где сел сбитый лётчик. Когда я передал координаты приземления Шулимова, это оказалась высота 3660 метров. Надо отдать должное вертолетчикам — через полчаса командир посадил машину на этой высоте, и они подобрали лётчика.

По рассказу Коли, он видел, как «духи» шли к нему, — еще минут 20–30, и они были бы у него в гостях.

Коля потом назвал своего родившегося сына Сашей в честь меня, объясняя это тем, что, если бы я его не нашел и не прикрывал, пока его не подобрали, сын бы не родился.

В этом вылете я садился в Баграме с остановленными двигателями, благо Су-25 позволяет планировать. Топливо закончилось

за 15 секунд до полосы — дело в том, что я висел над районом атаки, пока не забрали летчика, прикрывая заодно и вертолет ПСС.

На войне надо обманывать

Другой вылет, я считаю, — один из многих, который достоин внимания, так как позволил уничтожить почти весь лагерь подготовки моджахедов. Моему звену была поставлена задача — нанести удар по лагерю подготовки недалеко от Пешавара, около 60 км за границей, в Пакистане. По данным разведки, мы точно знали, что в системе ПВО Пакистана дежурит истребительная авиация, и, если радары увидят, что наши самолеты подходят к границе, они нас уже будут ждать. Командир полка предложил мне дать на прикрытие наших МиГ-23 («Грифы»), если вдруг нас атакуют истребители ПВО Пакистана. Я подумал и отказался, потому что наши «Грифы» за 60 км на чужую территорию не пойдут, это международный скандал, а если будут просто барражировать, то привлекут внимание ПВО.

Попросил разрешения самому разработать удар и придумал такую схему: якобы большой транспортный борт зашел на посадку в Джелалабаде. Руководитель полетов там был в курсе, но согласился нам подыграть. Мы пошли звеном, очень близко пристроившись друг к другу, чтобы на экране выглядели как одна крупная воздушная цель. Прошлись над полосой в Джелалабаде на предельно малой высоте и левым разворотом, не набирая высоту, втроем полетели на Пакистан, а один набрал высоту и ушел в сторону Кабула и над озером Суруби встал на высоте 5500 в большую коробочку, дожидаться нас.

Так на высоте 25–40 метров мы и прилетели раненько утром в гости к моджахедам недалеко от Пешавара. Мы выполнили по три захода на цель.

Преклоняюсь перед нашими разведчиками — они дали очень точные координаты лагеря подготовки. Я первый раз видел такое большое скопление палаток с живой силой и техники. Мы все почти и уничтожили: я видел на третьем заходе, когда шел низко и стрелял из пушки, как остатки живой силы разбежались. Думаю, они здорово напугались. Потом мы также на предельно малой высоте стали уходить домой, и, когда над границей начали потихоньку набирать высоту, наше КП нас начало торопить вернуться быстрее, так как уже

подходили истребители ПВО Пакистана. Но они опоздали, мы свою задачу выполнили и ушли невредимыми.

Один небольшой эпизод из декабря 1985 года, который тоже врезался в память, — дуэль с зенитной пушкой. В одной из наземных операций нашим десантникам не давали возможности высадиться в хорошо укрепленном районе Черных гор. Авианаводчик вывел наше звено на эту зенитку. Я увидел, откуда она стреляла, и попросил командира звена Цыбина разрешения на удар. Вышел на боевой курс с углом пикирования примерно 35 градусов и начал прицеливание. У меня еще не подошла высота для пуска ракет, а это примерно высота над целью 500–800 метров, а этот гад начал в меня стрелять раньше. Я первый раз увидел как летят малиновые шары точно в лоб, понятно, что это какие-то 3–4 секунды до начала стрельбы, но кажется, что очень долго. Я выдержал, я видел яркие вспышки в прицеле, и что-то очень быстро летело мимо меня, потом нажимаю «огонь» и вижу, как мои ракеты очень плотно попадают в ЗУ. В следующую секунду радостный крик в эфире авианаводчика: «Прямое попадание, сверли дырку на кителе!» После атаки мне тоже радостно, не то что до атаки и на пикировании — тогда было реально страшно.

Первые боевые ночные полеты

В июле 1986 года командованием 40-й армии было принято решение о проведении крупномасштабной операции по уничтожению вооруженных формирований в «зеленке» южнее Кандагара. Наша эскадрилья ежедневно выполняла по 30–40 боевых вылетов на бомбоштурмовые удары по позициям боевиков.

Однако почему-то операция затянулась, войска начали нести большие потери, потом выяснили, что «духи» постоянно подтягивают новую живую силу и боеприпасы. Вспоминаю тот день, когда нам задачу ставил сам легендарный генерал армии Варенников. Он приказал штурмовикам к утру следующего дня заминировать 12 дорог, по которым «духи» подвозят боеприпасы и людей. На тот период в эскадрилье на минирование летали только два лётчика, я и Приходько, вот комэска Комаров и приказал мне готовиться на минирование.

Минирование с самолёта при применении КМГУ (контейнер малогабаритных грузов универсальный) выполняется в горизонтальном полёте с постоянной скоростью 550–700 км/ч и с высоты 200–400 м над целью. Т. е. это очень удобная позиция для зенитчиков по уничтожению воздушных целей, просто как учебное пособие.

Лётчику, чтобы положить на дорогу или тропу мины, необходимо лететь прямолинейно 6–12 секунд, потом развернуться и по соседней тропе сделать то же самое, и так 12 раз. Я начал понимать, что на каком-то из очередных заходов на минирование меня снимут, как охотник утку.

Начал думать, как выполнить приказ и остаться целым. Пришла в голову мысль: а что, если сделать это ночью, выполняя минирование под светящимися авиабомбами? Взял учебники по боевому применению, думал там вычитаю, но ничего подобного там не нашел, а мысль уже не выходит из головы. Посоветовался со своим другом, начальником штаба Рустемом Загретдиновым.

Он в принципе мою идею поддержал, пошел к комэска, рассказал ему, что, если сам мне подсветит САБми, я выполню задачу чётко и в срок. Объяснил, что «духи» будут ослеплены, и им видно будет только

факелы от бомб, а самолёт не видно будет. Комаров вначале сильно сомневался, что так можно в горно-пустынной местности выполнить задачу — ведь это чревато столкновением самолёта с землёй или с каким-нибудь препятствием. Но потом он согласился с моими доводами, что это все-таки предгорье, перед рекой Аргандаб, там не такие высокие горы.

Я все рассчитал: когда Рустему нужно повесить САБы, и сколько времени они горят (примерно бомба светит 6–7 минут). То есть мне на два захода хватает первой серии светящихся бомб, так в одном вылете я минировал четыре дороги.

Интересно было видеть, когда я выходил на боевой курс — «духи» стреляют по факелам так яростно, что аж небо от трассеров светится, а меня не видят. Хотя по звуку понимают, что рядом самолет летает на малой высоте, но прицелиться так и не смогли. Конечно, и я попотел: нужно было не столкнуться с землей, найти дороги, которые минировались, и на всякий случай не попасть под огонь средств ПВО. Наобум «духи» даже пустили ракету, но она ушла на факел бомбы.

Вот с этого момента я постоянно вызывался выполнять ночное минирование, если ставилась такая задача. На основании этих боевых вылетов в наставление по боевому применению Су-25 была вписана страница для обучения лётчиков минированию ночью. Впрочем, я не помню, чтобы кто-то потом на практике повторял это достаточно рискованное занятие.

Сколько у меня боевых вылетов

Мне иногда задают вопрос — сколько у меня вылетов? Я не могу точно на него ответить. Вообще боевых вылетов 820, налёт часов 1930, но тут обывателю необходимо объяснить, что боевой вылет всегда сопровождается обязательным применением оружия и боевым воздействием противника, где велика вероятность поражения самолета и гибели летчика. Были случаи, что летчика сбивали в первом вылете или в первых вылетах — кому как повезет.

Из летчиков фронтовой авиации у меня самое большое количество боевых вылетов, это количество 820 записано в летной книжке, а реально их гораздо больше. Обыватель не знает, что записывать в летную книжку можно не более 4-х вылетов в день, если запишешь больше, это нарушение, причем карается сразу, при первой проверке инспектора, да и вообще этого никто сам не допустит.

Таких незаписанных вылетов у меня еще наберется не одна сотня. В Афганистане я, молодой летчик, очень хотел набрать инструкторский налет. Те летчики, кто со мной летал в Кандагаре, подтвердят, что все контрольные полеты на проверку на самолете Л-39 я забирал себе, чтобы записать в книжку, а потом в этот же день продолжал летать на БШУ, и эти вылеты я не записывал в летную книжку.

Первый штопор на войне

Мне и самому было интересно полетать в задней кабине за инструктора. Именно в Кандагаре я начал выполнять штопор — очень сложный элемент пилотажа, первый из которых мы выполнили с Колей Приходько.

Полет выполнялся под шторкой, была имитация полета в облаках. Потом с Колей выполнили все элементы сложного пилотажа, и я спросил товарища, когда он последний раз выполнял штопор. Он мне ответил, что делал это с инструктором на самолете Л-29 в 1976 году, то есть десять лет назад. Я говорю, что делал это в 1980-м, и предлагаю повторить.

Он соглашается. Теоретически мы знали, как его делать. Набрали высоту 5500, четко ввели в штопор, а вот когда начали выводить, немного промахнулись с усилиями на РУС и чуть не сорвали самолет в перевернутый штопор. Пришлось сделать еще один виток простого штопора, потом, хоть коряво, но вывели машину.

Я говорю Коле: «Давай еще попробуем, а то что-то не очень получилось с первого раза». Он согласился, и мы еще раз 5–6 повторили, пока не отработали фигуру на «отлично». Я стал практиковать штопор и с другими летчиками, всем нравилось.

А почему были самолеты Л-39? В ту пору еще не было спарки Су-25УБ, во всяком случае, в нашем полку, и впервые вылетали мы после нескольких контрольных полетов на Л-39.

Про награды и боевые вылеты

А уж когда я не записывал все боевые вылеты, так это в ноябре — декабре 1986 года, тогда от боевых действий был отстранен полк, прибывший в Баграм из Калинова. Воевать они начали очень неудачно, за две недели потеряли четыре самолета. Меня и еще пятерых летчиков из Кандагара вызвали на помощь в Баграм, и там я каждый день с утра начал выполнять шесть вылетов за инструктора на обучение. При этом я не прекращал летать на БШУ и днём и ночью. Но за эти два месяца я не записал ни одного боевого вылета, хотя летал почти каждый день. Зато инструкторский налет у меня увеличился немислимо, и этим обстоятельством я потом хвастался перед однокашниками.

Таким образом, я не записывал много боевых вылетов, и это происходило на всех боевых конфликтах, где я участвовал.

Прекрасно один такой эпизод помнит генерал Михайлов: это было уже в Чечне, когда он запретил лично мне вылет, развернул меня уже перед взлетом на стоянку. Это был мой 7-й вылет в этот день, и, хотя я работал по позывному другого лётчика, генерал узнал меня по голосу.

Честно сказать, я достаточно безалаберно относился к записям количества боевых вылетов — думал, что их, солить, что ли. Но именно большое количество вылетов стало поводом для представления меня к высшей награде Родины.

Александр Владимирович Руцкой в начале 1987 года лично представил меня к званию Герой Советского Союза, но, к сожалению, документы внезапно исчезли в Москве.

В начале января 1995 года, когда мы базировались на аэродроме Буденновск, построили два полка, генерал Ратушин объявляет: «Кошкин, выйти из строя». Я встал перед строем, генерал говорит: «За мужество и героизм, проявленные при выполнении заданий, командованием принято решение представить к званию Герой Российской Федерации».

Потом, после выполнения специального задания, через четыре месяца, повторилась та же картина, и так до апреля 1996 года, представляли четыре раза.

А потом документы исчезали где-то в недрах ГУК — в наградном отделе задерживались, потом писалась резолюция от имени министра обороны, что достаточно и тех наград, которые Кошкин получил и что им лучше знать, кого представлять, а кого нет.

Года два-три назад на празднике в Кремле В. В. Путин, будучи президентом, разговаривал со мной, выслушал эту историю про мои награды, позвонил министру обороны (Иванова) и приказал разобраться, почему не присвоили мне Героя. За огромной занятостью он, конечно, потом не вспомнил, а ему не доложили и оставили без ответа.

Видимо, еще есть те люди, которые не хотят, чтобы документы на присвоение звания Герой России Кошкину легли на стол к президенту. Я даже осмелюсь предположить, что знаю этого человека. Из-за своего вредного характера (был в нетрезвом состоянии), будучи в санатории Адлер в 1984 году, за оскорбление летного состава, на глазах командующего, вначале хотел сбросить с балкона второго этажа, а потом ограничился ударом по морде одному полковнику — он оказался из наградного отдела.

За эту мою выходку меня уже тогда предупредили, что во всех кадровых вопросах и вообще, что проходят через ГУК, у меня будут большие проблемы. И они действительно появились — с тех пор никакие документы ни на должности, ни на награды через ГУК не пропустили.

При этом все знают, что в начале войны, в 1941–42 гг., штурмовикам, выполнившим 30 боевых вылетов, давали Героя. Тем, кто успешно выполнял 150 боевых вылетов, давали Героя дважды, но таких было мало. Штурмовиков сбивали быстрее, чем они успевали набрать данное количество боевых вылетов.

Насколько мне известно из истории Великой Отечественной, максимальное количество боевых вылетов у штурмовиков было 200–220. Эти летчики все дважды Герои, и большинство, увы, посмертно. Самое большое количество сбитых самолетов в ВВС — это штурмовики — мы в той войне потеряли 25 тыс. самолетов.

Статистика нашего времени говорит о том же: больше всего потерь у штурмовиков, какие бы конфликты ни происходили. Для того чтобы максимально подавить сухопутные силы противника, необходимо применение штурмовой авиации. В настоящее время

самое большое количество боевых вылетов у российских летчиков из
фронтной авиации у Героя России Нерестюка, у него около 600.

Просто работа

Кандагар, начало 1986 года. «Афганцы» знают, что, несмотря на вечно солнечное небо Афганистана, в эту пору там может быть даже плохая погода (можно поймать минимум погоды).

Севернее от Кандагара рота ДШБ попадает в засаду, фактически в окружение. Погода как раз плохая, облачность 6–8 баллов с нижним краем 400–500 метров, цепляет горы. Десантура вызвала авиацию, первыми пошли «вертушки» Ми-24. Только влезли они в ущелье, тут же одну «вертушку» сбили, вызвали «Грачей».

Полетел я с Комаровым, пришли в район, земля между облаками мелькает, в этих условиях нужно ещё и цель найти, авианаводчик начал давать координаты, но просит работать осторожнее, рядом наши бойцы.

В то же время и медлить нельзя, наводчик говорит, что обстановка никудышная — много убитых и раненых, просит помочь, чем можем.

Начали работать, вроде дело пошло, в один из заходов наводит на цель, только снова предупреждает, что совсем рядом наши. Я на свой страх и риск выполнил очередь из пушки по заданным координатам, точно попал, авианаводчик кричит, что «точно в копеечку».

К вечеру мы выполнили по четыре боевых вылета, и войска вышли из окружения. Через несколько дней комбат из ДШБ познакомился с нами, и мы с ним поехали в госпиталь. Комбат подвел меня к раненому бойцу, который нас благодарил за спасение. Вот как он описывал сложившуюся ситуацию: его ранило, и он не мог двигаться. Видел, как 3 «духа» ползут к нему, и были они на расстоянии метров 20–30 от него. В этот момент сверху прошла очередь из снарядов по месту, где были «духи». Бойца, правда, тоже контузило, но «духи» погибли на месте, а его подобрал свои.

Мне также много довелось летать ночью на свободную охоту. Нам давали район, ограниченный координатами, который полностью контролировался «духами», и там можно было уничтожать все движущиеся автомобили, а так как действовал комендантский час, то после 10 часов вечера передвигались только «духи».

В начале 1986 года «духи» в открытую через границу из Пакистана ездили туда-сюда, оружие и живую силу возили свободно, пока я не начал их ночью расстреливать. Потом ещё другие летчики подключились, и так мы за месяц отучили «духов» внаглую кататься. Осторожнее стали, даже ночные посты выставляли, которые по звуку самолета зажигали костры. Причём интересный огонь: какой-то почти малиновый свет, ближе подлетаешь, он гаснет, и гаснут фары у машин.

Работали мы в основном только ракетами и из пушки, немного приходилось рисковать — в горах пикировать ночью, довольно низко снижаешься, а внизу не видно ни зги.

Чужой опыт

Примером для штурмовиков может быть немецкий летчик Рудель — конечно, он фашист, но учиться нужно и у врагов. Как он смог выполнить более 2000 боевых вылетов и остаться живым? Причем его сбивали более 30 раз, но он остался живой, а ущерб нанес такой, что некоторый полк не сделал за всю войну.

Я внимательно читал книгу о нем и выяснил, что к каждому вылету он подходил тщательно, изучая все мельчайшие детали. Один вылет чего стоит, когда он потопил казалось бы непотопляемый флагман Балтийского флота. Долгое время немцы не могли нанести ему ущерб, потому что на кораблях охранения, да и на самом флагмане стояла достаточно сильная система ПВО. Рудель рассчитал, как нужно подойти к кораблю, чтобы не быть сбитым зенитными орудиями. Он подлетел на большой высоте, затем перевёл самолет в пикирование под углом 90 градусов, прицелившись в центр корабля, и сбросил две бомбы, которые попали в центр корабля. После этого сдетонировали собственные боеприпасы, корабль разломился и затонул.

Рудель всегда прилетал оттуда, откуда его не ждали, он много летал на свободную охоту, что давало неплохие результаты.

Вот некоторые приемы ведения боя, выполняемые Руделем и нашими летчиками-штурмовиками, которые и я брал на вооружение. Пикирование на цель с большими углами атаки начал применять в конце 1986 года, что позволяло подойти к цели на большой высоте и исключить поражение зенитными орудиями и ПЗРК малой дальности. Но выполнять полет на большой высоте к цели противника, у которого имеются РЛС обнаружения и ракеты класса «земля — воздух» со средней и большой дальностью поражения, без активного применения всех имеющихся активных и пассивных средств подавления средств ПВО, я думаю, чревато большими потерями, что и произошло в 2008 году в Южной Осетии. Там, по рассказам лётчиков, наше авиационное командование не смогло задействовать все силы и средства, которые могли бы подавить РЛС ПВО Грузии, и лётчики штурмовой авиации летали на удары, подвергаясь воздействию всех видов оружия ПВО, отсюда и большие потери за такой короткий период.

Учеба

С 1989 года по 1992 год я учился в Военно-воздушной академии им. Ю. А. Гагарина, где готовили управлять войсками.

Осенью 1992 года успел подготовить 10 экипажей штурмовиков для ведения боевых действий на Северном Кавказе. В конце октября 1992 года работали с аэродрома Моздок в интересах МВД. В основном летали на ведение воздушной разведки и передачи необходимой информации для командования, а также часто ночью подсвечивали (сбрасывали светящиеся авиабомбы) над районом конфликта.

С начала 1993 года со своей эскадрильей мы пересели на аэродром Гудаута в Республике Абхазия, чтобы оказать помощь братскому народу от посягательств грузин, которыми руководил Шеварднадзе. Один раз, кстати, Шеварднадзе собирался посетить войска, но очень жаль, что не приехал в Очамчира хитрый лис, как чувствовал, мы его уже ждали, чтобы наказать.

Я лично в 1993 году выполнил около 50–60 боевых вылетов на уничтожение различных целей. Кроме того, что любой ценой нужно выполнить приказ, всегда считал и буду считать, что противнику нужно наносить максимальный ущерб, а сам должен всеми возможными способами исключить потери своего личного состава. Перед каждым вылетом обдумывать, просчитывать каждую секунду полета, как прилететь к цели с той стороны, где враг тебя не ждет. И сейчас я горжусь тем, что хоть чему-то научил своих подчиненных, не потерял ни одного летчика. Все мои ученики мягко сели на аэродром, а уж сколько они выполнили боевых вылетов, один Бог знает. Наверно, немало, если я сам выполнил 820 из тех, что официально записаны в моей летной книжке.

Нужно всегда учитывать, что у противника есть глаза и уши, которыми он видит и слышит, поэтому его нужно как-то отвлечь, если нет возможности ослепить и оглушить. Вот один из многих эпизодов, боевой вылет, который нам принес хороший результат. Разведка донесла, что движется колонна военной техники в районе Поты. Чтобы долететь незамеченными и застать врасплох противника, я придумал такую хитрость, может, не слишком этичную, зато достиг цели.

Смысл заключался в следующем: мы взлетели звеном, правым разворотом с небольшим набором уходим якобы на Адлер, не долетая Адлера, близко встав друг к другу, набираем высоту почти в створе полосы аэропорта Адлер, набрали 8500 метров и полетели в международной воздушной трассе на турецкий Трабзон. Пока все гражданские диспетчеры разбирались, откуда взялся в воздушной трассе неизвестный борт, мы уже прилетели на траверз Потти. Так же в плотном боевом порядке начали резкое снижение на предельно малую высоту с разворотом на восток к цели, заняли высоту метров 150–200. Через 4–5 минут я увидел колонну техники. Правда, танков там не оказалось, но два БТР, 7–9 автомобилей сопровождения были уничтожены, а ПВО Грузии нас проспала. Мы тем же путём, через море, только теперь на предельно малой высоте, вернулись в Гудауту.

Ещё один вылет, о котором раньше нельзя было рассказывать: командование поставило задачу нанести удар по расположению штаба корпуса в районе н. п. Келасури. По данным разведки, там было большое скопление живой силы, техники, ГСМ. На этом направлении у грузин была достаточно сильная ПВО, начиная от «Шилок» ЗСУ-23-4 и кончая ЗРК средней дальности, и, честно говоря, был большой риск быть сбитым.

Я попросил своего штурмана посчитать вероятность попадания бомб, и в какой точке необходимо начинать маневр, если будем бросать их с кабрирования с углом 45 градусов, при перегрузке 5 единиц на 3 секунде. После его доклада так и решил осуществить бомбометание таким способом, так как цели нам дали очень разбросанные по площадям. Вероятность прорыва ПВО достаточно высокая, так как до линии фронта лететь от нашего маяка всего 3–4 минуты, они нас засекут, но с какой-то задержкой по времени, которая нам даст возможность близко подлететь, а потом, когда начнем выполнять маневр, у ЗСУ-23-4 вероятность поражения становится призрачно маленькой.

Взлетели в утренних сумерках, звеном, встали в плотный боевой порядок, всем приказал стоять очень близко, не далее 15 метров друг от друга, с превышением 2–3 метра, правым разворотом с набором стали уходить на север на Россию. Не долетая Адлера, мы снизились на предельно малую высоту и развернулись на свой аэродром, но уже

над сушей. Потом пролетели свой маяк на высоте 25–30 метров и снизились над водой метров до 15.

По свидетельству одного из моих ведомых, мы шли так низко, что у меня сзади над водой поднимался небольшой бурун. Так мы полетели на маяк Сухуми (он хорошо подавал сигналы). Как только прицельная марка легла на маяк, я начал выполнять маневр на кабрирование, и по моей команде все 4 самолета сбросили по шесть 500-кг бомб. Маневр закончили полупетлей и снижением на малую высоту.

Уже в перископ я увидел, что «Шилки» начали стрелять (от них летит веер трассирующих снарядов по кругу) нам вдогонку, но это все было как мертвому припарка. Мы все прилетели на родной аэродром, а результаты вылета нам доложили на следующий день. Всего около 200 единиц живой силы, сам штаб корпуса и склад ГСМ были уничтожены.

С июня по октябрь 1994 года я выполнил около 40 боевых вылетов на территории Таджикистана. Для меня это была знакомая местность, как в Афганистане. Цели находили быстро и с ходу, этому я учил и своих летчиков. Говорил им: «Постарайся найти цель с ходу и нанести удар с первого захода, тогда противник не успеет убежать».

Объяснение простое: между первым и вторым заходом проходит примерно одна минута, но куда и на какое расстояние в экстремальной ситуации убежит человек за одну минуту?

И ещё один очень важный момент, характерный для небольших групп бандформирований, — при внезапном нанесении удара велика вероятность, что, если в группе были зенитные средства поражения, они тоже будут уничтожены с первого захода, так как обычно следуют в общей колонне.

Я горжусь тем, что за то время, пока командовал своими подразделениями, в группах, которые водил к цели, я не потерял ни одного лётчика, даже ни один не получил боевого повреждения, кроме меня самого, был такой случай один раз за все мои 820 боевых вылетов, в Чечне. Слава богу, все они живы и здоровы, еще даже кто-то летает.

Чечня

С декабря 1994 года по апрель 1996 года участвовал в боевых действиях в Чеченской Республике, выполнил более 200 боевых вылетов. В конце февраля 1995 года меня подняли на уничтожение расчета гаубиц Д-30, 15 км восточнее Грозного, за речкой недалеко от Аргуна.

Прилетели в район цели минут через 20, ничего не видно, хотя открытая местность, минут 5 покружились, хотел уже доложить на КП, что цель не обнаружена, а в этот день с утра выпал снег, и я вдруг на снегу увидел черный след от техники, который вёл и заканчивался на заброшенной ферме (Т-образная). Я посчитал, что за полчаса машины по распутице далеко не могли уехать, а это место как раз около 3–5 км от нашей цели, да и других следов нет. Принял решение нанести удар по ферме. Ведомому приказал нанести удар по зданию с севера на юг, а сам нанес удар с запада на восток. После первого попадания пошел черный дым — так горит солярка или масло.

Принял решение нанести еще удар, сбросив 250-кг бомбы, как говорится «чуть-чуть разровнять цель», доложил на КП об окончании работы и слышу в эфире голос командующего армией. Он мне приказал слетать в район Гудермеса, оттуда только что обстреляли подразделения волгоградского корпуса из «Града». Велел найти и уничтожить эту установку.

Прилетели в район, указанный командующим, оказалось в районе железнодорожного вокзала, там все разбито, в общем, унылая картина, и в этом хаосе нужно найти машину. Принял решение, что нечего вдвоем на предельно малой высоте носиться. Приказал ведомому занять высоту 4500 метров, а сам на высоте от 25 до 50 метров начал рыскать над указанным районом.

Где-то на третьем вираже мне показалось, что в укрытии арочного типа мелькнул нос машины. Я выполнил ещё один вираж и вышел на это укрытие таким образом, чтобы машину видно было со стороны фонаря. Смотрю, точно морда машины торчит, только подумал начать выполнить маневр для атаки, у меня ещё пушка с полным боекомплектом оставалась, как почувствовал удар в самолет. Сразу

загорелись лампы «падение давление масла левого двигателя», «сбрось обороты левого двигателя» и лампа «пожар».

Я быстро отключил левый двигатель, включил две системы пожаротушения, а сам думаю, как бы успеть долететь за Терек, если не погаснет пожар, то хоть в степи прыгнуть, а не на позиции боевиков. Да еще как на зло скорость была небольшая, всего-то 500 км/ч, что не позволило набрать большой высоты. Смотрю лампа «пожар» погасла, стало спокойнее на душе, думаю, лишь бы теперь ещё чем-нибудь не попали. Иду на небольшой высоте метров 400 и скорость 450 км/ч, очень удобно стрелять снизу, но потом успокаиваюсь, прохожу Терек, отклоняюсь на север.

Доложил точные координаты «Града» на КП, сам попросил дать возможность мне сесть на вынужденную посадку на запасной аэродром, мне разрешили.

Попросил ведомого подойти ко мне поближе, посмотреть, что у меня там с самолетом творится. Он подошел близко к самолету и сказал, что белый шлейф тянется за мной. Ладно, говорю, летим на этой высоте на запасной, слава богу уже на своей территории.

По прилете на аэродром выяснилось, что попал снаряд от КПВТ калибра 14,5 мм, сердечник разорвал трубки подачи масла, и оно попало на горячее сопло. Все загорелось, конечно, но я вовремя, видимо, залил пеной и огонь потушил, а за мной был, видимо, шлейф вытекающего масла.

Тут к самолету подъехал замкомандующего и сразу спрашивает меня, на какой высоте летал. Я ответил, что на высоте 500 метров, на что он мне заявил, что я нарушил указание летать на высоте не ниже 1500 метров, да и то в нижней точке пикирования.

Я вступил с ним в полемику, доказывая, что каким это образом можно с высоты 2000–2500 метров увидеть и, самое главное, определить марку автомобиля, тем более что он стоял в укрытии. В общем, договорились с ним до ругани, я ему сказал, берите ЗШ, летайте сами и ищите машины на высоте выше 2500 метров. Он мне в ответ сказал, что выгонит меня на хрен из армии.

На том и расстались — он на КП, я в курилку. Часа через два прибежал посыльный и попросил меня подъехать на объединенный КП — генералы вызывают. Я доложил о прибытии, на КП куча генералов, не счесть, наш замкомандующего огласил мне, что в

результате нанесенного мной БШУ в старом коровнике уничтожены два орудия Д-30 с боевыми расчетами. А еще по моей наводке парой Су-24 уничтожен последний «Град» БМ-24 (у них было всего два «Града» с начала конфликта) в районе вокзала Гудермеса.

И в конце добавил, что за проявленные мужество и героизм меня наказывать не будет, а ведомого представляет к государственной награде (чуть позднее он получил орден Мужества). Ну и на том слава богу, но с тех пор отношения с нашим генералом были испорчены в пух и прах. А самолет мой к утру отремонтировали, и я на нем пошел воевать дальше.

Вообще, на войну частенько прикатывали московские гости, чтобы правильно поставить нам задачу, рассказать, как нужно воевать. Особенно они любили летчиков поучить, показать, как выполняется полет, какой рукой РУС держать, куда смотреть и что говорить.

Иногда летчики довольно близко работали от своих войск, и однажды кто-то с земли на нас пожаловался. Приехала очередная комиссия и давай учить нас — как нужно связываться с пехотой, как цель искать и как маневр строить. Короче, пока боеприпас сбросишь, враг уедет в соседнее государство, а у тебя топливо закончится.

Я проверяющему говорю: а зачем лететь туда, если так долго строить маневры, враги и сами убегут, предварительно потренировавшись на нас переносными ракетами или постреляв из зенитных пулеметов.

Он обиделся на меня, сказал, что из-за таких, как я, и гибнут неоправданно войска и что мы совсем не бережем технику. А тот факт, что от нас внизу пехота ждет поддержки, а не книжных маневров, его не интересовал.

До момента увольнения из армии у меня было много вылетов, но я так и не понял, почему мы в Чечне не использовали боеприпасы с самонаведением из РБК. Они дают большую вероятность поражения цели при минимальных затратах сил и средств, а также минимальную вероятность поражения средствами ПВО.

Дважды я все-таки настоял на их применении, мне давали их применять по колоннам автомобилей. Результат, я считаю, великолепный, притом что оба вылета я делал ночью, только в разные дни.

В первый раз разведка дала район движения колонн по дороге из Шатоя в сторону Грозного. Я прилетел и с большой высоты прицелился в голову колонны, сбросил две РБК, сразу полыхнуло семь машин. Остальные не загорелись, но были повреждены, цель достигнута.

По разговорам летчиков, моих воспитанников, больше ракеты с самонаведением никогда не давали. Это очень странно. Но еще более странно, что их не использовали и позже, например, в ходе пятидневной войны в Грузии.

Какой был бы прекрасный результат в Южной Осетии, если бы такими боеприпасами отработали по колоннам грузинской армии, идущей в Цхинвал, ведь всех бы положили. Еще очень жаль, что таких боеприпасов у нас не было в Афганистане, они появились позже, а большая была бы помощь, особенно ночью.

Был один случай, ныне здравствующий замглавкома ВВС генерал Виктор Бондарев помнит и, думаю, не откажется от этого эпизода. Он тогда висел над районом боевых действий и видел своими глазами, когда я прицеливался точно в ручном режиме.

Ситуация была такая: БТР чеченцев уходил в лесной массив в районе Ведено, до лесного массива ему оставалось метров 300–400. Я попросил авианаводчика разрешить отработать по нему и, когда он дал добро, вдруг вспомнил, что у меня, кроме двух 500-кг бомб, никакого оружия меньшей мощности нет.

Делать нечего — выполнил классический заход, как на полигоне. Зашёл с высоты 1500–1800 метров над целью с углом пикирования 30 градусов, под углом к направлению движения цели 10 градусов, выполнил сброс сразу двух бомб. Подумал, что если будет большой промах, то второй заход все равно не успею сделать, БТР в лес уйдет. После сброса выполняю боевой разворот, смотрю на БТР и вижу у второй бомбы прямое попадание, а первая чуть с перелетом. От БТР ничего не осталось, а обломки землей засыпало. Генерал мне в эфир, помню, закричал удивленно: «Кошкин, как ты умудрился бомбой в БТР попасть?» Я пошутил, что случайно, но на самом деле я, конечно, целился. У меня ранее такой случай был в Афганистане в 1985 году. Звено вел сам командир полка А. В. Руцкой, а я был ведущий второй пары. Уничтожить нужно было пещеру с «духами», и А. В. Руцкой

повесил себе две большие управляемые ракеты, чтобы во вход в пещеру попасть, а у нас было обычное, но тоже тяжелое вооружение.

Прилетели в район Северный Пандшер, начали строить маневр для атаки. Но там была проблема — Руцкой не мог своими ракетами отработать издали, кривое ущелье, цель не видно. Он приказал своему ведомому, чтобы тот отработал по цели, а сам сказал, что ракеты пускать не будет.

Смотрим, ведомый заходит на цель, сразу и не поймешь туда или не туда, пускает две большие неуправляемые ракеты С-24, и, блях-муха, они попадают в «молоко» — от цели километра полтора.

Руцкой ему всеми литературными и нелитературными выражениями высказал все, что про него думал, потом обратился ко мне и приказал обозначить цель.

Я и обозначил, но у меня только 500-кг бомбы были. Вот я их и загнал точно во вход в пещеру, попутно все завалил там на фиг. Выражений было не меньше в мой адрес — Руцкой крикнул: «Ты бы еще атомную бомбу для обозначения цели сбросил».

Правда, когда прилетели на базу, похвалил и, как положено командиру, похлопал по плечу, а это дорогого стоит. Редкое по удаче попадание тогда получилось — если ракетой не попадают, а бомбой точно накрывают цель.

Также с удовольствием вспоминаю, что я был инструктором на Су-25 у всех генералов нашей воздушной армии. Первым из них был генерал Тендитников, прекрасный летчик, только он, помню, был не очень доволен, что я летаю низко. Он сам был из истребителей, а для них, сами понимаете, формулу «высота — скорость — маневр — огонь» никто не отменял. Поэтому он все время просил подняться повыше, «а то ненароком крылом что-нибудь зацепим».

Второй вылетал на Су-25 командующий, генерал Михайлов. Он в Чечне несколько раз летал со мной на БШУ (в спарке) и удивлялся большим углам пикирования, в 50–60 градусов. Жаловался, что неприятно: «Слишком быстро вершины гор остаются где-то наверху, а мы между ними несемся к земле». Потом выпускал на Су-25 генерала Ефименко (ныне покойный). Он много летал на Су-17, и я решил ему показать маневренные возможности Су-25, доказать, что они лучше. Помню, с высоты 1200 метров начал выполнять переворот, но сделал ошибку, скорость не увеличил до 500 км/ч. Перевернул самолет на

скорости 400 км/ч, увеличил обороты до максимала и начал увеличивать перегрузку слишком быстро, сразу до пяти единиц. Самолет начал трястись, я уменьшил перегрузку, быстро упала высота. Увеличиваю перегрузку — трясется самолет. Короче, на высоте 200–250 м вывел самолет из пикирования и говорю генералу, что, мол, не очень получилось, сейчас покажу как надо. На что он мне с юмором ответил: «Нет, ну тебя на фиг, Саня, я и так верю тебе, что самолет классный, но давай сегодня не будем повторять».

Я верю, что пройдут смутные времена, армию перестанут унижать и разгонять, верю, что настанет время, когда русские летчики опять будут лучшими в мире. Что наши пилоты не будут стесняться ходить в форме с голубыми погонами, и даже милиция будет их приветствовать при встрече. Что в кожаной летной куртке можно будет с гордостью ходить по любому городу нашей страны, и люди будут знать, что обладатель этой куртки из элитных частей.

Что на вопрос любому лётчику: «А не слабо в воздушный бой с американским или немецким лётчиком из НАТО?» — последует реалистичный и подкрепленный практикой ответ: «Да как два пальца об асфальт». Что будут летчики, как и раньше, элитой в Вооруженных силах страны, и что будет у нас один День авиации, а не, как сейчас, несколько — все уже запутались в этих праздниках, поэтому разброд, шатание и в самой авиации.

Считаю, что, выполняя приказы командования, я принёс какую-то пользу государству и внес свой вклад в укрепление целостности и обороноспособности нашей великой Родины.

Александр Кошкин, май 2011 года

ФОТОАЛЬБОМ



Перед первым прыжком с парашютом с самолета Ан-2, город Ейск, Ейское ВВАУЛ. Слева направо однокашники: Митрофанов Андрей (трагически погиб), Осинин Сергей, Кошкин Александр. Сентябрь 1977 года



Рядовой Кошкин Александр в карауле (город Лабинск, инженерный батальон), охраняет склады после отчисления из ЕВВАУЛ за драку. 1978 год



Александр Кошкин — курсант второго курса Борисоглебского высшего военного авиационного ордена Ленина Краснознаменного училища летчиков (ВВАУЛ). Фото 1980 года



Фотокомпозиция. У памятника летчикам-выпускникам Борисоглебского ВВАУЛ, самолет на постаменте — МиГ-19, первый курс. 1980 год



Второй курс, Летчик-инструктор капитан Поплевко Владимир Григорьевич проводит с летчиками наземную подготовку перед полетами. Капитан находится спиной к фотографу, остальные персонажи слева направо: курсанты Дьяков Сергей, Кошкин Александр, Кириленко Владимир. 1981 год



Третья рота второго курса ВВАУЛ. Город Ряжск Рязанской области. Летчики летали на самолетах Л-39, Александр Кошкин во втором ряду снизу, 3-й справа, сидит на корточках.

1981 год



Александр Кошкин, курсант третьего курса. 1982 год



Город Борисоглебск, третий курс, слева направо: Кошкин Александр, Скокшин Александр, Тимонькин Юрий. 1982 год



Кошкин в кабине вертолета Ми-8 на месте правого пилота. Впрочем, вертолет никуда не летит — летчики просто сидят в кабине. 1983 год



Афганистан, Кандагар. Возле захваченного у душманов оружия на плацу ДШБ (десантно-штурмовой бригады). Слева направо летчики отдельной штурмовой авиационной эскадрильи: Кошкин Александр, Величко Алексей, Трунов Борис, Баиров Николай (погиб в 1995 году при выполнении боевой задачи, посмертно Герой России). 1986 год



Фотомонтаж в выпускной альбом (город Борисоглебск, слева направо сверху: лейтенанты Кошкин Александр, Бурков Юрий (погиб в Судане в 2010 году на самолете МиГ-29), Нестеров Сергей, Кириленко Владимир; внизу: Барухин Борис, Богдан Сергей (ныне Герой России, заслуженный летчик-испытатель России). 1983 год



*Су-25 перед вылетом на удар с подвеской: 4 бомбы калибра 250 кг, 2 блока Б-8 с
неуправляемыми авиационными ракетами (НАР) — С-8, 2 ракеты класса воздух — воздух
Р-60, 2 подвесных топливных бака (ПТБ) по 800 кг*



ВВА, после участия в параде на Красной площади в честь 7-го Ноября. 1990 год



А. Кошкин перед поступлением в ВВА им. Ю. А. Гагарина, город Арциз, Одесский военный округ. 1989 год



Третий курс Военно-воздушной академии им. Ю. А. Гагарина (далее ВВА), летчики находятся под бомбардировщиком Ту-22 рядом с осколочно-фугасной авиабомбой калибра 9 тонн. Слева направо: Александров Михаил, Кошкин Александр, Ершов Вячеслав, Бондарев Виктор (ныне начальник главного штаба ВВС). 1993 год



ВВА. У самолета МиГ-27 Кошкин Александр, Бондарев Виктор. 1993 год



*ВВА. У самолета МиГ-21 («голубь мира» — так его называли из-за слабого вооружения)
слева направо: Александров Михаил, Коваленко Владимир, Кошкин Александр, Бондарев
Виктор, Клещев Константин. 1993 год*



У старого бомбардировщика (может быть «ТБ») третье отделение ВВА. Слева направо в первом ряду: Фадеев Александр, Коваленко Владимир, Ершов Вячеслав, Цатиашвили Олег. Слева направо во втором ряду: Бондарев Виктор, Александров Михаил, Сазонов Сергей, Кошкин Александр, Клецев Константин, Дубенский Владимир, Сулим Игорь. 1993 год



*Выпуск из ВВА: командный факультет, третье отделение. Первый ряд слева направо:
Александров Михаил, Бондарев Виктор, Фадеев Александр, Кошкин Александр,*

Цатиашвили Олег (погиб в авиационной катастрофе). Второй ряд слева направо: Коваленко Владимир, Сазонов Сергей, Дубенский Владимир (погиб в авиационной катастрофе), Клещев Константин, Еришов Вячеслав, Сулим Игорь. 1993 год



Северный Кавказ, город Моздок, слева направо: Кошкин Александр, Ивлев Петр, Пожарский Эдуард, следом рядовой водитель. Мы все где-то за столом едим, может, даже выпиваем. 1995 год



Северный Кавказ. Слева направо летчики: Пожарский Эдуард, Кошкин Александр, Иванов Геннадий. 1995 год



На встрече с ветеранами слева направо: Вережкин Александр (в Афганистане служил в 1979–1981 годах, командир разведзвезда ДШБ), дважды Герой Советского Союза Алексей Леонов, Кошкин Александр. 2004 год

notes

Примечания

1

ДШК — 12,7-мм пулемет Дегтярева — Шпагина крупнокалиберный. Активно использовался в Афганистане обеими воюющими сторонами, в том числе как защитный.

Шурави — так называли советских специалистов в Афганистане, в том числе солдат и офицеров ограниченного контингента советских войск в ДРА.

3

«Грач» — штурмовик Су-25 (жарг.).

4

НАЗ — носимый аварийный запас, включает продовольствие, воду и все необходимое для выживания летчика.

Л-39 («Альбатрос») — двухместный учебно-тренировочный самолет.

УАЦ — учебный авиационный центр.